ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Эсендиров Ахмед Вахитович

«Страхование ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки»

Специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;

семейное право; международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
С. В. Водолагин

Москва — 2021

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Ответственность членов органов управления юридических лиц 17

§1. Обязанности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки **17**

Глава 2. Обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки 69

§1. Эволюция института страхования ответственности членов органов управления юридических лиц **69**

§2. Правовая природа обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц **83**

§3. Объем страхового покрытия в обязательствах из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц и особенности его заключения **116**

Глава 3. Влияние института страхования ответственности органов управления юридических лиц на корпоративное управление 130

§1. Влияние заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на управление в корпорации **130**

§2. Влияние раскрытия информации о договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на порядок привлечения инвестиций **140**

Заключение 151

Библиография 157

Введение

Актуальность темы исследования. В современной теории российского гражданского права обязательства из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц остаются в известной степени малоизученными. Это объясняется отсутствием в российском праве на протяжении длительного периода эффективного механизма привлечения к ответственности членов органов управления юридических лиц за убытки, причиненные юридическому лицу или третьим лицам. В 2013 году, в период реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), ситуация существенным образом изменилась с введением статьи 53.1 ГК РФ и изменением статьи 53 ГК РФ. Принятое Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов управления юридического лица» представляет собой первую попытку разъяснить проведенную реформу. Практика применения данных положений показала существенные риски для директоров быть привлеченными к гражданско-правовой ответственности, тем самым выявив необходимость снижения рисков путем заключения договоров страхования ответственности директоров, и поставила целый ряд вопросов теоретического, практического и политико-правового характера, рассмотрению которых посвящена настоящая работа. В работе исследован опыт Англии, где формируются основные тенденции в области страхового права на протяжении нескольких веков, Соединенных Штатов Америки как юрисдикции, в которой институт страхования ответственности членов органов управления был наиболее разработан, и Российской Федерации.

Недостаточная степень разработки института страхования ответственности членов органов управления юридических лиц в отечественном правопорядке обусловлена сложностью изучения института страхования ответственности. Определение страхового интереса и риска в обязательстве по страхованию ответственности директоров, объема страхового покрытия и квалификация

страхового правоотношения в рамках сложившейся системы договорных обязательств необходимо для надлежащего правового регулирования общественных отношений, возникающих вследствие страхования ответственности директоров. Между тем на практике наблюдается все больший интерес к данному страховому продукту. Российский рынок страхования ответственности руководителей по состоянию на 2019 год оценивался минимально в 4,58 миллиарда рублей, а максимально в 5,1 миллиарда рублей из суммарного расчета страховых премий. При этом отмечается, что рынок растет на 10-15% ежегодно[1]. На зарубежных рынках страхования наблюдается схожая тенденция. С начала 2019 года размер средней годовой страховой премии в процентах от величины размера покрытия на английском рынке увеличился на 0,4 процентных пункта[2], на американском рынке – на 27 процентных пунктов[3]. Несмотря на развитие в международной практике группового страхования ответственности, вопросы правового регулирования страхования ответственности членов коллегиального исполнительного органа и членов органов управления юридического лица в рамках холдинга (группы компаний) по российскому праву нуждаются в более пристальном внимании, что и было осуществлено в настоящем исследовании.

Степень разработанности темы. Проблема регулирования обязательств из договора страхования ответственности членов органов управления юридического лица разрабатывалась российскими учеными.

Такие исследователи, как Т. Е. Абова[4], О. В. Буткова, А. В. Габов[5], А. Е. Молотников[6], И. С. Шиткина[7] в своих работах акцентируют внимание лишь на

---

[1] *Якимов Н. В.* Оценка объема российского рынка страхования ответственности руководителей // Вопросы студенческой науки. 2019, № 6. С. 197 – 201.

[2] UK Directors and Officers Insurance Market Update // URL: https://www.marsh.com/ie/insights/research/uk-directors-officers-insurance-market-update.html (дата обращения: 25.03.2021).

[3] 2021 Market Conditions Report: Public Company D&O // URL: https://www.ajg.com/us/news-and-insights/2021/feb/2021-market-conditions-report-public-company-d-o/ (дата обращения: 25.03.2021).

4 *Абова Т. Е.* Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М., 2007.

[5] *Габов А. В., Молотников А. Е.* Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012, № 9. С. 162-178.

общих вопросах страхования ответственности членов органов управлениях юридических лиц, указывая в самом общем виде на его положительное значение для построения эффективного корпоративного управления и уделяя большее внимание вопросам ответственности этих лиц.

Отдельно ответственность членов органов управления хозяйственных обществ рассматривалась в диссертации Е. Н. Назаровой, которой, в частности, изучался вопрос понятия и видов ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, был предложен критерий разграничения материальной и гражданско-правовой ответственности указанных лиц[8].

Ярко выраженный корпоративный уклон изучения страхования ответственности представлен и в работах Д. И. Текутьева, в которых договор страхования ответственности членов органов управления юридических лиц рассмотрен лишь как одна из нескольких опций повышения эффективности членов органов управления юридических лиц[9]. Ряд вопросов, связанных с влиянием на корпоративное управление договора страхования ответственности директоров, специально рассмотрен не был.

Более подробно страхование ответственности членов органов управления юридических лиц рассмотрены в работах А. Г. Архиповой[10], М. Я. Шиминовой[11], благодаря которым были поставлены вопросы о месте данного вида страхования в российской системе страховых обязательств, обозначены проблемы, проистекающие из разницы страхования договорной и внедоговорной

---

[6] *Молотников А. Е.* Ответственность лиц, осуществляющих управление в акционерных обществах // Корпоративный юрист. 2006, №5. С. 34-36.

[7] *Шиткина И. С., Буткова О. В.* Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1. С. 38-49.

[8] *Назарова Е. В.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург., 2015.

[9] *Текутьев Д. И.* Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017.; *Текутьев Д. И.* Страхование ответственности членов органов управления корпорации: непозволительная роскошь или острая необходимость? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016, № 1. С. 27 - 33.

[10] *Архипова А. Г.* Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть //Арбитражная практика. 2016, № 2. С. 76-83.

[11] *Шиминова М. Я.* Страхование гражданской ответственности исполнительных органов корпорации // Актуальные проблемы международного частного, гражданского права и арбитража: сб, науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Костина. М., 2018. С. 232-253.

ответственности и некоторые другие. Кроме того, нельзя не отметить важность разработок А. Г. Архиповой, М. Я. Шиминовой[12] и А. И. Лободы[13] в области страхового права вообще для изучения многих аспектов страхования ответственности членов органов юридических лиц – в частности.

Специальное исследование Е. В. Голевой также внесло значительный вклад в осмысление договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц[14]. В работе достаточно подробна рассмотрена историческая сторона вопроса (со времен древности до Новейшей истории) по праву Англии и России, исследованы отдельные категории страхования ответственности директоров и менеджеров. Тем не менее, исследование данного вида страхования без изучения опыта рынка и права Соединенных Штатов Америки представляется недостаточно неполным, хотя бы по той причине, что именно там он претерпел значительное развитие и пользуется наибольшим спросом. Кроме того, исследователем не изучался вопрос взаимосвязи системы корпоративного управления и заключения договоров страхования ответственности членов органов управления юридических лиц.

Затрагивалась проблема страхования ответственности членов органов управления юридического лица в диссертационном исследовании С. Л. Сотникова, которое посвящено страхованию профессиональной ответственности. Автор рассматривал страхование ответственности «топ-менеджеров» как специальный подвид страхования профессиональной ответственности[15].

Тема регулирования обязательств из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц впервые системно исследована в

---

[12] *Шиминова М. Я.* К вопросу о функциях страхования // В. А. Кабатов, С. Н. Лебедев: In Memoriam. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / Под ред. А. И. Муранова. М., 2017. С. 894-913.; *Малеин Н. С. Шиминова М. Я.* Эффективность предупреждения правонарушений, возникающих из причинения вреда // Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на научной конференции. М., 1971. С. 54 – 60)

[13] *Лобода А. И.* Договор страхования /А. И. Лобода // Учебник по публичному и частному праву. В 2 т. Т. 2.: Частное право / под общ. ред. проф. А.А. Костина. М., 2008. С. 364-367.

[14] *Голева Е. В.* Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России: сравнительный анализ. СПб, 2015.

[15] *Сотников С. Л.* Страхование профессиональной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. Томск., 2010.

кандидатской диссертации В. В. Алейниковой[16]. Тем не менее глубина проведенного в указанной работе исследования позволила поставить ряд новых, не до конца исследованных вопросов. Некоторые подходы исследователя – например, вопрос определения критерия для разграничения нарушений обязанности добросовестного и разумного поведения представляются спорными, вопрос определения природы ответственности членов органов управления юридических лиц и, соответственно, расположение страхования ответственности членов органов управления в системе страховых обязательств и некоторые другие – представляются не до конца обоснованными и заслуживают отдельного внимания.

В Англии отдельные аспекты страхования ответственности директоров рассматривают С. Бакстер, Т. Бейкер[17], С. Бейнбридж, С. Гриффит, А. Кларк[18], Н. О'Салливан, П. Спайби, Б. Хэнниган и др.

В США данной тематикой занимаются Б. Блэк, Дж. Бишоп[19], Г. Даллас, Д. Добиак, Л. Митчелл[20], Д. Нэмбиссан, А. Паолини[21], М. Паркер, Л. Фейрфакс, Дж. Хинси, и др.

Каждый из этих ученых рассматривает различные аспекты страхования ответственности директоров с точки зрения корпоративного и договорного права, что предопределило возможность написания настоящего диссертационного исследования.

При написании исследовательской работы основное внимание уделено изучению нормативных правовых актов рассматриваемых государств, таких как

---

[16] *Алейникова В. В.* Страхование гражданской ответственности единоличных, членов коллегиальных исполнительных органов хозяйственных обществ: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2016; *Алейникова В. В.* Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018.

[17] *Baker T., Griffith, S. J.* Predicting corporate governance risk: Evidence form directors' & officers' liability insurance market // The University of Chicago Law Review. 2007, № 2. P. 487-544.

[18] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. 2017. URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.05.2020).

[19] *Bishop J. W., Washington G. T.* The Law of Corporate Officers and Directors: Indemnification and Insurance. Deerfield, 1994.

[20] *Mitchell L. E.* The Death of Fiduciary Duty in Close Corporations // University of Pennsylvania Law Review. 1990, № 6.

[21] *Paolini A., Nambisan D.* Director's and Officer's Liability Insurance. London, 2008.

Гражданский кодекс РФ, Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и др. В Англии вопросы страхования ответственности директоров регулируются такими актами, как Закон о страховании 2015 года, Закон о компаниях 2006 года и др. В США вопросы ответственности директоров регулируются Законом Сарбейнза-Оксли, Законом о ценных бумагах, Законом о ценных бумагах и рынках и др. При написании работы изучена актуальная судебная практика, монографии, научные статьи из периодических изданий, рекомендуемых ВАК, а также входящих в международные базы данных, такие как Web of Science, Scopus и др.

Целью исследовательской работы является выделение особенностей законодательного и договорного регулирования правоотношений, возникающих из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц в Российской Федерации и зарубежных государствах, встраивания данного вида страхования в систему страховых обязательств и нахождение оптимального для России способа регулирования данных правоотношений.

Задачи диссертационного исследования обусловлены целью и состоят в:

- рассмотрении особенностей правового регулирования страхования ответственности членов органов управления юридических лиц в Российской Федерации и зарубежных государствах;
- выделении особенностей правового регулирования гражданско-правовой ответственности как фактора, направляющего развитие правового регулирования страхования ответственности членов органов управления юридических лиц;
- проведении сравнительно-правового анализа гражданско-правовых обязанностей членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и США;
- определении места и роли договора страхования в системе договорных обязательств Российской Федерации, Англии и США;

- рассмотрении объема страхового покрытия в обязательствах из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и США;
- выявлении особенностей группового (коллективного) страхования ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и США;
- выделении политико-правовых тенденций корпоративного управления в связи со страхованием ответственности директоров.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности ВАК 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

1.6. Сущность и признаки юридического лица. Органы юридического лица. Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица.

1.32. Обязательства по страхованию, их виды. Имущественное и личное, добровольное и обязательное страхование; сострахование, двойное страхование и перестрахование. Участники страхового обязательства. Страховщики, их объединения, общества взаимного страхования, страховые агенты и страховые брокеры. Страхователь, выгодоприобретатель и застрахованное лицо. Страховой договор, его виды. Содержание и исполнение страхового обязательства. Суброгация. Обязательства по имущественному страхованию. Страхование имущества. Страхование гражданской ответственности. Страхование предпринимательского риска.

Область исследования также соответствует таким приоритетным направлениям научных исследований МГИМО МИД России, как международные отношения, безопасность и политика; государственное, муниципальное, корпоративное управление.

Объект исследования. В качестве объекта исследования выступают правоотношения, возникающие из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц.

Предмет исследования составляют правовые нормы, регулирующие отношения в связи с привлечением членов органов управления юридических лиц к гражданско-правовой ответственности, формирование правовых норм и перспективы правового регулирования, правовые нормы по заключению договоров страхования ответственности членов органов управления юридических лиц (хозяйственных обществ — акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью) и правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие при заключении указанных договоров по праву Российской Федерации и зарубежных государств. В работе также рассмотрена актуальная судебная практика.

Хронологические рамки диссертационного исследования. Зарождение страхования ответственности директоров и менеджеров можно отнести к 30-м годам прошлого века, но пик активности его развития приходится на 2000-е — настоящее время. Примерно в этот же период данные договоры начинают заключать российские страховые компании.

Во многих государствах уже сформировалось исходное регулирование, но степень детализации правового регулирования в настоящее время разные. Правоотношения по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц являются достаточно новыми и отражают развитие корпоративного законодательства и практики его применения.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные выводы, касающиеся обязательств из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, являются теоретическим отражением эволюции отношений, существовавших более чем восемьдесят лет за рубежом и зарождающихся сегодня в Российской Федерации. Комплексное исследование практической реализации данного договорного

обязательства и связи с корпоративным управлением и ответственностью за нарушение обязательств позволяет теоретически обосновать функциональное значение данного вида страхования.

Анализ более ста российских судебных актов, изложение результатов анализа более семидесяти наиболее важных из них в тексте настоящей работы, рассмотрение зарубежной судебной практики и законодательства позволяет отразить существующие тенденции привлечения членов органов управления юридических лиц и страхования их ответственности в отечественном и зарубежном правопорядках.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы как в научно-исследовательской деятельности, преподавании гражданского права в высших учебных заведениях, так и в практике осуществления страховой деятельности, управления хозяйственными обществами.

Методологическая основа проведенного исследования состоит в применении общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция). Более глубокое понимание норм действующего российского гражданского законодательства и потенциальных возможностей его совершенствования было бы невозможно без применения специальных методов исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический). Сравнительно-правовая методология применяется в части сравнения законоположений и судебной практики России, Англии и Соединенных Штатов Америки, а также обосновывающих их доктринальных источников, теорий, дискуссий. Исторический метод исследования призван показать длительный процесс генезиса страхования ответственности директоров и менеджеров в странах системы общего права и относительно недолгое его развитие в рамках отечественного правопорядка.

Научная новизна исследования обусловлена проведенным анализом института страхования ответственности членов органов управления юридических лиц с позиций определения правовой природы ответственности этих лиц, генезиса и места института страхования в системе страхового права и корпоративного управления по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов

Америки, что позволило автору сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Установлено, что правовая природа гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих функции единоличных исполнительных органов, членов коллегиальных исполнительных органов, членов коллегиальных органов управления хозяйственных обществ перед хозяйственным обществом является ответственностью за причинение вреда, поскольку в основе их лежит ответственность за нарушение закрепленных в законе норм-стандартов действовать добросовестно и разумно, отличающихся от норм-правил, нарушение которых не столь однозначно приводит к деликтной ответственности.

2. Доказано, что обязательство из договора страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ по российскому праву представляет собой добровольное имущественное страхование деликтной ответственности, а также расходов, понесенных в связи с предъявлением требований к членам органов управления юридических лиц и судебных расходов.

3. Показано, что требование организатора торгов (например, биржи) по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц для размещения акций последних не является основанием для отнесения данного вида страхования к обязательному страхованию, поскольку категории «добровольное страхование» и «обязательное страхование» являются нормативно-закрепленными понятиями, определяемыми статьей 927 ГК РФ. Следование требованию биржи составляет в действительности лишь мотив заключения договора страхования ответственности, поскольку, во-первых, в решение вопроса размещать ли акции на той или иной бирже, а, следовательно, и вопрос заключения договора страхования входит в область частной автономии страхователя; во-вторых, не все юридические лица представлены на биржах – правовое положение юридических лиц (в том числе публичных акционерных обществ) не требует обязательного размещения акций на бирже, их

дееспособность не ограничена требованием обязательного размещения акций на бирже, а, следовательно, и обязательностью заключения договора страхования ответственности членов их органов управления.

4. Продемонстрировано, что множественность лиц на стороне застрахованного может выражаться в форме «купольного» страхования членов коллективного органов управления юридического лица (*board cover*), то есть в форме заключения договора страхования нескольких членов одного органа управления юридического лица при общем объеме страхового покрытия, и страхования ответственности членов органов управления группы юридических лиц. На основе рассмотрения различных моделей распределения суммы страхового возмещения при наличии множественности на стороне застрахованного лица оптимальной и эффективной является модель «двух застрахованных башен», при которой сумма страхового возмещения поделена и лимитирована в том или ином процентном соотношении, что позволяет равномерно распределить сумму страхового возмещения.

5. Доказано, что несмотря на существование в российском страховом праве пропорциональной системы распределения суммы страхового возмещения при множественности страховщиков (модели *pro rata distribution*) (пункт 4 статьи 951 ГК РФ), целесообразно при дальнейшем развитии рынка страхования ответственности членов органов управления юридических лиц также закрепить некоторые элементы модели погашения по первому требованию (*first claim, first served*), в частности, роль «лидирующего страховщика», что позволит оптимизировать внутренние отношения между страховщиками, возникающие при их множественности и устранить недостатки пропорциональной модели, которые могут зависеть от решения одного единственного страховщика, которых может не устраивать принятое страхователем и одобренное таким лидирующим страховщиком решение о выплате страхового возмещения.

6. Установлено, что влияние договора страхования на корпоративное управление связано прежде всего с проблемой *moral hazard,* то есть изменением

стимулов лиц, осуществляющих функции органов управления юридических лиц, после заключения договора страхования их ответственности. С одной стороны, наличествует негативный эффект возможного заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. С другой — поскольку системно установленная модель корпоративного управления может положительно повлиять на заключение договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц в части снижения размера страховой премии, увеличения объема страхового возмещения, потенциальное дисконтирование цены договора поспособствует выработке стимулов по улучшению системы корпоративного управления хозяйственным обществом.

7. Установлена взаимосвязь корпоративного управления и заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, что показывает важность доступности данных о заключенных хозяйственным обществом договоров страхования ответственности его органов для публичного ознакомления. Представляется важным закрепить в российском Кодексе корпоративного управления рекомендацию о публикации этих данных в годовой отчетности хозяйственных обществ, что позволит повысить их репутационную и инвестиционную привлекательность.

Степень достоверности исследования подтверждается произведенным автором анализом зарубежных и отечественных нормативных актов, судебной практики и научной литературы, а также постановкой цели и задач, осуществленной методологией исследования.

Апробация результатов исследования осуществлялась путем публикации научных статей по теме диссертационного исследования[22], в форме сообщения на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

[22] *Эсендиров А. В.* Еще раз о природе ответственности директора перед юридическим лицом // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020, № 4. С. 113-121; *Эсендиров А. В.* Теоретические проблемы обязательства из договора страхования ответственности директоров и их отражение в судебной практике // Евразийский юридический журнал. 2020, № 9 (148). С. 180-183; *Эсендиров А. В.* Влияние института страхования ответственности директоров на корпоративное управление // Евразийский юридический журнал. 2020, № 10 (149). С. 189-192; *Esendirov A. V., Inozemtsev M. I.* The Role of the Directors' and Officers' Insurance Contracts in Corporate Governance // Technology and Business Strategy. Digital Uncertainty and Digital Solutions / ed. by I. M. Stepnov. Cham. 2021. P. 275-284.

«Эволюция права – 2020», состоявшейся в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова 9 октября 2020 года, и в рамках работы международной научно-практической конференции «Таможенные чтения – 2020», организованной в Санкт-Петербургском имени В.Б. Бобкова филиале Российской таможенной академии 23-27 ноября 2020 года. Диссертация обсуждена на кафедре международного частного и гражданского права МГИМО МИД России.

Структура работы обусловлена поставленными задачами. Настоящая работа

состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения и библиографии.

В первой главе рассматривается ответственность членов органов управления юридических лиц. Причем в первом параграфе рассматривается регулятивная стадия корпоративных правоотношений – анализируются обязанности, нарушение которых и составляет ответственность лиц, входящих в органы управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки. Во втором параграфе определяется правовая природа данной ответственности.

Во второй главе исследуются обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц по праву указанных юрисдикций. В первом параграфе рассматривается генезис данного института страхования в английском, американском и отечественном правопорядке. Правовая природа данного института с точки зрения российского гражданского права определяется во втором параграфе второй главы. Третий параграф посвящен анализу объема страхового покрытия и вопросам заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц.

Третья глава отражает исследование влияния страхования ответственности органов управления юридических лиц на корпоративное управления. В первом параграфе анализируется вопрос влияния его заключения на корпоративное управление. Во втором параграфе на основе зарубежных теорий и практики правоприменения устанавливается взаимосвязь раскрытия информации о

заключенном договоре страхования ответственности членов органов управления на порядок привлечения инвестиций.

Глава 1. Ответственность членов органов управления юридических лиц

§1. Обязанности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки

На современном этапе развития науки корпоративного права принято выделять три модели организации органов управления юридических лиц, которые находят отражение в законодательных актах различных юрисдикций:

1) трехзвенная модель органов управления (единоличный исполнительный орган управления юридического лица — директор, коллегиальный исполнительный орган управления — совет директоров, коллегиальный орган управления — наблюдательный совет);

2) двухзвенная модель органов управления (единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган управления);

3) вариативная модель органов управления — в рамках этой модели законодательством допускается выбор между двумя указанными ранее системами[23].

Первая модель характерна для корпоративного права Германии, Австрии, Нидерландов и Дании[24]. Вторая модель предусмотрена правом Франции, США и Англии (в странах общего права также наблюдается особенное положение должностных лиц, менеджмента)[25]. Третья модель предусматривается, в частности, в унифицирующих актах, она была закреплена, например, в Модельном законе об акционерных обществах для стран СНГ 2010 г.[26] По выражению Е. А. Суханова, российскому корпоративному праву характерно «известное смешение западноевропейских и англо-американских конструкций»[27].

---

[23] *Молотников А. Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. С. 151.
[24] *Mallin C. A.* Corporate Governance. Oxford, 2019. P. 199.
[25] *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 203.
[26] Там же. С. 206.
[27] Там же. С. 211.

В российском корпоративном праве органами управления хозяйственных обществ являются: а) единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент в акционерном обществе (статья 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее — Закона об АО))[28]; директор, генеральный директор в обществе с ограниченной ответственностью (статья 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО))[29]); б) члены коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) (статья 70 Закона об АО; статья 41 Закона об ООО), члены коллегиального органа управления (наблюдательного совета) публичного акционерного общества (пункт 3 статьи 97 ГК РФ) и непубличного акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью в случае закрепления функций коллегиального исполнительного органа или отказа от создания коллегиального исполнительного органа (пункт 3 статьи 66.3 ГК РФ)[30].

Все органы управления юридических лиц можно подразделить на коллегиальные органы корпорации (общее собрание, совет директоров, правление и т.п.) и единоличные (генеральный директор, президент и т.п.) . При этом, согласно устоявшейся точке зрения, коллегиальные органы управления обычно являются волеобразующими органами, а единоличные — волеизъявляющими органами корпорации[31].

Американское корпоративное право относится к компетенции штатов, а не к федеральному уровню правового регулирования. Наиболее известным актом, регулирующим корпоративные правоотношения, является Закон о корпорациях

---

[28] Статья 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[29] Статья 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[30] Для обозначения членов органов управления юридических лиц в целях лаконичности изложения далее по тексту будет использован термин «директора». Данный термин также используется в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 62 от 30.07.2013 г. «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

[31] *Суханов Е.А.* Указ. соч. С. 202.

штата Делавэр (*Delaware General Corporation Law*)[32]. Большинство американских корпораций зарегистрированы в штате Делавэр, хотя они вправе осуществлять свою деятельность в ином месте[33]. Корпорация управляется советом директоров или под его руководством[34]. Это означает, что директора либо сами управляют корпорацией, либо контролируют руководителей работников (менеджеров, должностных лиц), что происходит обычно в крупных корпорациях. Главным среди таких руководителей является «генеральный директор» (*CEO*), который часто является председателем совета директоров.

Законом о компаниях 2006 г. Англии (*Companies Act 2006*)[35] предусматривается одноуровневый (*one-tier*) совет директоров, в котором директора не имеют особых надзорных функций по сравнению с другими. В отличие от законодательства США, в Законе о компаниях 2006 г. не указано, что компания будет управляться *by or under the board*, хотя в Регламенте о компаниях (модельных уставах) (*The Companies (Model Articles) Regulations 2008*)[36] действительно предусмотрено, что «директора несут ответственность за управление бизнесом компании»[37].

Private company limited by shares (Plc) и *public company* возглавляет генеральный директор (*managing director*). Несмотря на то, что в Законе о компаниях 2006 г. отсутствует определение понятия *director*, директором может

---

[32] Delaware General Corporation Law // LexisNexis.

[33] Данное обстоятельство обусловлено так называемой «корпоративной конкуренцией штатов». Исторически сложилось, что небольшие по размеру и населению штаты, не имеющие каких-либо иных статей дохода, стремились стать «корпоративным центром» на всем Северо-Американском континенте. За этим скрывалась довольно утилитарная цель — чем больше корпораций зарегистрируются в определенном штате, тем больше будут его фискальные поступления, тем больше будет возможность оказывать давление конкретного штата на сложившееся корпоративное право и т.п. Инструментом привлечения корпораций явились, как ни парадоксально, снижения налогового бремени и смягчение корпоративного правового регулирования. Изначально лидирующие позиции в США занимал штат Нью-Джерси, затем титул перешел известному всему миру своим либеральным регулированием штату Делавэр. (См.: *Seligman J. A.* Brief History of Delaware's General Corporation Law of 1899 // Delaware Journal of Corporate Law. 1976, № 1. P. 249-252).

[34] Delaware Corporate Law, Title 8, Chapter 1, Subchapter IV, §141. (См. подр.: *Cahn A., Donald D. C.* Comparative Company Law. Cambridge, 2010. P. 17).

[35] Companies Act 2006 // Lexis Nexis.

[36] The Companies (Model Articles) Regulations SI 2008 No. 3229 // LexisNexis.

[37] The Companies (Model Articles) Regulations SI 2008 No. 3229 // LexisNexis.

считаться любое лицо, осуществляющее функции директора[38]. Выделяется несколько типов директоров. Помимо *de jure* директора, существуют фактические директора (*de facto directors*), а также теневые директора (*shadow directors*).

Де-юре директор — это лицо, которое официально и на законных основаниях назначено/избрано в качестве директора компании[39]. Де-факто директора осуществляют деятельность по управлению компанией без назначения/избрания на должность. По большей части, это лица, чье назначение/избрание было или оказалось недействительным[40], а также лица, которые ведут себя как надлежащим образом избранные или назначенные директора[41]. Любое решение де-факто директора должно быть одобрено общим собрание акционеров. Возможностей привлечь де-факто директора к ответственности куда больше в сравнении с де-юре директором, поскольку именно в возможности привлечения де-факто директора к ответственности и проявляется его статус. Прецедентным правом не было выработано единственного критерия для признания статуса де-факто директора. Тем не менее ключевым является вопрос — ассоциировало ли себя лицо с занятием должности директора, а вместе с тем и выполнением обязанностей такового[42].

Выделение теневого директора обусловлено высокой степенью влияния, которое они оказывают на компанию. Так, согласно делу *Re Hydrodam (Corby) Ltd* суд установил, что «де-факто директор — тот, кто претендует на роль директора (то есть фактически осуществляет полномочия директора), хотя и не назначен должным образом. Теневой директор, напротив, не претендует на роль директора. Наоборот, он утверждает, что не является директором. Образно говоря, он «прячется в тени» за другими, по утверждению теневого директора, единственными директорами компании»[43].

---

[38] *Hannigan B.* Company Law. Oxford. 2015. P. 158. Companies Act 2006, section 250. В известном деле Re Lo-Line Electric Motors Ltd [1988] 2 All ER 692 отмечается номенклатурный характер обозначения термина «директор».
[39] *Hannigan B.* Ibid. P. 159
[40] *Re Paycheck Services 3 Ltd* [2011] 1 BCLC 141.
[41] *Re Hydrodan (Corby) Ltd v Re-Lo-Line Electric Motors Ltd* ([1998] BCLC 698.
[42] *Smithton Ltd v Naggar* [2014] BCC 482.
[43] *Re Hydrodam (Corby) Ltd* [1994] 2 BCLC 180.

Таким образом, функциональное выделение де-факто директоров, а также теневых директоров обусловлено необходимостью распространения на них действия положений об ответственности ввиду их значительного влияния на деятельность компании. Хотя российскому законодательству и неизвестно понятие «де-факто директора», в доктрине и судебной практике принято именовать «лжедиректорами» ненадлежащим образом избранных директоров. Функциональным аналогом фигуры «теневого директора» в российском праве является институт фактического контроля (пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ)[44].

Помимо указанных видов директоров необходимо также сказать о выделении независимых директоров (*non-executive directors*, *outside directors*). Цель введения фигуры независимых директоров возникла в связи с требованием времени. Разгоревшиеся международные корпоративные скандалы показали недостаточность осуществляемого акционерами мониторинга за деятельностью совета директоров. Поэтому разработанный комитетом *A. Cadbury (Cadbury Committee) The Cadbury Code of Best Practice* впервые закрепил необходимость включения независимых директоров в состав советов директоров. Независимые директора должны были сформировать отдельные комитеты по внутреннему аудиту, комитет вознаграждения и др. и возглавить их. Выделение комитетов изначально считалось свойственным одно-уровневой системе управления корпорацией. В последующем необходимость участия в управлении независимых директоров и формировании специальных комитетов была распространена и на правопорядки с двухзвенной традицией управления корпорацией[45].

Деятельность директоров в рамках корпоративных правоотношений регламентируется с помощью закрепления в законе целого ряда обязанностей. В свою очередь, нормативное воплощение данных обязанностей можно разделить на

[44] *Копылов Д. Г.* Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019, № 4. С. 199 — 200.
[45] *Mallin C. A.* Op. cit. P. 199.

правила и стандарты[46]. Правила представляют собой четко сформулированную норму права, тогда как стандарты являются абстрактными по содержанию и подлежат толкованию. Стандарты позволяют директору действовать свободно и «гибко», а также позволяют судам выявлять новые, не замеченные законодателем или вовсе не существующие во время кодификации или разработки закона возможные варианты нарушения директором обязанностей. Решения, принятые на основе толкования стандартов, обеспечивают определенный уровень предсказуемости применения стандартов, не допуская при этом того строгого регулирования, которое устанавливается из норм-правил[47]. Стоит отметить, что существует возможность конкретизации стандартов до правил путем детальной регламентации обязанностей директоров во внутренних документах хозяйственного общества[48].

Согласно пункту 3 статьи 53 ГК РФ, лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такая же обязанность дублируется в статье 71 Федерального закона «Об акционерных обществ» (далее — Закон об АО)[49] и статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО)[50].

---

[46] *Cahn A., Donald D. C.* Op. cit. P. 356-358; *Махалин И. Н.* Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия по маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020, № 1. С. 175

[47] В российской литературе польза такого подхода находит поддержку. Так, Е. М. Ключарева отмечает, что «излишнее ограничение сферы усмотрения директоров детальным прописыванием их обязанностей не является самым оптимальным способом контроля агентских издержек». (См.: *Ключарева Е. М.* Доктринальные и исторические особенности определения обязанностей и ответственности членов органов управления юридического лица в разных юрисдикциях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017, № 10. С. 160).

[48] *Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 267.

[49] Статья 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[50] Статья 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

С изданием Закона о компаниях 2006 года английский Парламент кодифицировал обязанности директоров самым подробным (но не исчерпывающим) образом. Считается, что директора несут свои обязанности перед «компанией»[51]. Сегодня принято отождествлять интересы компании с интересами акционеров. Однако так было не всегда. Так, профессор *L. Talbot* полагает, что обязанности директора подвержены изменению в зависимости от политической среды и, в частности, обусловлены изменениями самой сущности капитализма. Ввиду эволюции капитализма производственного типа в финансовый, обязанности директора изменили ориентацию на главный продукт нового строя — капитал, принадлежащий обособившимся от других *stakeholders* акционерам[52].

Прежде в известном деле *Percival v Wright* была сформирована позиция, согласно которой «директор, за исключением определенных случаев, несет обязанности только в отношении компании, а не отдельных акционеров»[53]. Например, директор несет фидуциарные обязанности по отношению к акционерам, когда все акции компании сосредоточены в одной семье[54]. Общее правило о таких исключительных случаях сформулировано в деле *Sharp v Blank* следующим образом: «Между директором и акционером должно существовать более, чем обычные отношения… Необходимы определенные личные отношения или особый договор, заключенный между акционером и директором»[55].

Кроме того, как известно, «с ростом числа отношений, подобных фидуциарным, [английские] суды начали сопоставлять новые отношения с установившимися фидуциарными прототипами и применять правила, регулирующие их к новым отношениями»[56]. По утверждению *L. Talbot,* аналогия корпоративных отношений с фидуциарными отношениями из траста была установлена для стабилизации оборота[57] в силу недоверия судей и общества к

[51] Section 170(1) Companies Act 2006.
[52] *Talbot L.E.* Critical Company Law. New York. 2016. P. 126-130.
[53] *Percival v Wright* [1902] 2 Ch 401.
[54] *Coleman v Myers* [1977] 2 NZLR 225.
[55] *Sharp v Blank* [2015] EWHC 3220 (Ch).
[56] *Cahn A., Donald D. C.* Op. cit. P. 395-396. *Re Lands Allotment Co* [1894] 1 Ch 616.
[57] *Talbot L.E.* Op. cit. P. 128.

создаваемым компаниями, чья ответственность была признана ограниченной[58]. В результате обязанности директоров толковались исключительно с позиции обязанностей трасти. Целью такого толкования являлось запрещение удовлетворения своих корыстных интересов за счет преимуществ, возникающих в связи с ограниченной ответственностью юридических лиц.

В Законе о компаниях 2006 года сформулированы следующие обязанности директоров в форме правил:

1. Условие любого договора между директором и компанией на срок более двух лет должно быть утверждено акционерами после полного раскрытия условий договора[59].

2. Директор не может принимать какие-либо материальные выгоды от третьих лиц, предоставляемых только в связи с тем, что он является директором, либо в связи с тем, что он осуществляет свои полномочия директора[60].

3. Обязанность объявить заинтересованность в сделке[61].

4. Обязанность осуществлять деятельность, не выходя за пределы предоставленных полномочий[62].

---

[58] *Taylor J.* Joint-Stock Enterprises in British Politics and Culture 1800-1870. London, 2006. P.93-100. *Salomon v A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22.

[59] Section 188 Companies Act 2006.

[60] Section 176 Companies Act 2006.

[61] Section 175 Companies Act 2006.

[62] Section 171 Companies Act 2006. Стоит отметить, что данная статья не означает установление ранее господствовавшей в английском корпоративном праве доктрины *ultra vires.* Согласно данной доктрине, провозглашенной впервые в деле Ashbury Railway Carriage and Iron Co Ltd v Riche (1875) LR 7 HL 653, компании обязаны были исчерпывающим образом указывать цели и виды осуществляемой ими деятельности в договоре об учреждении компании, который едва ли поддавался изменениям. Любые действия, совершаемые компанией не в соответствии с указанными в уставе целями, являлись ничтожными, *ultra vires* — совершенными вне компетенции, превышением полномочий. Данное правило было чрезвычайно строгим ограничением деятельности юридических лиц, поэтому в течение долгого времени английские судьи последовательно пытались ослабить ее изощренным толкованием. В ходе реформы корпоративного права от доктрины решили избавиться вовсе, поэтому английский Закон о компаниях 2006 г. в статье 31 (1) специально указывает, что отныне компании не обязаны ограничивать свою деятельность путем перечисления целей во внутренних документах. Что касается компаний, учрежденных в соответствии Законом о компаниях 1985 г., то им было разрешено изменять и вычеркивать цели, указанные в договоре об учреждении компании (См. об этом подр.: *Hannigan B.* Op. cit. P. 98).

Примером закрепленных стандартов является фидуциарная обязанность действовать в интересах компании (*duty of loyalty)*, заменившая обязанность действовать *bona fidae*[63]. Не является фидуциарной обязанностью обязанность осуществлять разумную заботливость, умение и усердие (*duty to exercise reasonable care, skill and diligence*)[64]. Согласно статье 239 Закона о компаниях 2006 года акционеры компании могут одобрить (ратифицировать) нарушение директором его обязанностей[65]. Кроме того, общим правом провозглашено довольно строгое правило невмешательства суда в управление компанией — запрет оценки управленческих решений, принятых директором. Мало что изменилось с 1812 года, когда Лорд Элдон красноречиво сказал, что «данный суд не обязан по всякому случаю брать на себя управление каждым театром или пивоварней в Королевстве»[66].

Выделение в ряду обязанностей директора фидуциарных обязанностей имеет практические последствия в том числе по предоставляемым при их нарушении средствам правовой защиты. В случае если директор нарушил фидуциарную обязанность, от него можно требовать не только возмещения причиненных убытков, которое является компенсационным по своей природе, но и возврата полученных им выгод (*disgorgement of profits*)[67].

В корпоративном праве США выделяют следующие фидуциарные обязанности директоров: 1) *duty of loyalty* — запрет извлекать выгоду из ситуации конфликта интересов, использование своих полномочий в добросовестных попытках достижения корпоративных целей; 2) *duty of care* — директор компании соблюдает достаточную степень заботливости, если предпочитает не действовать в

---

[63] Section 172 (1) Companies Act 2006.

[64] Section 174 Companies Act 2006. Данное правило произошло из теста, закрепленного в деле *Re City Equitable Fire Insurance [1925] Ch. 407 CA*.

[65] Вопрос о возможности одобрения умышленного нарушения обязанностей, допущенного директором, до сих пор регулируется общим правом (section 180(4)(a), section 239(7) Companies Act).

[66] *Carlen v Drury* (1812) 1 Versey & Beames 154, 158; 35 ER 61, 62; *Howard Smith Ltd v Ampol Petroleum Ltd* [1974] AC 821; [1974] 2 WLR 689; [1974] 1 ALL ER.

[67] *Cabrelli D., McAlpine A.* Directors' and Officers' Liability in the United Kingdom // Directors' and Officers' (D & O) Liability / ed. by S. Deakin, H. Koziol, O. Riss. Berlin, 2018. P. 678.

отсутствии надлежащей информации; 3) иные обязанности, такие как *duty of good faith,* которые в той или иной степени примыкают к указанным фидуциарным обязанностям[68].

Исключения из соблюдения фидуциарных обязанностей долгое время допускались лишь по отношению к *duty of care* на основе так называемого правила делового суждения (*business judgement rule*), по которому директор не несет ответственности за решение, которое не выгодно для компании. В литературе указывается, что, в принципе, выплаты в пользу корпорации, основанные на расследовании сторонней организацией, то есть судом, деловых решений директоров и менеджеров, могут с пользой дополнять иные доходы корпорации, если будут правильно сформированы стимулы для повышения производительности, включая стимулы для принятия директорами рисков. Видимо, причина отказа от использования стимулов ответственности путем введения правила делового решения является не абсолютной необходимостью, а компромиссом между затратами и выгодами: судебные разбирательства обходятся дорого, а пределы возможностей более тонко настроить стимулы директора не безграничны[69].

С относительно недавних пор допускается отказ от права *corporate opportunities doctrine.* В 2000 году штатом Делавэр были приняты поправки в *Delaware General Corporation Law*, позволяющие значительно ограничить *duty of loyalty* директора. Так, корпорации получили возможность отказа от права реализации так называемых корпоративных возможностей (*corporate opportunities waiver*); иными словами, корпорация может отречься от сферы интересов, которой директор не мог противопоставлять свои собственные интересы — были расширены возможности директора осуществлять ту же деятельность, которую осуществляет корпорация[70].

---

[68] *Rauterberg G., Talley E.* Contracting out of the Fiduciary Duty of Loyalty: An Empirical Analysis of Corporate Opportunity Waivers // Columbia Law Review. 2017, № 117. P. 1084-1089.
[69] *Spamann H.* Monetary Liability for Breach of the Duty of Care? // Journal of Legal Analysis. 2016, № 2. P. 338.
[70] Ibid. P. 1091.

Обязанности осуществлять полномочия директора добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 53 ГК РФ) по сути являются обязанностями-стандартами. Обязанность директора действовать добросовестно, строго говоря, является аналогом *duty of loyalty,* а обязанность действовать разумно допустимо уравнять с *duty of care*[71].

Согласно пункту 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящих в состав органов управления юридического лица» недобросовестность директора считается доказанной, когда он: 1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке;

2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (в частности, если сведения о такой сделке в нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки;

3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;

4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;

5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для

[71] *Ломакин Д. В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3 — 8.

юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т. п.).

В соответствии с пунктом 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящих в состав органов управления юридического лица» на нарушение стандарта разумности указывает: 1) принятие решения без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации; 2) заблаговременное до принятия решение отсутствие разумно ожидаемых от директора действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации; 3) совершение сделки без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.).

В литературе предпринята попытка разграничить добросовестность и разумность. Так, В. В. Алейникова считает возможным провести такую классификацию. Критерий деления, предложенный исследователем, заключается в наличии у акта недобросовестности признака «общественной опасности»[72]. По нашему мнению, критерий, свойственный для обоснования уголовной наказуемости деяния, не подходит для объяснения различий в актах нарушения, за которые, по общему правилу, наступает гражданско-правовая ответственность[73].

---

[72] *Алейникова В. В.* Указ. соч. С. 54.

[73] Безусловно, арбитражными судами учитывается наличие вступившего в законную силу приговора о признании директора виновным в совершении преступлений при рассмотрении спора о привлечении директора к гражданско-правовой ответственности в силу ч. 4 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. См., напр.: Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного суда от 2 июля 2020 г. по делу № А51-12904/2019; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. по делу № А71-25219/2018 (был учтен факт неоднократного признания директором совершения хищения денежных средств и возмещение причиненного им ущерба истца, несмотря на наличие постановления суда о прекращении уголовного дела). Имеется и отрицательная практика по учету приговоров ввиду, вероятно, несоответствия субъективным или объективным пределам

Судебная практика не ориентируется на материальное содержание обязанностей-стандартов действовать добросовестно или разумно, которые, как нами было продемонстрировано, должны толковаться в соответствии с зарубежным опытом закрепления обязанностей-стандартов членов органов управления юридических лиц.

В действительности единственным возможным критерием разграничения недобросовестности и неразумности, является то, что при установлении недобросовестности ответственность приобретает черты безвиновной[74]. В литературе указывается на необходимость объединения вины и противоправности в элемент состава гражданско-правовой ответственности[75], на правильность и применимость данного подхода для толкования нарушений обязанностей добросовестного и разумного поведения директора юридического лица[76], причем нарушение обязанности действовать добросовестно сразу квалифицируется как виновное поведение в форме умысла. В то же время неразумность характеризуется как небрежность. На устоявшийся подход российского правоприменителя признавать автоматически виновным нарушение обязанности действовать разумно и добросовестно указывалось Б. Блэком[77]. О фактическом слиянии аспекта вины с противоправностью деяния пишет А. А. Кузнецов, обосновывая свою позицию через концепцию обязательства по приложению усилий, возложенного на директора юридического лица[78]. О. В. Гутников также полагает, что «неправильно

преюдициальности. См., напр.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. по делу № А45-23073/2016.

[74] Такое толкование статей 53 — 53.1 ГК РФ и пункта 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» поддерживается актуальной судебной практикой. См., напр., Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2017 г. по делу № 307-ЭС15-19016.

[75] *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. С. 204.

[76] *Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.* Указ. соч. С. 282.

[77] Правовое регулирование ответственности членов органов управления / Б. Чеффинс, М. Гелтер М. Симс и др.; под общ. ред. Б. Блэка. М., 2010. С. 30.

[78] *Кузнецов А. А.* Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Закон. 2013, № 10. С. 47.

отождествлять вину с неразумными действиями директора (управляющего)»[79]. Действительно, ведь само по себе нарушение обязанности действовать разумно лишь подтверждает противоправность поведения. Но у лица, нарушившего стандарт разумности, при этом может отсутствовать умысел.

Еще одним критерием разделения обязанностей-стандартов добросовестности и разумности является, собственно, требуемый стандарт поведения, который должен установить суд, разрешая конкретный спор. Так, обязанность добросовестности должна быть истолкована единообразно, образцом требуемого поведения является поведение обычного (среднего, объективного) директора. Устанавливая нарушения обязанности разумности, суд должен учитывать конкретные особенности юридического лица, корпоративного управления, отрасли хозяйствования, в рамках которых директор, которому вменяется нарушение обязанности разумности, осуществляет свою деятельность. Таким образом, обязанность добросовестности можно назвать объективным стандартом поведения, а обязанность разумности можно назвать субъективным стандартом поведения.

[79] *Гутников О.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М., 2019. С. 176.

§2. Правовая природа ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки

Лица, осуществляющие функции единоличных исполнительных органов, членов коллегиальных исполнительных органов и коллективных органов управления юридических лиц могут быть привлечены не только к гражданско-правовой, но и к административной, уголовной и материальной ответственности.

В настоящем исследовании мы ограничимся рассмотрением гражданско-правовой ответственности.

О. С. Иоффе утверждал, что гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей[80].

Другой позиции придерживался С. С. Алексеев, который полагал, что юридическая ответственность означает обязанность претерпевания государственного принудительного воздействия, при этом «действия по прежней обязанности могут быть заменены возмещением убытков»[81].

В. А. Ойгензихт, как и В. П. Грибанов, формулировал понятие гражданско-правовой ответственности через признак возложения на ответственное лицо дополнительных юридических обременений[82].

Отличным представляется мнение С. Н. Братуся, который подчеркивал, что «юридическая ответственность — это исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения. Юридическая ответственность — это опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности»[83].

---

[80] *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 97.
[81] *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т.1. М., 1981. С. 272-273.
[82] *Ойгензихт В. А.* Имущественная ответственность в хозяйственных договорах. Душанбе, 1980. С. 8.; *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 310-312.
[83] *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 85.

На наш взгляд, понимание гражданско-правовой ответственности как возложения на ответственное лицо правовых обременений соответствует целям договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Это позволяет без лишних сложностей обосновать признание страховым случаем как привлечение к гражданско-правовой ответственности решением суда, так и установление дополнительных имущественных обременений в процессе добровольного возмещения ущерба потерпевшему с согласия страховщика.

Гражданско-правовая ответственность лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа, коллегиального исполнительного органа юридического лица, а также членов коллегиальных органов управления юридических лиц по отношению к хозяйственному обществу, наступает за нарушение обязанностей действовать добросовестно и разумно (пункт 3 статья 53 ГК РФ). Те же обязанности дублируются в статья 71 Закона об АО и статья 44 Закона об ООО. За нарушение данных обязанностей директора отвечают перед обществом путем возмещения убытков.

Природа данной ответственности вызывает споры в отечественной правовой науке. На этот счет можно выделить как минимум четыре позиции. О *sui generis* характере ответственности директоров пишет О. В. Гутников, допуская существование в гражданском праве особой *корпоративной* ответственности[84]. Согласно мнению И. С. Чупрунова, ответственность директоров перед обществом по своей природе является договорной[85]. В. В. Алейникова квалифицирует ответственность директоров как квази-деликтную[86]. На строго деликтной природе ответственности директоров юридических лиц настаивает А. В. Егоров[87]. Последовательно рассмотрим аргументы каждого из ученых.

[84] *Гутников О. В.* Указ. соч. С. 174.
[85] *Егоров А. В., Чупрунов И. С.* Корпоративная ответственность директоров и участников юридических лиц URL: https://lextorium.com/courses/kursy/korporativnaya-otvetstvennost-direktorov-i-uchastnikov-yuridicheskih-lits.html. (Дата обращения 24.08.2020).
[86] *Алейникова В. В.* Указ. соч. С. 27-28.
[87] *Егоров А. В.* Юридическое лицо 2.0. Руководство по эксплуатации. М., 2015. С. 33.

Заслуга обоснования корпоративной ответственности, имеющей отличные от договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности особенности, принадлежит О. В. Гутникову. Его позиция основана на следующих аргументах.

Во-первых, ключевым доводом является специальное основание корпоративной ответственности, а именно «нарушение обязанностей членов органов управления, императивно закрепленных в законодательстве, содержание которых выходит за рамки общей обязанности не причинять вред»[88]. Во-вторых, указывается, что «в отличие от деликтной ответственности, где действует презумпция вины причинителя вреда, в корпоративной ответственности бремя доказывания вины причинителя фактически лежит на истце»[89]. В-третьих, споры о привлечении к корпоративной ответственности относятся к процессуальной категории корпоративных споров и рассматриваются в особом порядке[90].

Стоит отметить, что обязанность действовать добросовестно и разумно действительно отличается от общей обязанности соблюдать более детализированные правила. Ранее мы указали различие и особую природу норм-стандартов и норм-правил. Отмечалась она и Д. В. Ломакиным, который стремился обосновать концепцию обязанности добросовестности и разумности через категорию «норм-принципов»[91].

---

[88] *Гутников О. В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51 —117.

[89] *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М., 2019. С. 175.

[90] *Гутников О. В.* Там же. С. 177. См. также об особенностях различных видов производств в арбитражном процессе: *Абова Т. Е.* Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М., 2007. С. 628 — 640.

[91] *Ломакин Д. В.* Указ. соч. С. 3 — 8. Отстаиваемый исследователем уход от категорий фидуциарного права *common law* как Англии, так и США, за которыми складываются многовековые традиции правосознания и множество судебных решений безусловно необходим. В то же время в течение последних двадцати лет наблюдается определенная степень унификации корпоративного права континентальной традиции и традиции общего права. Выражается это, среди прочего, в появлении схожих для различных правопорядков проблем. Так, зарубежными авторами указывается на необходимость пересмотра фидуциарных обязанностей в связи с развитие *close* corporations, где степень концентрации капитала и диверсификации участников близка к ситуации акционерного капитала и участия, сложившейся в Российской Федерации. (См.: *Mitchell L. E.* The Death of Fiduciary Duty in Close Corporations // University of Pennsylvania Law Review. 1990, № 6. P. 1675 — 1680).

Представляется необходимым привести основные подходы к определению понятия «нормы-принципы». Так, М. Н. Марченко, выделяя данные нормы, характеризует их как «основные идеи, исходные положения или ведущие начала»[92]. П. Е. Недбайло определяет принципы права как «нормы права, но лишь с более общим и принципиальным содержанием»[93]. О. А. Кузнецова полагает, что «под нормами-принципами гражданского права следует понимать специализированные императивные предельно общие нормы, определяющие содержание всех других гражданско-правовых норм и обладающие по отношению к ним высшей юридической силой, имеющие нетипичную структуру и выполняющие специфические функции в гражданско-правовом регулировании»[94].

Представляется, что закрепленные в пункте 3 статьи 53 ГК РФ обязанности органов юридического лица действовать добросовестно и разумно не соответствуют признакам «норм-принципов». Скорее, данные обязанности являются нормами-стандартами. В литературе высказывается позиция, согласно которой в деликтном праве противоправным является не только поведение правонарушителя, которое привело к умалению абсолютного права, но и «действия, нарушающие установленные в соответствии с нормами права общепринятые стандарты поведения, например, запрет злоупотребления правом и иного недобросовестного поведения или нарушения обычаев и непроявления требуемых по условиям оборота заботливости и осмотрительности»[95].

Таким образом, несмотря на особенный характер обязанностей действовать добросовестно и разумно, закрепленных в статье 53 ГК РФ, не представляется возможным согласиться с выделением существования корпоративной ответственности на этом основании.

Второй довод О. В. Гутникова заключается в возложении бремени доказывания в пользу истца, что, безусловно, не характерно для деликтной

---

[92] Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 22.
[93] *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 386.
[94] *Кузнецова О. А.* Нормы принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 47.
[95] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2019. С. 525.

ответственности (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Однако представляется, что закрепление такого механизма в абзаце 3 пункта 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 обусловлено не стремлением выделить особый режим ответственности или показать несостоятельность теории деликтной ответственности. К тому же в абзаце 5 пункта 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 предусмотрено перенесение бремени доказывания на директора, в случае если суд сочтет его поведение в процессе недобросовестным.

Третий аргумент основывается на особом порядке разрешения споров из корпоративных правоотношений в рамках арбитражного процесса. Данный довод нельзя считать состоятельным в полной мере, потому что здесь не учитывается особенность разделения материального и процессуального права. Представляется недопустимым выстраивание институтов материального права на фундаменте отдельных особенностей процесса.

Полагаем, что разумно обратиться к зарубежному опыту и попытаться найти обоснование самостоятельности корпоративной ответственности в зарубежном праве. Английское право выступает против выделения особой корпоративной ответственности. «Корпоративному праву нечего сказать в области [ответственности]: вопросы ответственности должны быть разрешены путем применения существующих правил в отношении отдельных видов ответственности»[96].

В пользу договорной природы ответственности директоров перед обществом за нарушение обязанности добросовестности и разумности приводятся следующие аргументы. Во-первых, деликтное право не предусматривает возможность ограничения ответственности, в то время как пункт 5 статьи 53.1 ГК РФ позволяет ограничить ответственность за совершение неразумных действий директора непубличного общества. В качестве второго довода приводится возможность применения общих положений об обязательствах (см., пункт 3 статьи 307.1 ГК РФ) к требованиям, возникшим из корпоративных отношений. В-третьих, сторонники позиции ссылаются на теорию корпоративного управления и на зарубежную

[96] *Campbell N., Armour J.* Op. cit. P. 291.

теорию «принципал — агент»[97], а также на теорию представителя юридического лица. В-четвертых, приводится сомнение в возможности применения некоторых специальных положений о деликтной ответственности к ответственности директоров перед обществом (см., например, статью 1083 ГК РФ).

На наш взгляд, аргумент о возможности ограничения ответственности в непубличном обществе действительно имеет под собой разумное основание. Однако он лишь указывает на то, что необходимо учитывать специальное исключение, допускаемое законодателем специально для непубличного хозяйственного общества[98]. Ведь любое соглашение об устранении или ограничении ответственности директора публичного хозяйственного общества признается ничтожным (пункт 5 статья 53.1 ГК РФ).

Закрепленное в пункт 3 статьи 307.1 ГК РФ правило о применении общих положений об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, вовсе не свидетельствует о договорной природе ответственности директора перед обществом. Из систематики Гражданского кодекса следует, что положения, посвященные как деликтным, так и договорным обязательствам, являются специальными по отношению к общим положениям об обязательствах (пункты 1, 2 статьи 307.1 ГК РФ). Следовательно, из пункта 3 статьи 307 ГК РФ не следует невозможность применения положений главы 59 ГК РФ, равно как и не явствует приоритет применения глав 27–58 ГК РФ.

Сторонники представительской теории директора придерживаются точки зрения, что между директором и юридическим лицом имеются относительные

---

[97] *Махалин И. Н.* Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия. 2020, № 1. С. 165-178.

[98] В литературе указывается, что восприятие российским корпоративным правом деления хозяйственных обществ на публичные и непубличные навеяно влиянием английского и американского правопорядков (См., об этом: *Суханов Е. А.* Указ. соч. С. 44). Между тем свойственное английскому и американскому праву понимание юридического лица основывается на теории фикции: «существом юридического лица является *договор товарищества*, заключенный между его участниками, которому государство придает статус отдельной юридической личности» (См.: *Ключарева Е. М.* Указ. соч. С. 147). Процесс появления в российском праве данной категории и истокам ее происхождения в зарубежной правовой традиции демонстрируют всю исключительность допустимости ограничения ответственности директора непубличного хозяйственного общества.

корпоративные правоотношения[99]. Обратившись, например, к английскому опыту определения природы ответственности директора перед компанией, стоит заметить, что некоторые суды и комментаторы предпочитают использовать «доктрину идентификации» (метод приписывания действий агента компании), не рассматривая эти действия в качестве совершенных агентом.

Доктрина идентификации была первоначально разработана как средство приписывания действий или знаний высшего руководства корпорации. Она применялась в обстоятельствах, при которых общие правила атрибуции, такие как агентская или субсидиарная ответственность, не применялись. Обычно это происходило в тех случаях, когда ответственность была основана на законе, и этот закон исключал агентскую или субсидиарную ответственность (как это обычно бывает с законами, устанавливающими уголовную и квази-уголовную ответственность). Тем не менее в уставе может быть указано, что он предназначен для применения к компаниям, но не предусматривается четкое правило, согласно которому действия агентов могут быть отнесены к действиям компании. Доктрина идентификации применяется, когда агент действует «как компания» или «как руководящий ум и воля компании».

Лицо может быть идентифицировано с корпорацией, чтобы быть ее воплощением или направлением ума и воли, а не просто ее слугой, представителем, агентом или делегатом. Директор может действовать в качестве агента, но при этом не затрагивается природа юридического лица, а также ответственность директора перед обществом[100].

Таким образом, в английской доктрине корпоративного права также существует дискуссия о природе органа компании. Как было продемонстрировано, в некоторых случаях директора удобно и необходимо рассматривать в качестве

---

[99] *Кузнецов А. А.* Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10, С. 21.; *Степанов Д. И.* Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник ВАС РФ. 2006, № 8. С. 42.

[100] *Campbell N., Armour J.* Demystifying the Civil Liability of Corporate Agents // Cambridge Law Journal. 2003. № 2. P. 292.

агента, но при этом это не должно влиять на существующие корпоративные отношения.

Но даже если не вдаваться в дискуссию о правильности органической или представительской теории директора, их применимости в отечественном праве, стоит отметить, что даже если мы считаем, что директор является представителем юридического лица, то нельзя отрицать возможность совершения директором деликта в отношении общества. Довод о том, что делинквентом может выступать лишь лицо, которое не знакомо или не связано какими-либо иными отношениями с хозяйственным обществом, является в корне неверным. Вопрос квалификации договорной или деликтной ответственности субъекта не снимается даже наличием договорного обязательства между сторонами[101].

Вопрос о применимости норм главы 59 ГК РФ заслуживает отдельного рассмотрения. В судебной практике распространены ссылки на статью 1064 ГК РФ[102]. Имеются ссылки и на другие нормы главы об обязательствах вследствие причинения вреда. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа разъяснил возможность учета вины потерпевшего при разрешении спора об ответственности директора, допуская применение статьи 1083 ГК РФ. Неоднозначность указанной позиции заключается в том, что большинство исследователей пришли к выводу, что установление добросовестности или неразумности в действиях директора производится без учета его вины, что, в свою очередь, зачастую приводится сторонниками договорной природы ответственности директоров в поддержку своей позиции[103]. Из этого следует, что учет вины потерпевшего в этом случае фактически равен отсутствию противоправного поведения директора. Цель такого «усеченного» учета вины потерпевшего выполняется системой переброса бремени доказывания, выстроенной в пункты 2–5 Постановления Пленума ВАС РФ от

[101] *Ерохова М. А.* Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 108-117.

[102] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2019 по делу № А41-31781/2018.

[103] *Ключарева Е. М.* Ответственность за убытки, причиненные обществу недобросовестными и неразумными действиями членов их органов управления: особенности субъектного состава в непубличных обществах // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 2020. С. 188.

30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящих в состав органов управления юридического лица». Однако сама возможность возмещения вреда при отсутствии вины причинителя вреда не свидетельствует о потенциальной невозможности признания качеств деликтной ответственности директора. Ведь пункт 2 статьи 1064 ГК РФ допускает существование составов гражданских правонарушений, при которых возмещение вреда происходит без отсутствия вины причинителя вреда. Здесь возможны два параллельных друг другу умозаключения. С одной стороны, до той поры, пока мнение исследователей об усеченном составе гражданско-правовой ответственности директоров основывается на судебной практике[104], а не на тексте закона, нельзя утверждать, что вина действительно не должна подлежать учету. С другой стороны, если признавать правильность существующей практики привлечения к ответственности директоров без учета вины, можно рассматривать отсутствие *de lege lata* положений в главе 59 ГК РФ нуждающимся *de lege ferenda* в дополнении положением, уже закрепленном разъяснением высшей судебной инстанции. Положение, четко отражающее отклонение от классического состава гражданско-правовой ответственности, допустимо закрепить и в главе 4 ГК РФ, посвященной юридическим лицам.

В этом смысле нам близка позиция А. В. Егорова, который считает, что ответственность директора перед обществом является безусловно деликтной, но «должна подчиняться особым правилам, установленным для нее в корпоративном законодательстве»[105]. Однако дело в том, что из самого закона такое серьезное отклонение от общего правила не следует. Уместно будет вспомнить сомнения В. А. Белова о том, насколько необходимы упражнения в правотворчестве высшей судебной инстанции, даже и соглашаясь с результатами такой деятельности — в

[104] Определение Верховного суда РФ от 23 января 2017 № 307-ЭС15-19016 по делу № А56-12248/2013.
[105] *Егоров А. В.* Указ. соч. С. 33.

данном случае с привлечением к ответственности перед хозяйственным обществом директора без учета вины[106].

Существующая четвертая точка зрения на природу ответственности директоров — теория квази-деликтной ответственности — принадлежит перу В. В. Алейниковой. Суть ее аргументов против деликтной теории ответственности заключается, прежде всего, в наличии особых обязанностей добросовестности и разумности на стороне директора. В силу того, что нами уже была обоснована возможность существования деликтной ответственности за нарушение норм-стандартов, а также в силу ограниченной распространенности теории квази-деликтной ответственности, которая, по свидетельству автора, сейчас господствует в правопорядках Бельгии, Мальты и Филиппин[107], данная теория не представляется нам убедительной.

Таким образом, ответственность лиц, осуществляющих функции единоличных исполнительных органов, членов коллегиальных исполнительных и коллегиальных органов управления юридических лиц, перед корпорацией является деликтной.

Для проведения дальнейшего сравнения правового регулирования ответственности членов исполнительных органов управления и коллегиальных органов управления юридических лиц, а также единоличных исполнительных органов представляется удобным ввести термины «внутренняя» и «внешняя» ответственность органов управления юридических лиц[108].

Рассмотрим, что следует понимать под внешней ответственностью членов органов управления юридических лиц. Статьей 1068 ГК РФ предусмотрена ответственность юридического лица за вред, причиненный его работником. В зарубежном праве развита возможность предъявления деликтных требований к директору компании со стороны третьих лиц (например, кредиторов). В

---

[106] *Белов В. А.* «Двадцать пятое» постановление пленума: толкование или … законодательство? // Вестник экономического правосудия. 2015, № 11. С. 53.

[107] *Алейникова В. В.* Указ. соч. С 28.

[108] По аналогии с «внешними» и «внутренними» отношениями по управлению юридическим лицом. См.: Гутников О. В. Указ. соч. С. 145.

российском правовопорядке данная возможность предусмотрена лишь на стадии банкротства хозяйственного общества. Конструкция внешней ответственности включает только деликтную ответственность — договорная в этом вопросе исключается[109].

Мы сосредоточимся на изучении так называемой внутренней ответственности лиц, осуществляющих функцию единоличного исполнительного органа, коллегиального исполнительного органа, коллегиального органа управления юридического лица перед самим юридическим лицом на основании статьи 53.1 ГК РФ, статьи 71 Закона об АО и статьи 44 Закона об ООО.

Современная российская судебная практика привлечения директоров к ответственности за нарушение обязанностей действовать добросовестно и разумно определяет содержание обязанностей единоличных исполнительных, а также членов коллективных органов управления юридических лиц[110]. Основную траекторию определения стандартов их поведения задают пункты 2–3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящих в состав органов управления юридического лица». Тем не менее при решении вопроса о добросовестности или разумности действий (бездействий) директоров юридических лиц нельзя ограничиваться указанными в Постановлении примерами. На правильность такого подхода указывают, во-первых, словосочетание «в частности», используемое перед перечислением поведенческих ситуаций, и, во-вторых, сама цель указанных разъяснений, которая заключается в том, что при соответствии действий директора указанному в названном Постановлении Пленума ВАС примеру поведения суд должен перекладывать бремя доказывания на директора, чтобы тот смог доказать

[109] *Paolini A.* Lending Sub-Prime and Advising on Financial Investments from a D&O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5. P.6.

[110] Стоит, однако, согласиться с мнением Ю. Г. Лесковой, Ю. Д. Жуковой и К. П. Павловой о том, что привлечение к ответственности членов коллегиальных органов управления юридического лица чрезвычайно редко встречается на практике. В теории совершение правонарушения такими лицами может выражаться как «в несообщении важной для принятия решения информации, так и в намеренном введении в заблуждение» остальных членов коллегиального органа управления. (См.: *Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.* Указ. соч. С. 285).

обратное. Иначе говоря, стоит расценивать данные Пленумом разъяснения как установление презумпций, при которых доказывать отсутствие нарушений обязанностей обязан единоличный исполнительный орган, член коллективного органа управления юридических лиц. Таким образом, учитывая, что стандарты поведения директоров не определены исключительно указанными в Постановлении примерами, а следовательно, не могут быть достаточно четко определены пределы их ответственности, имеется необходимость обратиться к актуальной практике арбитражных судов Российской Федерации.

Поскольку судебные акты до 10 августа 2018 года были достаточно детально проанализированы Д. И. Степановым и Ю. С. Михальчук[111], нашей задачей является анализ и обобщение судебной практики за последующий период. Тем не менее наиболее яркие и важные позиции российских судов до указанной даты также будут упомянуты для целостности представления об обязанностях единоличных исполнительных органов, членов коллективных органов управления юридических лиц и иллюстративности формирующихся тенденций привлечения их к ответственности.

Как ранее указывалось Д. И. Степановым и Ю. С. Михальчук, существует проблема, что суды явно не разграничивают нарушение обязанностей, указывая на нарушение требований как добросовестности, так и разумности[112]. Между тем обязанности добросовестности и разумности, безусловно, должны различаться. Как было показано ранее, каждая из них предполагает свой особенный стандарт поведения, за каждой из них презюмируется (объективизируется) своя форма вины. Из этого вытекают важные для страхового права последствия. Как будет показано далее, неправомерный страховой интерес не подлежит страхованию. К нему в том числе относится невозможность страхования умышленного нарушения обязанности. В силу того, что при нарушении добросовестности презюмируется умысел ответчика, страхование ответственности единоличного исполнительного

[111] *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки. М., 2018. С. 203-205.
[112] Там же. С. 15.

органа, члена коллективного органа управления юридического лица за нарушение им обязанности добросовестности не подлежит страхованию. При установлении недобросовестности лица в выплате страхового возмещения будет отказано. Именно поэтому проблема терминологии перестает быть уделом предпочтений и приобретает далеко идущие практические последствия.

Между тем суды довольно часто остаются невосприимчивы к необходимости различать нарушения добросовестности и разумности. Например, в определении Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) судьей при отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам было указано, что заявителем не доказано, что директор «действовала *неразумно и недобросовестно*, преследовала личную выгоду в перечислении спорных денежных средств»[113]. Арбитражный суд Восточно-сибирского округа, оставляя без удовлетворения кассационную жалобу, привел выводы суда первой инстанции, полностью с ними согласившись, о том, что был установлен «факт *недобросовестного исполнения* возложенных на руководителя должника обязанностей, выразившегося в отсутствии должной степени *осмотрительности и разумности* при заключении договора с обществом с ограниченной ответственностью и перечислении контрагенту по сделке денежных средств по мнимым основаниям без получения встречного исполнения по сделке»[114].

Несмотря на то, что для взыскания с единоличного исполнительного органа, члена коллективного органа управления юридического лица доказывать вину не требуется, поскольку ответственность за нарушение обязанностей как разумности, так и добросовестности предполагается безвиновной[115], имеются судебные акты, в которых утверждается об обратном. На требование установления вины ответчика при нарушении им обязанностей добросовестности или недобросовестности указывается в определении ВС РФ при отказе в передаче кассационной жалобы для

[113] Определение ВС РФ от 3 сентября 2020 г. по делу № А73-14645/2018.
[114] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 марта 2020 г. по делу № А33-453/2015.
[115] См. параграф 1.

рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам со ссылкой на требования, установленные Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62[116]. На недоказанность вины указывается в ином отказном определении Верховного Суда, хотя судьей и было отмечено, что оценке подлежат именно добросовестность и разумность[117]. В то же время имеются акты, которые не только подтверждают позицию о безвиновной ответственности директора, но и стараются ее истолковать. Например, в Постановлении Третьего Арбитражного Апелляционного суда отмечается, что «дела о взыскании убытков с органов управления обществом имеют ряд особенностей. Только недобросовестность или неразумность действий (бездействий) органов юридического лица является основанием для привлечения к ответственности в случае причинения убытков юридическому лицу»[118]. И то, и другое является виновным. Вина в данном случае рассматривается как непринятие объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации. В другом деле Арбитражным судом Московского округа в число элементов, подлежащих доказыванию истцом, были отнесены «факт причинения убытков, их размер, противоправность поведения причинителя ущерба и юридически значимую причинную связь между поведением указанного лица и наступившим вредом». Однако далее суд все же оговаривается в том, что «одним из оснований ответственности генерального директора *является* вина». Но при этом суд понимает вину исключительно как нарушение обязанностей добросовестности или разумности, то есть объективирует ее с нарушением данных обязанностей: «Привлечение его к ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно, то есть проявил ли он заботливость и осмотрительность, которые следует ожидать от добросовестного руководителя, и принял ли он все

[116] Определение ВС РФ от 25 марта 2020 г. по делу № А41-1255/2018.
[117] Определение ВС РФ от 2 марта 2020 г. по делу № А56-88134/2018.
[118] Постановление Третьего Арбитражного Апелляционного суда от 1 сентября 2020 г. по делу № А33-8034/2019.

необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей»[119]. Поэтому Постановление в этой части является по существу правильным.

Рассмотрим наиболее типичные случаи нарушения обязанности добросовестности единоличным исполнительным органом, членом коллективного органа управления юридического лица. К таковым можно отнести совершение сделки при наличии конфликта интересов[120], необоснованное повышение директором своего вознаграждения, нарушение обязанности не конкурировать с обществом (использование «корпоративных возможностей»), совершение заведомо невыгодных сделок, иные нарушения закона.

Совершение сделок при наличии конфликта интересов является одним из ключевых оснований привлечения к ответственности директоров, получивших отражение в судебной практике. При этом данные сделки не следует отождествлять исключительно со сделками, в которых имеется заинтересованность, то есть сделками, подпадающими под формальные характеристики статьи 45 Закона об ООО, статьи 81 Закона об АО.

Иного мнения придерживаются Ю. Г. Лескова, Ю. Д. Жукова и К. П. Павлова, утверждая, что в российских реалиях «едва ли можно говорить о сформировавшейся почве для внедрения именно запрета на совершение сделок с потенциальным конфликтом интересов»[121]. Вывод исследователей был бы верен, если бы положения пункта 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков, лицами, входящими в состав органов юридического лица» надлежало истолковывать формально-грамматически, как и поступают указанные авторы. Они считают, что в Постановлении отражен подход, что само наличие конфликта интересов свидетельствует о доказанности добросовестности директора и этого вполне достаточно для принятия решения. Между тем если толковать данное положение телеологически и видеть в нем правило о переложении бремени доказывания, а не о достаточном и

[119] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2020 г. по делу № А41-21254/2016.
[120] *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Указ. соч. С. 52.
[121] *Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.* Указ. соч. С. 277.

исчерпывающем перечне доказательств, необходимых для окончательного и бесповоротного признания судом нарушения директором обязанности добросовестного поведения, то представляется вполне оправданно вести речь о более широкой категории конфликта интересов. Тем более, подобное толкование подтверждается актуальной судебной практикой, как будет показано далее. Данная позиция преобладает и в научной литературе. Так, А. А. Кузнецов, принимавший участие в разработке анализируемого Постановления, указывает на оспоримость презумпций, установленных в пункты 2 и 3 Постановления[122].

Согласно подпункту 1 пункта 2 Постановления Пленума ВАС от 30.07.2013 г. № 62 недобросовестность действий (бездействия) директора считается доказанной, в частности, когда директор действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии *фактической заинтересованности* директора в совершении юридическим лицом сделки за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке.

Так, суд пришел к выводу, что действия единоличного исполнительного органа по перечислению со счета общества денежных средств на свой счет в отсутствие правовых оснований и встречного предоставления, не являются добросовестными и разумными, совершены не в интересах общества. Довод заявителя кассационной жалобы о том, что пункт 6 статьи 45 Закона об ООО не подлежит применению к сделкам, в совершении которых заинтересованы все участники общества, не был воспринят судом. Кассационная инстанция подтвердила, что сделками, совершенными при конфликте интересов, могут быть признаны сделки, которые не соответствуют формальным требованиям статьи 45 Закона об ООО[123].

---

[122] *Кузнецов А. А.* Указ. соч. С. 49.

[123] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2015 г. по делу № А60-37165/2014.

В другом деле единоличный исполнительный орган юридического лица, заключая мировое соглашение, действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами общества, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении обществом сделки. Информация о конфликте интересов не была заблаговременно раскрыта, и действия директора не были одобрены в установленном законодательством порядке. В результате действий руководителя общество отказалось от встречных требований в размере четырнадцати с половиной миллионов рублей. Верховным Судом было подтверждено решение суда апелляционной инстанции о взыскании причиненных убытков и отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ[124].

Иным случаем установления недобросовестности единоличного исполнительного органа конфликта при совершении сделки с конфликтом интересов было дело, по обстоятельствам которого директор заключал от имени общества, специализирующегося на строительстве, договоры долевого участия в строительстве с самим собой как физическим лицом, а затем путем заключения договоров уступки реализовывал права требования из договоров долевого участия по более высокой цене. Кассационная инстанция оставила без изменения постановление о взыскании убытков на сумму более чем двенадцать миллионов рублей.

Другой категорией дел является взыскание с директора убытков в связи с необоснованным повышением директором своего вознаграждения. По этому основанию имеется как положительная, так и отрицательная судебная практика в отношении взыскания убытков. Убытки были взысканы в деле, по обстоятельствам которого единоличный исполнительный орган заключал договоры от имени

[124] Определение ВС РФ от 10 января 2019 г. по делу № А21-5157/2016. (Ср. с: постановлением Первого Арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2015 г. по делу № А43-4795/2013, которым апелляционная жалоба была оставлена без удовлетворения. Заявителем была предпринята попытка взыскать убытки с ликвидатора, которая заявила об отказе от иска о взыскании неосновательного обогащения с одного из участников общества, приходящегося ей супругом).

общества с собой же как с агентом, будучи индивидуальным предпринимателем. При этом функции агента фактически совпадали с его же функциями как генерального директора. Суд, оставляя без изменения постановление апелляционного суда о взыскании убытков отметил, что «директор общества не наделен полномочиями по принятию решения о выплате самому себе дополнительного вознаграждения за выполнение возложенных на него обязанностей»[125].

В другом деле единоличный исполнительный орган выплатил премии себе и работникам. Суд взыскал убытки в части премии директору, так как выплата была произведена без согласия участников[126]. Схожим образом было разрешено дело, по обстоятельствам которого в результате действий директора управляемое им юридическое лицо перечислило ему излишнюю заработную плату и уплатило страховые взносы, начисленные с фонда оплаты труда[127]. Аналогичное дело о привлечении генерального директора акционерного общества к гражданско-правовой ответственности в связи с увеличением самому себе заработной платы в отсутствие согласия акционеров было рассмотрено Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа. Суд согласился с нижестоящими судебными инстанциями в установлении недобросовестности генерального директора в связи с тем, что он, «обладая соответствующими знаниями в области законодательства об акционерных обществах, не должен был без согласия Совета директоров увеличивать себе размер заработной платы»[128].

Примером отрицательной судебной практики по взысканию убытков с единоличного исполнительного органа в рассматриваемой категории дел является дело, по обстоятельствам которого директор *законно* увеличил себе оклад и

[125] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31 августа 2015 г. по делу № А08-4257/2014.
[126] Постановление Федерального Арбитражного суда Поволжского округа от 17 июля 2013 г. по делу № А65-27541/2012.
[127] Определение ВС РФ от 3 сентября 2020 г. по делу № А73-14645/2018.
[128] Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 21 января 2020 г. по делу № А19-28455/2018.

выплатил премию, так как это не противоречило локальным актам общества[129]. В другом, довольно неоднозначном деле общество обратилось в суд с иском о привлечении к гражданско-правовой ответственности бывшего генерального директора за убытки, вызванные необоснованным переводом средств со счета компании на ее личный счет и снятие наличных по корпоративной кредитной карте. Как следует из обстоятельств дела, в рассматриваемый период генеральный директора также был единственным участником общества. Суд отклонил иск, указав, что поведение ответчика было правомерным. За спорный период все денежные операции были выполнены по приказу единственного участника компании, поэтому интересы генерального директора не могли бы противоречить интересам компании, поскольку интересы компании тождественны интересам ее участников. После отчуждения доли в уставном капитале ответчик больше не осуществлял операций с денежными средствами общества. Таким образом, суд установил, что единоличный участник общества, исполняющий обязанности его генерального директора, не может причинить себе вред[130].

В следующую категорию дел о взыскании с директора убытков за нарушение обязанности добросовестности входят дела, связанные с нарушением обязанности директора не конкурировать с обществом, им же возглавляемым, иначе говоря, с использованием «корпоративных возможностей»[131]. Так, в деле, рассмотренном Арбитражным судом Волго-Вятского округа, единоличный исполнительный орган ООО «Заря» одновременно являлся единоличным исполнительным органом (и участником) ООО «Комплект-Инжиниринг». Всем клиентам ООО «Заря» он предлагал заключать договоры с ООО «Комплект-Инжиринг», а промышленное оборудование, необходимое для исполнения обязательств перед клиентами, директор закупал у ООО «Заря» для ООО «Комплект-Инжиринг» по заниженной

[129] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2016 г. по делу № А41-80103/2014.
[130] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2019 г. по делу № А40-222643/2018.
[131] *Голованов Е.* Эксплуатирование корпоративных возможностей директором, членом совета директоров хозяйственного общества // Корпоративное право: проблемы и решения / Отв. ред. И. С. Чупрунов. М., 2020. С. 175 — 176.

цене, продавая клиентам по рыночной. Суд согласился с нижестоящими инстанциями в том, что единоличный исполнительный орган нарушил обязанность добросовестного поведения, усмотрев умысел в его действиях по созданию ситуации, «при которой за счет деловой репутации ООО «Заря» основную выгоду стала получать сторонняя коммерческая организация — ООО «Комплект-Инжиниринг» (аффилированная с ответчиком)» и наличие конфликта интересов[132].

В аналогичном деле директор ООО «Мастер-Сервис» уведомляла контрагентов о необходимости перечисления денежных средств в качестве исполнения обязательств по заключенным договорам на счет специально учрежденного ей ООО «Мастерсервис Е». Кроме того, директором была совершена уступка прав требований от цессионария ООО «Мастер-Сервис» к цеденту ООО «Мастерсервис Е». Суд удовлетворил исковые требования ООО «Мастер-Сервис» частично. Отказ в удовлетворении части требования был обусловлен пропуском срока исковой давности[133].

В другом деле единоличный исполнительный орган направлял контрагентам уведомления с предложением перевести договоры на новое юридическое лицо, имеющее схожее название. Единоличный исполнительный орган обосновывал это различными способами: ссылался на реорганизацию, переименование и схожие не существующие в действительности причины[134].

В целом стоит согласиться с Е. Голованом в том, что практика по эксплуатированию корпоративных возможностей находится в процессе зарождения и раннего формирования, а «судьи, вероятнее всего, интуитивно видят в очевидных случаях эксплуатирования корпоративных возможностей нарушения стандарта добросовестного поведения и не пытаются сформировать непротиворечивый

[132] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 февраля 2016 г. по делу № А43-6382/2015.
[133] Постановление Семнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 16 сентября 2020 г. по делу № А60-73495/2018.
[134] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 августа 2015 г. по делу № А70 -13409/2014.

подход и сообщить таким образом обороту пределы допустимого поведения директора»[135].

В последнюю категорию дел, связанных с нарушением обязанности добросовестного поведения директором, относятся случаи совершения ими заведомо невыгодных для хозяйственного общества сделок или иного нарушения закона.

Примером заключения директором заведомо невыгодных сделок и иного недобросовестного поведения является, например, дело, рассмотренное Арбитражным судом Волго-Вятского округа, по обстоятельствам которого директор, который являлся единственным участником возглавляемого им общества с ограниченной ответственностью, выдавал себе деньги «под отчет», а покупатель ста процентов долей попытался взыскать с него соответствующие убытки. В постановлении суд указал, что «…приобретение … доли в размере ста процентов в уставном капитале Общества, когда уставный капитал на момент продажи сформирован и составляет двадцать тысяч рублей, за сопоставимую сумму в двадцать тысяч рублей, свидетельствует о том, что при разумной и добросовестной оценке своих действий приобретатель доли должен был осознавать фактическое отсутствие у предприятия ликвидных активов, в том числе и денежных средств на счетах или в кассе»[136].

Ярким примером привлечения директора к ответственности за совершение явно убыточных для общества сделок является дело, рассмотренное Арбитражным судом Уральского округа. Директор общества, основным видом деятельности которого являлись охота, разведение диких животных и предоставление услуг в этой области, реализовывал путевки на право охоты в пользу третьих лиц, предоставлял разрешения на охоту. Суд, привлекая его к ответственности, указал, что директор должен был понимать, что его действия — выдача разрешений на добычу животных бесплатно или ниже установленных обществом цен третьим

[135] Голованов Е. Указ. Соч. С. 199.
[136] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 августа 2017 г. по делу № А43-13487/2016.

лицам, предоставление им путевок без учета периода охоты и норм изъятия — «не отвечали интересам общества и причинили обществу материальный ущерб». Директору не удалось доказать, что он действовал таким образом по указанию участников общества, поскольку отсутствовали «доказательства, подтверждающие, что эти участники общества принимали участие в собраниях и голосовали при этом за совершение сделок, причинивших ущерб обществу»[137].

В другом деле директор от имени общества заключил с третьими лицами несколько договоров подряда. Работы были оплачены обществом, однако не доказан факт их реального выполнения. Кроме того, данные сделки отвечали признакам сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, однако их совершение не было одобрено в установленном порядке. Общество обратилось в суд с исковым требованием о взыскании с директора убытков. В результате рассмотрения спора в нескольких инстанциях все суды пришли к выводу о нарушении директором своей обязанности добросовестного поведения[138].

Взыскание убытков с генерального директора в связи с совершением явно невыгодной сделки в деле, рассмотренном Арбитражным судом Дальневосточного округа, было сопряжено с решением судом вопроса о том, насколько одобрение такой сделки участниками может свидетельствовать о добросовестности генерального директора[139]. Как следует из обстоятельств дела, директором от имени возглавляемого им общества с ограниченной ответственностью была заключена сделка отчуждения земельного участка. Данная сделка отвечала признакам крупной сделки и сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, поэтому она была одобрена собранием участников общества. Впоследствии один из участников общества, полагая, что сделка заключена по заниженной цене, обратился в суд с иском о взыскании с генерального директора убытков в виде разницы между ценой реализации и его фактической стоимостью.

[137] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 июня 2020 г. по делу № А60-74283/2018.
[138] Определение ВС РФ от 4 сентября 2020 г. по делу № А56-58918/2019.
[139] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 сентября 2020 г. по делу № А51-26080/2018.

Суд сослался на пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62, а также на правовую позицию, изложенную в пункте 16 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденного Президиумом ВС РФ от 25.12.2019, согласно которым «не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно». Таким образом, судом было признано, что сама по себе ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу. При этом суд учел, что ответчиком предпринимались действия по сокрытию информации от участника, заявившего исковое требование (информация о проведении внеочередного общего собрания, на котором должен был решаться вопрос об одобрении сделки; принятое впоследствии решение об одобрении данной сделки; отказы в предоставлении информации о заключенном договоре). Такое поведение генерального директора было сочтено судом недобросовестным.

Существует и отрицательная практика, когда с директора не взыскиваются убытки за совершение заведомо невыгодных сделок. По обстоятельствам дела директор приобрел снегоуплотнительную машину за «1 002 542 руб. 37 коп., что подтверждается товарной накладной от 01.12.2014 № 77», которая была «реализована индивидуальному предпринимателю Морозову А.Н. по цене 720 338 руб. 98 коп., что подтверждается товарной накладной № 152 от 02.12.2014». Поскольку разница составила меньше 50%, то убытки не были взысканы[140].

[140] Постановление Арбитражного суда Приволжского округа от 26 мая 2016 по делу № А55-14726/2015.

Схожей логикой руководствовался суд в деле, где единоличный исполнительный орган сначала продал имущество, составляющее по стоимости 82% активов, за 30 млн. рублей, а затем заключил с третьим лицом договор займа на эту сумму. Сумма займа впоследствии не была возвращена. Договор был заключен под 12% годовых. Суд отказался взыскать убытки, посчитав, что заключение такого договора займа находится в рамка разумного риска[141].

Если обратиться к судебной практике о нарушении директором обязанности разумности при осуществлении им полномочий, стоит отметить следующее. Во-первых, анализируя правонарушения директора такого рода, суд должен исходить из масштабов деятельности конкретного юридического лица (пункт 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»). Во-вторых, суд при разрешении дела о нарушении обязанности разумности членами коллективного органа юридического лица должен учитывать их ограниченные возможности по получению доступа к информации о юридическом лице, на основании которой они принимают решения (пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»).

Поскольку нарушение такой обязанности может выражаться в совершении действия или в воздержании от действия, которые входят в обычный предпринимательского риска юридического лица, представляет особый интерес, в какой степени суд может анализировать принимаемое директором решение. Должна ли анализироваться процедурная сторона решения или его суть, учитывая, что по общему правилу суд не может оценивать экономическую целесообразность того или иного действия, предпринятого директором?

Так, например, в деле, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, банком в лице председателя правления банка с одобрения кредитного комитета банка «были заключены двадцать семь кредитных договоров с двадцатью

[141] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 февраля 2016 г. по делу № А74-5237/2012.

четырьмя заемщиками-юридическими лицами, несмотря на отсутствие финансово-хозяйственной деятельности либо недостаточности получаемых доходов у заемщиков на момент образования ссудной задолженности в банке»[142]. В результате председателю правления и члену правления, а именно председателю кредитного комитета, банка, заключившего кредитные договоры, был предъявлен иск от имени общества, органами управления которого они являлись. Арбитражными судами нижестоящих инстанций были детально проанализированы обстоятельства дела. Было установлено, что многочисленные займы были выданы банком в отсутствие надлежаще проведенной проверки заемщиков. Было проанализировано финансовое состояние заемщиков, которое могло и должно быть известно как председателю, так и члену правления кредитной организации. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции признали, что председатель и член правления банка нарушили обязанность действовать разумно.

В схожем деле председатель правления кредитной организации был привлечен к ответственности за заключение кредитных договоров с неплатежеспособными «фирмами-однодневками»[143]. Неразумность, допущенная директором в данном случае, выражалась в том, что он не обладал должной компетенцией — «знаниями и опытом» — для принятия решений о выдаче кредитов юридическим лицам, однако *принимал* такие решения.

Существует более ранняя судебная практика, по которой директора кредитных организаций не привлекались к ответственности за предоставление кредитов неплатежеспособным лицам. Так, в деле, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа в 2016 году, суд не удовлетворил требования конкурсного управляющего о взыскании с директора убытков, поскольку в обществе была организована развитая система контроля, которая демонстрировала,

[142] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2018 г. по делу № А40-171516/14.
[143] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2019 г. по делу № А40-78661/14.

что директор надлежаще — как добросовестно, так и разумно — осуществлял свои управленческие функции[144].

Тем не менее в деле с аналогичными обстоятельствами убытки были взысканы, поскольку ответчик не доказал, что действительно существующая система контроля сработала правильно — не продемонстрировал, что была соблюдена процедура выдачи кредита[145].

В другом деле суд детально анализировал вопрос об экономической обоснованности и рентабельности решения директора по строительству первого из серии домов в отсутствие разрешительной документации в отношении всего поселка[146]. Единоличный исполнительный орган управления юридического лица, обосновывая выгодность предпринятого строительства, обращала внимание на то, что изначально муниципальный орган власти выдал разрешение на строительство всего поселка, однако, поскольку проект на строительство не прошел конкурс и не получил финансирование в рамках федеральной программы, директор от имени управляемого ей юридического лица обратилась за разрешительной документацией в отношении только одного из домов. Решение муниципального органа было выдано. Но впоследствии оно было отменено, так как в соответствии с местными «действующими Правилами землепользования и застройки в соответствующей зоне возможно лишь строительство многоквартирных жилых домов с земельными участками при квартирах». Ответчик настаивала, что в обязанность действовать разумно не входит проверка правильности решения, принятого муниципальным органом власти, а отмена такого решения является обычным предпринимательским риском. Суд апелляционной инстанции, проанализировав указанные фактические обстоятельства, пришел к довольно неоднозначному выводу, что «в связи со строительством всей группы домов и несения затрат на подведение необходимых

[144] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2016 г. по делу № А40-143242/2010.
[145] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 июля 2017 г. по делу № А40-23006/12.
[146] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2019 г. по делу № А71-5029/2016.

коммуникаций и создания соответствующей инфраструктуры применительно ко всей группе домов проект мог быть рентабельным и принести прибыль, вместе с тем применительно к возведению одного дома проект рентабельным не являлся». Суд отметил, что сам отбор на участие в государственной программе финансирования строительства еще не означает участия в реализации такой программы, поэтому излишне легкомысленно было начинать строительство первого из домов на первичной стадии участия в конкурсе. Единоличный исполнительный орган юридического лица тем самым безосновательно полагала, что такое строительство станет частью более крупного проекта. В обязанности директора входит реализация всех необходимых действий по получению всей необходимой и достаточной информации, необходимой для строительства, в том числе и о зонировании. Она должна была, по утверждению суда, принимать решение о строительстве с учетом полной и достоверной информации об этом, даже несмотря на ошибку муниципального органа власти при повторной выдаче разрешения на строительство. В то же время суд удовлетворил требования истца и в части взыскания убытков с муниципального органа власти за выдачу разрешения на строительство, не соответствовавшего требованиям градостроительного законодательства.

На наш взгляд, данное решение представляет собой пример требования излишне высокого стандарта разумности от единоличного исполнительного органа юридического лица. Фактически суд указывает не только на то, что директор должна была не торопиться со строительством в связи с неопределенностью будущего финансирования, но и то, что по-хорошему она должна была сориентироваться и указать на неправильность разработанной проектной документации и выданного муниципальным органом решения. Несколько смягчает радикальность такого решения признание виновным муниципального органа «в незнании закона» и взыскании с него убытков, однако даже это не снимает всю неоднозначность данного судебного акта.

Примечательно дело, в результате рассмотрения которого суд отказал во взыскании убытков с единоличного исполнительного органа, которые по

утверждению истца возникли в связи с организацией деловых встреч и иных представительских мероприятий, что в совокупности составляет нарушение директором обязанности действовать разумно. При этом судом не были учтены доводы истца о том, что часть организованных руководителем мероприятий не имели отношения к деятельности общества[147].

Другой категорией дел за нарушение обязанности разумного ведения дел являются споры, связанные с осуществлением контроля директором за действиями представителя. Требование о взыскании убытков с директора, выдавшего представителю генеральную доверенность с объемом полномочий фактически равным своим, рассмотренное и удовлетворенное еще в 2014 г. Президиумом ВАС РФ, породило целую плеяду аналогичных дел[148]. Так, например в 2017 г. убытки были взысканы с генерального директора кредитной организации, выдавшего доверенность, на основании которой представитель погасил регистрационную запись об ипотеке, находясь в сговоре с залогодателем[149].

Схожей категорией дел являются споры о привлечении директора к ответственности за недостаточный контроль над действиями работников. Так, с директора взыскали убытки в размере платы за незаконно (безотчётно и в нарушение договора энергоснабжения) потребленную обществом электроэнергию. Доводом в пользу такого взыскания послужило, в частности, наличие приказа, в котором директор назначила себя ответственной за электрохозяйство общества[150]. В другом деле директор не проконтролировал использование электронной цифровой подписи общества бухгалтерией. Работники бухгалтерии были признаны виновными в совершении мошеннических действий по перечислению денежных средств со счета юридического лица в пользу третьих лиц. В результате

[147] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 мая 2019 г. по делу № А11-14949/2017.
[148] Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. по делу № 9324/13.
[149] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2017 г. по делу № А40-7547/11.
[150] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 мая 2019 г. по делу № А40-111181/2017.

рассмотрения заявленного обществом требования в его пользу были присуждены убытки, взыскиваемые с единоличного исполнительного органа[151].

По обстоятельствам иного дела акционерное общество широко использовало модифицированное программное обеспечение в нарушение авторских и смежных прав. Правообладатель обратился в суд с требованием о компенсации за допущенное нарушение интеллектуальных прав. Впоследствии между правообладателем и акционерным обществом было заключено мировое соглашение. Полагая, что директор допустил незаконное использование программного обеспечения, своим бездействием, не проявив надлежащий контроль за деятельностью общества, истец предъявил исковое требование к директору от имени общества. В ходе судебного разбирательства было доказано, что указанное программное обеспечение было установлено в *каждом* структурном подразделении (филиале) компании. В результате рассмотрения спора судом обязал ответчика возместить причиненные обществу убытки[152].

По обстоятельствам иного дела в обществе отсутствовала надлежащая система учета и хранения товаров и активов — неправильно составлены первичные документы (в частности, документы на прием и отгрузку товаров были подписаны лицами, не принимавшими эффективного участия в таких операциях), система материальной ответственности отсутствовала (в частности, не был назначен ответственный сотрудник, несущий материальную ответственность, и не было заключено никаких соглашений о материальной ответственности с сотрудниками, участвовавшими в приеме и отгрузке товаров). Отсутствие надлежащего контроля над товарами и активами компании привело к недостаче, выявленной в ходе инвентаризации. Убытки, возникшие в результате недостачи, были взысканы с ее генерального директора. Суд согласился с выводами нижестоящих судов о том, что недостача была прямым следствием ненадлежащего исполнения генеральным директором обязанностей, поскольку он не обеспечил сохранность вверенных ему

[151] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 сентября 2016 г. по делу № А56-35890/2015.
[152] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 сентября 2018 г. по делу № А42-5390/2017.

товаров и активов. Суд также отметил, что директор компании должен прилагать все усилия, которые необходимы и достаточны для достижения наилучшего результата хозяйственной деятельности компании и надлежащего выполнения обязанностей, возложенных на него действующим законодательством[153].

Суды в основном отказывают в удовлетворении требований о привлечении директора к гражданско-правовой ответственности в связи с неразумностью действий, а точнее бездействия, выразившегося в не предъявлении требований к должникам юридического лица. Так, исследовав обстоятельства дела, суды, пришли к выводу об отсутствии неразумности в действиях бывших руководителей акционерного общества по взысканию дебиторской задолженности, возникшей в связи с оказанием жилищно-коммунальных услуг. Судами были учтены масштаб деятельности организации, созданная в ней система работы с дебиторской задолженностью (работа контрольно-претензионного отдела) и сделан вывод о том, что «недостижение результата в виде полного взыскания с потребителей услуг суммы долга по причине истечения срока исковой давности не является следствием виновного и противоправного поведения ответчиков, например, вследствие ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом, в связи с чем оснований для взыскания с них убытков не имеется»[154].

В ином деле участник от имени общества обратился в суд с требованием о взыскании убытков с генерального директора в связи с нарушением обязанности действовать разумно, выразившегося в отказе от иска, заявленного руководителем от имени общества в ходе судебного разбирательства с третьим лицом. Судом было указано, что сам по себе отказ генерального директора в отсутствии иных доказательств не свидетельствует о нарушении директором своих обязанностей.

[153] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 декабря 2018 г. по делу № А60-70464/2017.
[154] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 1 июня 2020 г. по делу № А76-694/2019.

Кроме того, суд мотивировал свое решение тем фактом, что отказ общества от иска не был оспорен его участниками[155].

Особенной группой дел является судебная практика по взысканию убытков с директора, возникших в связи с привлечением ответственности юридического лица за допущенные последним нарушений закона. Основанием для взыскания убытков с директора в данном случае является нарушение им обязанности добросовестности при осуществлении своих полномочий (пункт 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»). Между тем квалификация данного правонарушения как нарушения обязанности добросовестности, а не разумности, не бесспорна. Очевидно, что при подготовке Постановления высшая судебная инстанция исходила из тождества умысла и нарушения обязанности добросовестности при совершении юридическим лицом противозаконных действий. Тезисы «нарушение закона не может быть добросовестным» и «нарушение закона нельзя относить к категории “неразумность”» явно были руководящими при обсуждении проекта Постановления. Однако имеются и возражение против указанных соображений. Ведь если ассоциировать нарушение обязанности добросовестности как противопоставление интересов директора интересам общества, создание ситуации конфликта интересов, то сложно усмотреть в нарушении закона подобное нарушение лояльности. Поэтому данная позиция представляется далеко не однозначной.

Основные категории дел по привлечению директора к гражданско-правовой ответственности в связи с привлечением юридического лица к публично-правовой ответственности являются споры, связанные с налоговыми правонарушениями, административными правонарушениями, в частности нарушения законодательства о ценных бумагах (статьи 15.19, 15.20, 15.22 Кодекса об административных

[155] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 мая 2020 г. по делу № А83-7963/2019.

правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП)), невыполнение предписаний государственных органов (статья 19.15 КоАП).

Рассмотрим дела о взыскании с директора убытков, возникших в связи с налоговыми правонарушениями. По вопросу о том, могут ли налоговые недоимки рассматриваться в качестве убытков общества практика крайне неустойчива. Так, отрицательный ответ дает Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 2019 года, в котором судом прямо указано, что «отнесение суммы недоимки по налогам к убыткам общества является ошибочным, поскольку данная сумма по своей правовой природе не относится к штрафным санкциям»[156]. Примером судебного акта, подтверждающего отнесение недоимок к убыткам общества, являются, к примеру, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2020 года и Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 2017 года, согласно которым недоимки, возникшие при неуплате налога на добавленную стоимость, могут считаться убытками[157]. Последняя позиция представляется нам верной.

В другом деле генеральным директорам, руководящим акционерным обществом в два различных периода, было предписано возместить убытки, причиненные обществу в результате отказа от запроса возврата излишне уплаченных налогов и возмещения налога на добавленную стоимость (далее — НДС) и восстановления дебиторской задолженности. На момент подачи иска акционерное общество находилось на стадии банкротства. Удовлетворяя иск, суд отметил, что если у компании было право на возмещение излишне уплаченных налогов, осуществление данных прав было *обязанностью* директоров, а не правом.

[156] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2019 г. по делу № А27-1804/2015.

[157] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 июня 2020 г. по делу № А03-18142/2017; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 июня 2017 г. по делу № А57-18411/2016. Положительная практика по данному вопросу в отношении других видов налогов представлена, например, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 4 апреля 2016 г. по делу № А40-16650/2015.

Таким образом, директора своим бездействием нарушили обязанность действовать разумно и в интересах компании[158].

В то же время имеется и более стабильная практика, заключающаяся в отказе от привлечения директора к ответственности в связи лишь с тем, что юридическим лицом совершены налоговые правонарушения. ВС РФ подтвердил, что само наличие налогового правонарушения не свидетельствует о нарушении директором обязанности действовать разумно. Суд правильно отметил, что «размер убытков должен сопоставляться с масштабом деятельности руководителя, глубиной и важностью решаемых им задач в целом для существования, функционирования и развития управляемой им организации». Поскольку в рассматриваемом деле была установлена вина конкретных лиц (в том числе работников юридического лица), которые «умышленно участвовали в схеме уклонения от налогообложения», Верховный Суд Российской Федерации отказал заявителю в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам, тем самым подтвердив решения судов нижестоящих инстанций об отсутствии оснований для привлечения директора к ответственности[159].

Рассмотрим следующую категорию дел о взыскании с директора убытков, причиненных юридическому лицу, а именно — связанные с совершением юридическим лицом административных правонарушений. По обстоятельствам

---

[158] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2018 г. по делу № А40-117973/2014.

[159] Определение ВС РФ от 5 августа 2020 г. по делу № А40-165388/2017. Ранее такого же подхода придерживался, в частности, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа. (См., Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 августа 2015 г. по делу №А27-12161/2014). В ходе рассмотрения данного дела ответчик возражал о привлечении его к ответственности, ссылаясь на то, что неправомерные действия были допущены бухгалтерской службой. См. аналогичные судебные акты: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 апреля 2017 г. по делу № А32-11075/2016; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19 сентября 2016 г. по делу № Ф10-3490/2016. Существуют дела, в которых суд не воспринял возражения ответчика-директора о виновности бухгалтера. См., например: Постановление Арбитражного суд Западно-Сибирского округа от 4 сентября 2017 г. по делу № А27-1804/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2017 г. по делу № А56-77590/2014; Постановление Арбитражного суд Центрального округа от 29 мая 2017 г. по делу № А09-410/2016.

дела, рассмотренном Арбитражным судом Дальневосточного округа, общество с ограниченной ответственностью было признано виновным в совершении административного правонарушения, выразившегося «в уклонении от созыва общего собрания участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, а равно в нарушении требований федеральных законов к порядку созыва, подготовки и проведения общих собраний участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью, в связи с чем обществу назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 500 000 рублей» (часть 11 статьи 15.23 КоАП РФ)[160]. Впоследствии сумма штрафа была снижена до 250 000 рублей. Участник от имени общества обратился в суд с требованием о взыскании с директора убытков. Суды пришли к выводу о доказанности нарушения ответчиком требований «добросовестности и (или) разумности» и отклонили его доводы о том, что длительный корпоративный конфликт препятствовал созыву собрания участников общества и что невозможно было совершить нотариальные действия для подтверждения принятых общим собранием участников решений.

В другом деле публичное акционерное общество обратилось с иском к своему бывшему директору о привлечении его к гражданско-правовой ответственности в связи с тем, что ненадлежащее выполнение им его обязанностей повлекло за собой нарушений правил о раскрытии информации, установленных Банком России и привлечение общество к административной ответственности по части 2 статьи 15.19 КоАП РФ и ч. 2 ст. 19.5 КоАП РФ в результате чего на общество были наложены штрафы. Судом было учтено, что ответчик занял пост генерального директора публичного акционерного общества в конце квартала, за который должен был быть составлен непредставленный Банку России отчет, что существовала «хозяйственная практика» согласования всей отчетности, подлежащей раскрытию, с бенефициарами организации, что косвенно свидетельствует о номинальности фигуры директора в организации. Суд также

[160] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 июня 2020 г. по делу № Ф03-2194/2020.

отметил, что в обществе на момент необходимости предоставления отчетности «отсутствовали оборотные денежные средства для осуществления хозяйственной деятельности, в том числе для оплаты стоимости раскрываемых отчетов»[161]. Исходя из этого, суд отказал в удовлетворении требований общества.

Одной из главных проблем в данной категории дел является вопрос: причинены ли обществу убытки, если административный штраф не был оплачен директором? В деле, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, с генерального директора были взысканы убытки, которые возникли в результате привлечения возглавляемого им общества к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Впоследствии генеральный директор не оспаривал решение антимонопольной службы, не добивался уменьшения штрафа, равно как и не способствовал его своевременной уплате. Это повлекло за собой наложение нового штрафа на общество, превышающего в два раза неуплаченную первоначальную сумму. Соответствующие убытки в размере 1 100 000 рублей были взысканы с генерального директора. Судом было отмечено, что, в силу прямого указания закона генеральный директор должен был предпринять все необходимые и достаточные меры для надлежащего выполнения публично-правовых обязанностей, возлагаемых на общество действующим законом, и в этом случае генеральный директор не представил любые доказательства того, что он не знал об ответственности юридического лица за административное правонарушение[162].

По данному вопросу существует и отрицательная судебная практика: судебные акты, по которым директор не был привлечен к гражданско-правовой ответственности за неуплату юридическим лицом административного штрафа. Так

[161] Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 30 июня 2020 г. по делу № А40-154351/19.

[162] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 октября 2018 г. по делу № А10-3242/2015. См. также схожую практику по вопросу о привлечении к ответственности директора за неуплату юридическим лицом административного штрафа: Постановление Семнадцатого Апелляционного Арбитражного суда от 20 сентября 2016 г. по делу № А60-2722/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2016 г. по делу № А40-97929/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 августа 2015 г. по делу № А46-8247/2014.

в деле, рассмотренном Арбитражным судом Волго-Вятского округа, суд отказал в присуждении убытков, указав, что само по себе наличие у общества с ограниченной ответственностью «имущества не свидетельствует о неизбежности оплаты штрафа в будущем»[163].

Следующим не менее важным аспектом, характерным для данной категории дел, является проблема о том, может ли причинение убытков в результате привлечения общества к публично-правовой ответственности охватываться пределами обычного предпринимательского риска директора? Судебная практика по этому вопросу развивается в нескольких направлениях. Так, Арбитражным судом Московского округа в 2019 году было рассмотрено дело, по обстоятельствам которого генеральный директор неверно применил ставку НДС при осуществлении обществом внешнеэкономической деятельности, за что таможенный орган обязал возглавляемое директором общество уплатить штраф. Участник общества, возглавляемого директором, обратился в суд с исковым заявлением о взыскании с директора убытков. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали истцу в удовлетворении его требований. Судом кассационной инстанции указывалось, что «сам по себе факт предъявления таможенным органом требований к обществу в связи с неверным определением таможенных пошлин не выходит за пределы рискового характера деятельности юридического лица, учитывая, что обязанность по уплате таможенных платежей осуществляется организацией самостоятельно и не исключает возможность совершения ошибок»[164]. Таким образом, суд отнес риск неправильного расчета НДС и наложения таможенным органом штрафа к обычному предпринимательскому риску директора.

Как следует из материалов дела, рассмотренного Арбитражным судом Дальневосточного округа, в период исполнения лицом обязанностей директора

163 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 января 2017 г. по делу № А29-4190/2015. См. также Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 4 декабря 2014 г. по делу № А32-30653/2013.

164 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2019 г. по делу № А40-277491/2018.

возглавляемое им общество с ограниченной ответственностью — управляющая компания многоквартирного дома — неоднократно привлекалось к административной ответственности, в том числе в форме штрафов, в связи с тем, что в домах, находящихся в управлении общества, периодически происходили заливы квартир. Судом, на наш взгляд, были отмечены два немаловажных обстоятельства. Во-первых, указывалось, что «привлечение общества к административной ответственности связано с результатами хозяйственной деятельности общества, так как возможность возникновения таких последствий связана и сопутствует рисковому характеру основного вида деятельности управляющей компании. Само по себе наличие у общества убытков, возникших в связи с привлечением его к административной ответственности, не может служить основанием для безусловного вывода о причинении таких убытков деятельностью руководителя общества»[165]. Во-вторых, судами учтено, что административные штрафы «возлагались на общество без установления вины директора». Судом было правильно указано на то, что само наличие административного правонарушения само по себе не означает нарушение требований разумности или добросовестности директором, а у решения о привлечении к административной ответственности юридического лица безусловно нет и не может быть преюдициальной силы в отношении директора.

Подводя итог анализу судебных актов, связанных с привлечением директоров юридических лиц к гражданско-правовой ответственности, можно отметить, что, во-первых, существует множество вопросов, по которым отсутствует устойчивость и определенность судебной практики. Во-вторых, количество судебных актов, которые нам удалось проанализировать, демонстрирует масштаб, частоту и продолжающуюся тенденцию предъявления исковых требований о взыскании с директоров убытков. В-третьих, несмотря на присуждение убытков в пользу истца, у последнего может возникнуть сложность с исполнением данного решения — не всегда возможно взыскать многомилионную

[165] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 4 марта 2019 г. по делу № А73-5371/2018.

сумму возмещения[166]. Данные обстоятельства актуализируют необходимость страхования ответственности директоров юридических лиц.

[166] *Молотников А. Е.* Указ. соч. С. 169.

Глава 2. Обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц по праву Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки

§1. Эволюция института страхования ответственности членов органов управления юридических лиц

Страхование ответственности единоличных исполнительных органов управления, членов коллегиальных исполнительных органов и членов коллегиальных органов управления юридических лиц имеет англо-американское происхождение, поэтому в мировой практике оно приобрело наибольшую известность как «*Directors' and officers' liability insurance*" или "*D&O insurance*», что буквально переводится как «страхование ответственности директоров и должностных лиц (менеджеров)». Прямое заимствование данного термина для регулятивных целей невозможно, поскольку данное название обусловлено особенностями английского и американского корпоративного права[167]. Как справедливо указывает Б. Блэк, «по российскому праву ответственность перед обществом несут не все лица, занимающие «управленческие» должности, а только члены совета директоров и члены исполнительного органа компании (который может состоять из одного члена либо носить коллегиальный характер)»[168]. Несмотря на это «договоры страхования ответственности членов органов управления и должностных лиц» известны российской практике и заключаются под общепризнанным аналогичным названием[169], однако для целей настоящей

[167] Тем не менее, для простоты изложения в дальнейшем мы будем использовать термины «договор страхования ответственности директоров, членов органов управления юридических лиц» и «договор страхования ответственности *D&O*» как условно синонимичные понятия.

[168] Правовое регулирование ответственности членов органов управления / Б. Чеффинс, М. Гелтер М. Симс и др.; под общ. ред. Б. Блэка. М., 2010. С. 15.

[169] См., напр.:Согласие на совершение договора страхования ответственности членов советов директоров (наблюдательных советов) и должностных лиц ПАО Московская Биржа и дочерних компаний ПАО Московская Биржа в качестве сделки, в совершении которой имеется заинтересованность // URL:

работы мы сосредоточиваемся на изучении первой группы застрахованных субъектов — членов органов управления юридических лиц (директоров), поскольку именно они являются ключевыми фигурами, ответственными перед корпорацией, и страхование их рисков вызывает наибольшее количество практических сложностей.

Страхование ответственности директоров возникло в результате кризиса на фондовом рынке США в 1929 г. Многие акционеры, пострадавшие от падения стоимости акций и банкротства компаний, инвесторами которых они являлись, хотели получить компенсацию за причиненный ущерб[170]. Это повлекло за собой принятие законов «О ценных бумагах» 1933 г. и «О ценных бумагах и рынках» 1934 г., генеральными задачами которых являлись эффективное осуществление контроля за выпуском и реализацией на вторичном рынке акций и защита инвесторов[171]. Принятие двух данных актов повлекло прогнозирование большего количества требований акционеров от имени компаний к лицам ответственным за управление ими — к директорам и должностным лицам, и повышение вероятности привлечения их к ответственности[172].

Именно в данных условиях в тридцатых годах английская страховая компания с мировым именем *Lloyd's Underwriters* создает новый страховой продукт для покрытия ответственности директоров и должностных лиц компаний, изначально рассчитывая, что данный вид страхования будет пользоваться спросом

---

https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwizh4ydsf_pAhVykIsKHbXLBUEQFjAAegQIARAB&url=http%3A%2F%2Ffs.moex.com%2Ffiles%2F14692&usg=AOvVaw2ccxg9tNFd-c-u0mLZj3ww (Дата обращения: 25.05.2020).

[170] *Romano R.* What Went Wrong with Directors' and Officers' Liability Insurance? // Delaware Journal of Corporate Law. 1989, № 14. P. 4.

[171] *Mitchell D. T.* Status Bound: The Twentieth Century Evolution of Directors' Liability // New York University Journal of Law and Business. 2009, № 5. P. 107 — 109.

[172] The Shocking Impact of Corporate Scandal on Directors' and Officers' Liability / N. R. Mansfield, J. T. A. Gabel, K. A. McCullough, S. G. Fier // University of Miami Business Law Review. 2012, № 20. P. 222. (См. подробнее об условиях данного полиса страхования: Hinsey J. The New Lloyd's Policy Form for Directors and Officers Liability Insurance // The Business Lawyer. 1978, № 33. P. 1961 — 1992).

у топ-менеджмента публичных компаний[173]. Источником вдохновения при разработке страхования ответственности директоров послужил другой вид страхования, а именно - страхование профессиональной ответственности[174]. Существовавшее страхования профессионального риска было предназначено для страхования лиц свободных профессий (адвокатов, бухгалтеров, врачей)[175]. Страхование профессионального риска как страховой продукт не могло применяться для страхования ответственности директоров и менеджеров, поскольку, во-первых, деятельность по управлению компанией обладает значительной спецификой, а значит и особыми рисками, которые не характерны для лиц свободных профессий[176]. Во-вторых, должность директора компании не считалась профессией в прямом смысле слова. Вплоть до середины двадцатого века в Англии компаниями как правило управляли прежде всего лица, которые обладали значительной долей в капитале, будучи их учредителями[177]. Директора компании, также, как и инвесторы, которые хотели «сделать состояние из воздуха», не прикладывая к этому усилий и труда, воспринимались обществом, воспитанным в викторианскую эпоху, крайне негативно[178].

Лишь в шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия отношение общества к директорам стало изменяться: находясь под впечатлением от успехов американских крупных корпораций, возглавляемых специально обученными директорами, представители английского бизнеса осознали потребность в

---

[173] *Dallas G. S.* Governance and Risk: An Analytical Handbook for Investors, Managers, Directors, and Stakeholders. New York, 2004. P. 234 (Цит. по: *Габов А. В. Молотников А. Е.* Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. С. 166).

[174] *Paolini A.* Op. cit. P. 435.

[175] См. об этом подр.: *Ножкина А. А.* Страхование ответственности по договору: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 125 — 159.

[176] Стоит отметить, что в современной отечественной научной литературе высказывалась точка зрения о том, что договор страхования ответственности директоров в действительности является лишь подвидом страхования профессиональной ответственности. Представляется, что степень убедительности аргументов и обоснованности выводов об отождествлении данных видов страхования оставляет сомнения по поводу правильность такого взгляда (См.: *Сотников С. Л.* Страхование профессиональной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2010. С. 188 — 201).

[177] *Talbot L. E.* Progressive Corporate Governance for the 21st Century. New York, 2013. P. 47

[178] *Taylor J.* Joint-Stock Enterprises in British Politics and Culture 1800-1870. London, 2006. P. 27.

профессиональных управленцах, заимствовали культуру топ-менеджмента[179]. Тогда же изменилось законодательство многих штатов, прямо разрешив корпорациями заключать договор страхования ответственности директоров, тем самым дифференцировав регулирование страхование *D&O* и *indemnity* — последнее в тот период было в основном запрещено. Дело в том, что страхование ответственности ранее воспринималось как особая разновидность обязательства компании перед директором о возмещении любых убытков, которые директор должен компенсировать третьим лицам в случае признания его ответственным за причинение ущерба при осуществлении своих полномочий[180].

Стоит отметить, что в тех же шестидесятых годах двадцатого века в США также был принят Закон о пенсионном обеспечении работников (*Employee Retirement Income Security Act* (*ERISA*)). Данный акт предусмотрел механизмы управления частными пенсионными фондами, которые работодатели должны создавать для сотрудников. Согласно положениям данного закона все те, кто причастен к управлению фондами именуются фидуциарами. То есть в смысле законоположений указанного акта так называется и директор корпорации, который причастен напрямую к организации управления страховыми доходами работников и несет гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее исполнение данных обязанностей. Несмотря на определенную схожесть обязанностей директора по управлению корпорацией и указанным фондом, полис страхования директоров и должностных лиц обычно *не покрывает* страховые риски предъявления требований к директорам за их нарушение. Для покрытия рисков юридического лица, его директоров и должностных лиц, а также работников страховым рынком был разработан особый вид договора страхования ответственности — страхование фидуциарной ответственности (*fiduciary liability*

[179] *Paolini A.* Corporate and Insurance Law // The Dieselgate / ed. by M. F. D. Rattalma. Heidelberg, 2017. P. 122.

[180] *Mansfield N. R., Gabel J. T. A., McCullough K. A., Fier S. G.* Op. cit. P. 222. В силу такой неопределенности правовой природы страхования ответственности директоров в начале своей истории компаний, заключавших такой договор, было ничтожно мало. (См. об этом также: *Bishop J. W.* New Cure for an Old Ailment: Insurance Against Directors' and Officers' Liability // Business Law. 1966, № 22. P. 92).

policy)[181]. Таким образом, для страхования данных рисков договор страхования ответственности *D&O* не используется.

Поначалу страхование ответственности директоров и менеджеров не имело ни успешной, ни заметной экспансии на рынке. Только в семидесятых — восьмидесятых годах двадцатого века оно начало пользоваться активным спросом в результате увеличения числа судебных процессов против директоров и менеджеров[182], что, в свою очередь, привело к серьезному финансовому кризису страховщиков, специализировавшихся на этом виде страхования[183]. Произошло это во многом из-за многолетнего отсутствия спроса на заключение данного договора страхования[184]. В результате неожиданного роста спроса размер страховых премий, подлежащих уплате, чрезвычайно повысился, и первоначально обширное покрытие рисков на волне спроса сменилось практически полным исчезновением страховщиков с рынка — страховые компании оказались не готовы к наплыву страхователей[185].

Такая плачевная ситуация на рынке страхования повлекла за собой попытку некоторых штатов удовлетворить потребность корпораций и их директоров в заключении договоров страхования ответственности *D&O* путем введения и предложения альтернативных способов защиты директоров. Поэтому следующий этап развития страхования ответственности директоров и менеджеров тесно связан

---

[181] *Geller S. M.* ERISA Imposes Fiduciary Liability Upon Directors and Officers // The CPA Journal. 2015, November. P. 63.

[182] В литературе приводятся примеры таких известных судебных разбирательств, как *In re Warner Communications Sec. Litig., 618 F. Supp. 735* (S.D.N.Y. 1985) (сумма выплаты по мировому соглашению составила восемнадцать миллионов шестьсот тысяч долларов), *In re Cenco Inc. Sec. Litig., 519 F. Supp. 322* (N.D. III. 1981) (сумма присужденного возмещения убытков составила девятнадцать миллионов двести пятьдесят тысяч долларов), *Fox v Chase Manhattan Corp., № 8192-85* (Del. Ch. 1985) (См. подробнее: *Rosh R. H.* New York's Response to The Director and Officer Liability Crisis: A Need to Reexamine The Importance of D&O Insurance // Brooklyn Law Review. 1989, № 54. P. 1306).

[183] *Youngman I.* Directors' and Officers' Liability Insurance. Cambridge, 1999. P. 144-145.

[184] В то же время другой причиной ужесточения рынка страхования ответственности директоров в этот период часто называют вынесенное Верховным Судом штата Делавэр решение *Smith v. Van Gorkom* (См. подр. об этом: *Mansfield N. R., Gabel J. T. A., McCullough K. A., Fier S. G.* Op. cit. P. 227; *Dobiac J. I* Came, I Saw, I Underwrote: D&O Liability Insurance's Past Underwriting Practices and Potential Future Directions // Connecticut Insurance Law Journal. 2008. № 2. P. 488).

185 *Rosh R. H.* Op. cit. P. 1307.

с внесением поправок в законы штатов (например, в Закон о предпринимательских корпорациях штата Нью-Йорк и Общий закон о корпорациях штата Делавэр), в соответствии с которыми было разрешено предусмотреть в уставе компании *indemnity* - обязательство компании перед директором о возмещении любых убытков, которые директор должен компенсировать третьим лицам в случае признания его ответственным за причинение ущерба при осуществлении своих полномочий[186]. Корпорация могла *по своему усмотрению* возместить директору или должностному лицу расходы, связанные с защитой в судебном процессе, и компенсировать расходы по возмещению третьим лицам убытков в случае привлечения директора или иного должностного лица к ответственности[187].

Параллельно с этим велись научные баталии в попытке разобраться, что же такое страхование ответственности директоров и менеджеров, к каким последствиям для директоров и компании в целом приводит его заключение и насколько оно действительно необходимо с учетом сложившейся кризисной ситуации. С одной стороны, страхование ответственности в той или иной мере гарантирует выплату присужденных компенсаций, которые без заключенного договора страхования не могли бы быть выплачены из-за нехватки денежных средств на покрытие столь значительных сумм. С другой, противники страхования ответственности видели в его распространении неблагоприятные последствия. Некоторые исследователи полагали, что частота заявленных исков как от имени корпорации, так и со стороны третьих лиц увеличится в связи с наличием «маятника надежды», связанного с возможностью полной компенсации от страхового возмещения. Другие считали, что договор страхования, покрывая ответственность администраторов, способствует принятию чрезмерных рисков в управлении и совершению на практике незаконных действий, то есть приводит к

[186] Ibid. P. 1307 — 1308.

[187] Некоторые штаты предусмотрели возможность закрепление во внутренних документах корпорации императивной обязанности возместить убытки директора, тем самым лишив корпорацию возможности отказать в возмещении. (См.: *Fairfax L.* Spare the Rod, Spoil the Director? Revitalizing Directors' Fiduciary Duty Through Legal Liability // Houston Law Review. 2005, № 42. P 414).

проблеме «морального риска» (*moral hazard*)[188]. Эта дискуссия вызвала неодобрение чрезмерной защиты страховым покрытием директоров и менеджеров[189].

Когда ситуация на рынке стабилизировалась, и у страховщиков возникла необходимость предоставить решительный ответ на опасения о пагубном эффекте заключения договора страхования ответственности директоров, страховые компании оптимизировали размер страховых премий, установили более низкие пороги франшиз и разработали целую систему исключений из покрытия договора страхования ответственности директоров, наличие которых обуславливало отказ страховщика выплачивать страховое возмещение. Стандартные правила страхования, а вслед за ними и страховые полисы начали предусматривать исключения убытков, возникающих в результате умышленных действий, убытков, заявленные другими застрахованными лицами в коллективном страховании (ситуация «застрахованный против застрахованного»), а также убытков из штрафов, возложенных на директоров регулирующими органами, то есть назначенные в административном порядке. По нашему мнению, сложно отрицать влияние той научной дискуссии, которая возникла во времена кризиса рынка страхования. Рискнем предположить, что без ситуации упадка страхования ответственности *D&O* в 80-е годы прошлого столетия в США, данный вид страхования, вся его специфика могли бы либо вовсе не возникнуть, либо иметь совершенно другие формы.

Очевидно и то, что после регулятивной интервенции и разрешения компаниям гарантировать директору возмещение, иначе говоря, после того как законы штатов разрешили включать в уставы корпораций положения об *indemnity*, страхование ответственности директоров уже не могло быть прежним. В связи с наличием новых законоположений появилась потребность страховать

[188] *Dahlan A. K.* The Environment for Directors' and Officers' Liability: From 2009 to Present. 2019. Bachelor Thesis. Appalachian State University. P. 8 — 9.

[189] Подробный разбор основных аргументов сторонников и противников введения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, анализ действия договора на стимулы директоров и воздействие на корпоративное управление осуществлен в третьей главе настоящей работы.

ответственность компании перед директором или должностным лицом, на случай если компания будет вынуждена компенсировать расходы, к выплате которых его обязало судебное решение и необходимость защищаться в данном процессе. В результате возникло две стороны покрытия: *A-side coverage* и *B-side coverage*. Покрытие *A-side* напрямую страхует ответственность и расходы директоров и должностных лиц, которые они несут в судебном процессе, компенсации ущерба, которые они обязаны выплатить в соответствии с решением суда или которые они обязуются уплатить по мировому соглашению, если те не возмещаются компанией. Покрытие *B-side* включает выплаты, произведенные компанией, покрывая ее расходы по возмещению потерь директоров и должностных лиц[190].

Впоследствии страхование ответственности директоров и должностных лиц было расширено введением третьей стороны покрытия — *C-side coverage)*, которое охватывает ответственность самой компании и предусматривает страховое возмещение ответственности корпорации. Введение данной опции было во многом связано с введением Закона о реформе судебного разбирательства в области частных ценных бумаг 1995 года, после чего претензии к директорам и должностным лицам, а также к самим компаниям увеличились. Ввиду этого необходимо было разработать новую сторону покрытия договора страхования ответственности директоров и должностных лиц. Поскольку страховые компании уже обладали опытом страхования *потерь* корпорации, было практически целесообразно страховать *ответственность* корпорации в рамках одного и того же страхового продукта. Покрытие стороны *C* также называется покрытием юридического лица или корпоративным покрытием.

История института страхования ответственности членов органов управления юридических лиц — это история не только рынка, на котором реализуется данный страховой продукт, но и летопись расширения его покрытия и появления исключений[191]. Изначально договор страхования ответственности директоров и менеджеров заключался непосредственно между членом органа управления

[190] Mansfield N. R., Gabel J. T. A., McCullough K. A., Fier S. G. Op. cit. P. 223.
[191] *Dobiac J.* Op. cit. P. 488.

юридическим лицом и страховщиком. С помощью данного договора директор намеревался покрыть риск, который он потенциально мог понести, чтобы компенсировать управляемой им компании причиненный ущерб. В своих собственных интересах директора передавали этот риск страховой компании, уплатив соответствующую страховую премию. В этой ранней версии договора страхования директор был и страхователем, и застрахованным лицом. Порой складывалась ситуация, что в одном и том же органе управления одной и той же компании были менеджеры с разными страховыми полисами (различным страховым покрытием, различной суммой уплаченной страховой премии и т.п.), заключившие договоры с разными страховщиками.

Постепенно компании начали оплачивать страхование своих директоров и менеджеров. Утвердилась точка зрения, что интересы директоров и менеджмента в страховании ответственности отвечают интересам компании, поскольку таким образом платежеспособность директоров и менеджеров будет обеспечена и лучше защищена в случае предъявления к ним требований о привлечении к ответственности за действия, связанные с осуществлением управления компанией. Интерес общества был ясен: какая польза от привлечения обществом менеджера к ответственности, если ему не хватило состояния, чтобы выплатить компенсацию? На втором этапе компании начали заключать контракты с одной страховой организацией, которая покрывала ответственность всех ее руководителей перед той же самой компанией. Таким образом, страхователь и застрахованный не являются совпадающими субъектами. Компания стала страхователем, а ее менеджеры были застрахованными лицами, выгодоприобретателями. Система была распространена на директоров и должностных лиц из той же группы компаний.

Изначально страхование ответственности директоров и менеджеров покрывало только один риск: риск компенсации убытков в случае привлечения к ответственности за ущерб, нанесенный действиями директора или иного должностного лица компании (риск привлечения к внутренней ответственности). Постепенно покрытие рисков расширяется и начинает распространяться на риски,

связанные с ответственностью директоров перед третьими лицами (риск привлечения к ответственности внешней). Таким образом покрытие договор страхования ответственности членов органов управления было распространено *экстенсивно* практически на любой случай привлечения директора или должностного лица к гражданской ответственности[192].

Помимо экстенсивного расширения покрытия данного вида страхования страхование также было *интенсивно* распространено на страхование судебных издержек. Суммы компенсации, заявленные в коллективных исках, как правило, являются значительными, а сам судебный процесс в США является крайне дорогостоящим. Это обуславливает чрезвычайно дороговизну защиты директоров и менеджеров в этих судебных процессах. Хотя риск привлечения к ответственности в США является небольшим и, как правило, судебный процесс заканчивается заключением мирового соглашения[193], директора и менеджеры вынуждены идти на уступки и заключать мировое соглашение зачастую на невыгодных условиях. В данных условиях возникает достаточно высокая вероятность, что директору или менеджеру будет недостаточно личных сбережений для финансирования спора. Покрытие рисков уплаты судебных

[192] На сегодняшний день практика судов Соединенный Штатов Америки довольно сильно размывает предмет данного страхового обязательства. Так, например, в деле *Education Affiliates Inc. v. Federal Insurance Co.* условие о том, что договор страхования ответственности директоров не является страхованием профессиональной ответственности (*professional service exclusion)*, на которое ссылался страховщик, отказывая в выплате страхового возмещения, было довольно узко истолковано судом Мэриленда. Суд указал, что «практика, общая для многих предприятий и не требующая специальных знаний» не является профессиональными услугами». Поэтому отказ страховщика, основанный на том, что предъявленный против директоров и должностных лиц компании по оказанию платных образовательных услуг иск в связи с осуществлением компанией ненадлежащей рекламы и маркетинга является, по существу, требованием, на которое не распространяется договора страхования директоров, был признан неправомерным, а иск страхователя был удовлетворен (См.: *Education Affiliates Inc. v. Federal Insurance Co.* № 15-CV-1624, 2016 WL 4059159 (D. Md. July 28, 2016). Также наблюдается тенденция размытия границ между предметом страхования ответственности директоров и так называемым «кибер-страховании», иначе говоря страхование на случай непредставления корпорацией отчетов о существенных нарушениях цифровой безопасности компании и кибер-угрозах (См. об этом подробнее: Recent Developments Affecting Professionals', Officers', and Directors' Liability Insurance / D. S. Strick, W. Billa, E. Blanchard, N. Hamblen, J. Kerman, K. Mikulaninec // Tort Trial and Insurance Practice Law Journal. 2017, № 2. P. 596 — 601).

[193] Та же самая ситуация характерна для рынка страхования ответственности директоров в Англии (См.: *Felsted A.* The Danger of Being an Executive in the UK // Financial Times. 2006. // URL: https://www.ft.com/content/2fc9618a-5d13-11db-9d15-0000779e2340).

расходов стало постепенно стало рассматриваться основной функцией данного страхования в американском праве. Страховщик прежде всего в рамках страхового возмещения выплачивает стоимость судебного разбирательства и, только в остальной части капитала, страховое возмещение в случае привлечения директора к ответственности при условии, что тогда не срабатывает одно из исключений, предусмотренных договором страхования ответственности *D&O*.

Поскольку страховщики несут расходы, связанные с возмещением судебных расходов, они также стали предоставлять услуги своих юристов для участия в защите застрахованного лица. Но в тоже время застрахованному директору не всегда интересны услуги представителя, которого выбирает страховая компания. Директор может предпочесть довериться иному юриста ввиду более высокой квалификацией последнего или по иным причинам. Поэтому впоследствии была разработана модель страхования ответственности, при котором застрахованное лицо должно просто согласовать кандидатуру представителя со страховой компанией.

Экстенсивное расширение страхового покрытия (включение риска привлечения к внешней ответственности) подразумевало изменение субъектного состава страхования ответственности директоров и менеджеров. Теперь в роли выгодоприобретателя по договору страхования директоров могла выступать не только компания, в которой работает директор или менеджер, но и любое третье лицо, личность которой ранее не была известна до заключения договора страхования ответственности, которому был причинен вред в процессе осуществления директором или менеджерами своих полномочий.

Дальнейшая история развития данного вида страхования — это географическое расширение, вызванное глобализацией. Глобализация расширила географическую сферу применения страхования ответственности членов органов управления в силу нескольких причин. В конце 90-х и начале 21-го века, череда корпоративных скандалов с участием американских компаний, таких как *Enron Corporation* и *WordCom*, стимулировали поиск страховщиков, предоставлявших возможность для заключения договора страхования гражданской-правовой

ответственности[194]. Сегодня страхование ответственности директоров и менеджеров является обычным явлением в компаниях с дисперсной системой капитала и в публично листингуемых компаниях. С одной стороны, американские компании начали осуществлять экспансию в Европе путем учреждения контролируемых компаний в юрисдикциях членов Европейского союза, что послужило логичным продолжением применения тех же методов корпоративного управления и распространением практики страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. С другой стороны, многие европейские компании начали выпускать акции на американских фондовых биржах через акционерные депозитарные расписки, тем самым подчиняясь федеральному законодательству о рынке ценных бумаг, главным образом принятому в 2002 г. закону Сарбейнса-Оксли (*Sarbanes-Oxley Act*)[195], который обязывал их заключать соглашения о страховании *D&O* для своих директоров и должностных лиц[196]. Постепенно унификация регулирования фондовых рынков привела к тому, что и европейские фондовые биржи стали требовать такого страхования от листинговых компаний. Страхование ответственности директоров постепенно стало известно большему числу юрисдикций — через Англию и Германию оно пришло в Европу благодаря такой прогрессивной интеграции соответствующих финансовых рынков[197]. Импульс к развитию данного вида страхования ответственности был настолько сильный, что в статье 233 английского Закона о компаниях 2006 года было специально предусмотрено, что достаточно широкий запрет предоставлять

---

[194] *Fier S., McCullough K., Gabel J., Mansfield N.* Probability Updating and the Market for Directors' and Officers' Insurance. 2012. P. 1—27. Установлено, что крупные корпоративные скандалы подразумевают значительные убытки, которые напрямую влияют на изменение страховых премий. Посредством эмпирического анализа исследователи обнаружили, что объем страхового покрытия, заключенного компаниями, увеличивался пропорционально вероятности привлечения к гражданской ответственности.

[195] Sarbanes-Oxley Act // LexisNexis

[196] Подр. об этом см.: *Mansfield N. R., Gabel J. T. A., McCullough K. A., Fier S. G.* Op. cit. P. 231 - 233; *Алейникова В. В.* Указ. соч. С. 130 — 132; *Голева Е. В.* Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России: сравнительный анализ. СПб, 2015. С. 3 — 10.

[197] *Панов А.* Какие уроки можно извлечь из истории эволюции страхования ответственности директоров // URL: www.vedomosti.ru/finance/analytics/2012/03/25/24946.

директору гарантии возмещения (*indemnity*) от компании не препятствует последней заключить договор страхования ответственности директора[198]. Страхование ответственности членов органов управления юридических лиц, таким образом, перестало быть почти исключительно североамериканским явлением и стало характерным для мировых рынков развитого капитализма. Кроме того, как и в Соединенных Штатах, спрос на данный вид страхования в других юрисдикциях формировался под воздействием давления огромного количества судебных тяжб и объема взысканных с директоров убытков.

Сегодня договор страхования ответственности директоров становится одним из самых интернациональных страховых продуктов, что обуславливает его унификацию и повсеместность заключения[199]. Так, в одной только Англии согласно обзору статистики количество обращений в страховые компании по поводу заключения и исполнения договоров страхования ответственности директоров юридических лиц количество обращений выросло с 200-300 по статистике 2005 — 2007 годов до 1300 на 2015 год.[200]

Несмотря на то, что в Российской Федерации страховые компании стали предлагать такой страховой продукт, договор страхования ответственности до определенной степени остается малоисследованным. Основной причиной появления потребности страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ в Российской Федерации обусловлено появлением такой формы защиты права акционеров как возможность заявления коллективного иска (статья 65.2 ГК РФ) и последовательной политикой законодателя по ужесточению

---

[198] Companies Act 2006, s. 233. Тем не менее простое упоминание договора страхования ответственности директоров не делает данный вид страхования полноценно урегулированным законом в английском праве. Как пишут D. Cabrelli и A. McAlpine, страхование ответственности директоров не имеет специального правового регулирования. В отношении него действуют общие положения страхового права, а в части им не противоречащей, принцип свободы договора (См.: *Cabrelli D., McAlpine A.* Op. cit. P. 714).

[199] *Merkin R.* Tort and Insurance: Some Insurance Law Perspectives // Professional Negligence. 2010. № 4. P. 5.

[200] *Martin I. P.* Professional and Management Liability Insurance Claims: Common Pitfalls for Unwary Policyholders. London, 2016. P. 4.

ответственности за нарушение обязанностей членов органов управления юридических лиц, что неоднократно отмечалось исследователями[201].

Это обусловило и несколько попыток закрепления обязанности по страхованию ответственности директоров хозяйственными обществами путем внесения изменений закон об ООО и закон об АО. Стоит отметить, что первый законопроект (проект Федерального закона № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ») был отклонен в 2010 году, второй законопроект в 2019 г. (проект Федерального закона № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ») постигла та же участь. Таким образом, на сегодняшний день присутствует лишь рекомендация заключать договор страхования ответственности членов органов управления *акционерными* обществами в Кодексе Корпоративного Управления 2014 года.

[201] *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Указ. соч. С. 30.

§2. Правовая природа обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц

По договору страхования ответственности единоличных исполнительных органов управления, коллегиальных исполнительных органов и коллегиальных органов управления юридических лиц страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении страхового случая, возместить выгодоприобретателю, понесенные убытки.

Страхование ответственности членов органов управления юридических лиц является добровольным, поскольку законом прямо не предусмотрено, что договор страхования ответственности *D&O* должен быть обязательно заключен (статья 927 ГК РФ)[202]. Более того в настоящее время специальное регулирование данного вида страхования в российских нормативных правовых актах отсутствует. Упоминание о договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц присутствует лишь в Кодексе корпоративного управления 2014 года[203]. Ранее возможность и рекомендация по заключению страхования ответственности членов органов управления была указана в Кодексе корпоративного поведения[204]. Известна также печальная судьба законопроекта, содержание которого предусматривало установление минимального регулирования данного вида

---

[202] Требование организатора торгов (например, биржи) по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц для размещения акций последних не является основанием для отнесения данного вида страхования к обязательному страхованию, поскольку категории «добровольное страхование» и «обязательное страхование» являются нормативно-закрепленными понятиями, определяемыми статьей 927 ГК РФ. Следование требованию биржи составляет в действительности лишь мотив заключения договора страхования ответственности, поскольку, во-первых, в область частной автономии страхователя входит решение вопроса размещать ли акции на той или иной бирже, а следовательно и вопрос заключения договора страхования; во-вторых, не все юридические лица представлены на биржах – правовое положение юридических лиц (в том числе публичных акционерных обществ) не требует обязательного размещения акций на бирже, их дееспособность ни в коем случае не ограничена требованием обязательного размещения акций на бирже, а, следовательно, и обязательностью заключения договора страхования ответственности членов их органов управления.

[203] Письмо Банка России «О кодексе корпоративного управления» от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463.

[204] Распоряжение Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг «О рекомендации к применению кодекса корпоративного поведения» от 4 апреля 2002 г. № 421/р.

страхования Законом об АО и Законом об ООО[205]. Данный законопроект был отклонен на этапе второго чтения. Впоследствии Министерство экономического развития РФ в рамках Экспертного совета по корпоративному управлению поставило задачу разработать институт страхования ответственности членов органов управления юридических лиц[206]. На момент написания настоящего исследования на этапе размещения текста и публичного обсуждения находится Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)»[207].

Согласно статье 927 ГК РФ существует два генеральных вида договоров страхования — договоры имущественного страхования и договоры личного страхования[208]. Страхование ответственности единоличных, коллегиальных органов управления юридических лиц относится к группе имущественного страхования (статья 929 ГК РФ). Поскольку главной задачей страхования ответственности является сохранение имущественной массы в виде компенсации понесенных убытков.

Разновидностями имущественного страхования являются: страхование предпринимательского риска, страхование имущества, страхование ответственности за причинение вреда, страхование договорной ответственности[209].

---

[205] Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)». URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=89526 (дата обращения: 07.04.2020))

[206] *Шиткина И. С., Буткова О. В.* Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019, № 1. С. 47.

[207] Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=89526 (дата обращения: 07.04.2020).

[208] *Митричев И. А.* Понятие имущественного страхования // Бизнес, Менеджмент и Право. 2007, № 2. С. 101 — 105.

[209] *Архипова А. Г.* Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации 2018, № 8. С. 65 — 87.

Для характеристики структуры обязательственного правоотношения из данного договора (страхового правоотношения) необходимо исчерпывающе описать его юридически-значимые элементы: объект и предмет обязательства, его содержание, субъектов обязательства[210]. Осуществить данную задачу применительно к обязательству из договора страхования представляется наиболее удобным, учитывая особенности данного договорного обязательства, т.е. выделив основные элементы содержания страхового обязательства — страховой интерес, страховой риск, срок покрытия (или срок действия договора страхования), страховой случай. Попутно необходимо решить более специальную проблему встраивания данного вида страхования в существующую в российском гражданском праве систему договоров страхования.

В предмет обязательства по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц входит:

1) страхование деликтной ответственности членов органов управления (единоличного исполнительного органа управления) юридических лиц и (или) самого юридического лица;

2) страхование финансовых рисков — расходов, понесенных в связи с предъявлением против члена органа управления юридических лиц (единоличного исполнительного органа управления) претензии и судебных расходов[211].

Сторонами обязательства из договора страхования ответственности директоров являются страховщик и страхователь. Выделяют также таких субъектов как застрахованное лицо и выгодоприобретатель.

---

[210] *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах. М., 2015. С. 50 — 75. Наиболее известным сторонником рассмотрения обязательства из договора страхования через категорию «страхового правоотношения» является В. И. Серебровский. (См.: *Серебровский В. И.* Очерки советского страхового права // Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 367 — 368).

[211] Необходимо подчеркнуть важность различения расходов, связанных с предъявлением претензий, и судебных расходов. Директор может претендовать на страховое возмещение его расходов, возникших как в рамках судебного процесса, так и вне его. (См.: *Mukwiri J.* Directors' and Officers' Insurance in the UK // European Business Law Review. 2017, № 28. P. 548).

Согласно пункту 1 статьи 6 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 № 4015-1[212] (далее — Закон об организации страхового дела) страховщики — это страховые организации и общества взаимного страхования, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления деятельности по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию и получившие лицензии на осуществление соответствующего вида страховой деятельности в установленном настоящим законом порядке. Таким образом, страховщиком выступает специальный субъект, имеющий лицензию на осуществление страховой и перестраховочной деятельности и соответствующий другим требованиям, которые предусмотрены законом.

На практике страховщиком выступают соответствующие специальным требованиям Закона об организации страхового дела коммерческие юридические лица. Как правило, они являются хозяйственными обществами: акционерными обществами или обществами с ограниченной ответственностью. Согласно обзору страхового рынка России по состоянию на 2018 г., лидирующие позиции на рынке страхования ответственности *D&O* занимают ООО СК «ВТБ Страхование», АО «Альфа- Страхование», АО «ВСК», ООО «СК КАРДИФ», АО «Группа Ренессанс Страхование»[213]. Мировой рынок страхования и, в частности, рынок страхования Англии и США представлен следующими лидирующими в отрасли компаниями-страховщиками (*insurers*): *Chubb, AIG, Lloyd's, Sun Alliance*[214].

Рассмотрим, кто является страхователем по договору страхования ответственности директоров. Согласно статье 5 Закона об организации страхового дела к страхователям причисляют юридические лица и дееспособных физических

---

[212] Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 N 4015-1 // Российская газета. 1993. № 6.

[213] Аналитический обзор «Страховой рынок России в 2018 году», подготовленный Национальным рейтинговым агентством // URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/Аналитический%20обзор-%20страховой%20рынок%20-2018.pdf (Дата обращения: 01.05.2020).

[214] *Gaber M.* The effect of D&O insurance on managerial risk taking // URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/en/publications/the-effect-of-dampo-insurance-on-managerial-risk-taking (Дата обращения: 03.05.2020).

лица, заключивших со страховщиками договоры страхования либо являющихся страхователями в силу закона. Согласно мировой практике, страхование ответственности членов органов управления хозяйственных обществ осуществляется прежде всего самой компанией[215]. В российском праве в целях преемственности, простоты и удобства конструкции данного страхового правоотношения следует определить страхователя как хозяйственное общество, то есть юридическое лицо, имеющее организационно-правовую форму акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью.

На целесообразность такого подхода указывает А. Г. Архипова, приводя несколько обоснований[216]. Во-первых, это организационное удобство, экономическая оправданность. Если на стороне застрахованных лиц наблюдается множественность, то именно обществу удобно заключить в отношении нескольких членов органов управления один или несколько договоров, тем самым оптимизировав транзакционные издержки, связанные с вступлением в переговоры со страховщиком по заключению, изменению или прекращению договора страхования. К тому же, в случае множественности на стороне застрахованных лиц довольно удобным для страховщика представляется заключение договора в отношении всех лиц, входящих в орган управления юридическим лицом. Во-вторых, хозяйственное общество обычно оплачивает страховую премию. Это обусловлено превышением финансовых активов общества над личным имуществом членов органов управления[217]. Очевидно, что именно хозяйственное общество, обладающее значительной имущественной самостоятельностью, может заплатить более высокую страховую премию, что позволит увеличить покрытие по договору страхования ответственности *D&O* (увеличить срок действия полиса,

---

[215] *Graz W. D.* Organhaftung und D&O — Versicherung. // URL: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-institute/Zivilrecht/Dokumente/Doralt/ZGR_Aufsatz_IVZ.pdf (Дата обращения: 15.05.2020). *Youngman I.* Directors' and Officers' Liability Insurance. New York, 1999. P. 205- 209.

[216] *Архипова А. Г.* Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть // Арбитражная практика. 2016, № 12. С. 76-83.

[217] *Baker T., Griffith S. J.* How the Merits matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. 2009, № 3. P. 755—832.

сумму страхового возмещения, увеличить дополнительный отчетный период и т.д.)[218].

Еще один аргумент в пользу конструкции договора страхования ответственности *D&O*, в которой страхователем является компания (корпорация), заключается в приобретении «независимости» от фигуры директора в вопросе действия договора страхования: даже при смене, выбытии какого-либо члена органа управления юридического лица, компания сохраняет возможность изменить или прекратить договор страхования ответственности сменившегося, выбывшего директора[219]. В немецкой литературе указывается, что несмотря на то, что сам договор фактически заключается членом исполнительного органа юридического лица, директор действует не в личном качестве, а выступает в интересах юридического лица, поэтому согласно немецкой доктрине страхователем в данном страховом правоотношении стоит признавать юридическое лицо[220].

В литературе отражены и иные подходы к определению круга страхователей по обязательству страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Так, В. В. Алейникова допускает признание в качестве страхователя не только юридическое лицо (хозяйственное общество), но и «физических лиц, действующих в качестве единоличного исполнительного органа (директора, генерального директора), либо коллегиального исполнительного органа, либо юридических лиц, действующих в качестве единоличного исполнительного органа» [221]. Данная позиция находит свое подтверждение в возможности существования у перечисленных лиц самостоятельного страхового интереса, поэтому, по существу, является правильной.

Рассмотрения хозяйственного общества в лице страхователя по российскому праву имеет определенные особенности. Правила о страховании договорной

---

[218] Как свидетельствует опыт страхового рынка Англии, страховые премии, уплачиваемые юридическим лицом страховщику при заключении договора страхования ответственности, не удерживаются из заработной платы страхуемых директоров (См.: *Cabrelli D., McAlpine A.* Op. cit. P. 714).

[219] *Harrington S. E., Danzon P. M.* The Economics of Liability Insurance // Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000. P. 277-314.

[220] *Sieg O.* D&O-Versicherung des Managers // De Gruyert.

[221] *Алейникова В. В.* Указ. соч. С. 206.

ответственности пункту 2 статьи 932 ГК РФ устанавливают запрет страхования ответственности третьих лиц. Страхователь в модели страхования договорной ответственности может застраховать риск только своей ответственности. Как отмечает А. Г. Архипова, данное требование законодателя представляется еще более «жёстким», чем допущение страхования договорной ответственности только в случае, установленном в законе[222]. На наш взгляд, запрет страхования ответственности третьих лиц является наиболее серьезным формальным доводом в разграничении страхования договорной и деликтной ответственности.

Вопрос разграничения страхования договорной и деликтной ответственности является одним из проблемных вопросов страхового права[223]. Согласно подпункту 2 пункта 2 статьи 929 ГК РФ договор имущественного страхования ответственности может быть застрахован риск гражданско-правовой ответственности как риск привлечения к ответственности за причинение вреда (статья 931 ГК РФ), так и к договорной ответственности (статья 932 ГК РФ).

Выделяют следующие отличия страхования договорной и деликтной ответственности.

1. В страховании ответственности за нарушение договора страхуется ответственность за нарушение обязательства перед конкретным лицом — контрагентом страхователя по гражданско-правовому договору. При страховании ответственности из причинения вреда страхуется ответственность деликвента перед неограниченным числом лиц, поскольку потерпевшим может стать любое лицо и определить его заранее невозможно.

2. В страховании деликтной ответственности в случае обязательного страхования допускается прямой иск потерпевшего к страховщику о возмещении причиненного вреда.

В страховании договорной ответственности подобное право выгодоприобретателя не предусмотрено.

---

[222] *Архипова А. Г.* Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть // Арбитражная практика. 2016. № 12. С. 79.

[223] *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право. Теоретические основы и практика применения. М., 2012. С. 420.

3. При страховании деликтной ответственности может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного указанного им лица - застрахованного лица.

При страховании договорной ответственности под угрозой ничтожности может быть застрахован риск ответственности только самого страхователя. Таким образом, при страховании договорной ответственности фигура застрахованного лица отсутствует.

4. Взыскание возмещения по договорам страхования договорной и деликтной ответственности подчиняется различным срокам исковой давности.

Так, срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, составляет три года (пункт 2 статьи 966 ГК РФ).

Срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования иного вида, в том числе страхования договорной ответственности, составляет два года (пункт 1 статьи 966 ГК РФ).

5. Долгое время различие между страхованием договорной и деликтной ответственности строилось вокруг *numer clausus* случаев, при которых допустимо страховать договорную ответственность (пункт 1 статьи 932 ГК РФ). Причиной введения такого нормы является попытка законодателя ограничить возможность страховой защиты интересов страхователей в связи с абсолютной потестативностью наступления риска. Данное правило послужило вдохновением для разработки различных теоретических способов обхода такого запрета[224]. Впоследствии суды поддержали доктринальную позицию о неосновательности данной нормы[225].

[224] *Толмачева О.* Договор страхования: спорные вопросы // Приложение к газете «Финансовая Россия». 1997. С.15.; *Лебединов А. П.* Вопросы страхования риска ответственности за нарушение договора // Юридическая и правовая работа в страховании. 2005. №4 С.117-121.

[225] См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 г. по делу № А43-27008/200839-731.

В настоящее время ошибочность такого правила, его абсолютно формалистское обоснование подтверждается в том числе подходом, изложенным в Концепции реформирования главы 48 ГК РФ, согласно которому рекомендуется отменить ограничение страхования договорной ответственности.[226]

Еще одним препятствием на пути к единообразному регулированию страхования договорной и деликтной ответственности является запрет страхования договорной ответственности третьих лиц (пункт 2 статьи 932 ГК РФ). Разработчики Концепции реформирования главы 48 ГК РФ отрицательно высказались по поводу и этого законоположения[227]. Тем не менее это правило до сих пор представляет собой определенный риск в возможности признания договора страхования ничтожным.

Три последних различия являются сугубо формальными. В сущности, различный срок исковой давности может выступать скорее следствием нежели различием страхования договорной и деликтной ответственности. Ю.Б. Фогельсон высказывал мнение о необходимости универсального регулировании страхования всех видов ответственности[228].

Тем не менее во многом из-за сохранения в действующем правопорядке формальных разграничений договора страхования договорной и деликтной ответственности, а также в связи с необходимостью юридической квалификации ответственности единоличных органов управления и членов органов коллективных органов управления для иных целей, проведенной ранее, мы не можем согласиться с тем, что «характер нарушенного права в настоящее время не является критерием разграничивающим договорную и деликтную ответственность»[229]. Необходимо помнить, что страхование ответственности вторично по отношению к самой ответственности. Страховой случай так или иначе характеризуется с позиции

---

[226] Концепция реформирования главы 48 ГК РФ. С. 55-58 // URL: http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/ (Дата обращения: 07.04.2020 г.).

[227] Концепция реформирования главы 48 ГК РФ.С. 58-61 // URL: http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/ (Дата обращения: 07.04.2020 г.)

[228] *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право. Теоретические основы и практика применения. М., 2012. С. 444.

[229] *Ножкина А. А.* Указ. соч. С. 112.

природы нарушенного права и последствий такого нарушения. Кроме того, страхование ответственности *D&O* в мировой практике не покрывает риск нарушения конкретных договорных обязательств с третьими лицами[230]. Таким образом, страховое правоотношения из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц представляет собой страхование деликтной ответственности, ведь именно она возлагается на директоров за нарушение обязанностей вести дела добросовестно или разумно, как было продемонстрировано в предыдущей главе[231].

Однако, учитывая комплексность предмета данного страхового правоотношения (страхование деликтной ответственности и страхование предпринимательского риска), запрет страхования предпринимательского риска может защищать только самого страхователя (статья 933 ГК РФ). Данная норма способна нарушить догматическую стройность предмета договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, поскольку тогда заключения договора страхования предпринимательских рисков в форме страхования рисков возникновения судебных расходов и иных убытков, вызванных предъявлением претензии или требования, будет делом рук самого члена органа управления юридическим лицом. В то время как договор страхования ответственности члена органа управления юридическим лицом будет заключаться от имени юридического лица, где член органа управления или единоличный исполнительный орган будет застрахованным лицом. По свидетельству А. Г. Архиповой: «В настоящее время обсуждается перспектива снятия этого ограничения. Если это предложение будет поддержано, станет возможным

---

[230] *Paolini A.* Lending Sub-Prime and Advising on Financial Investments from a D&O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5. P. 440.

[231] Хотя встречаются и иные точки зрения. Так, например, А. А. Макеева, являясь сторонником взглядов О. В. Гутникова об особой корпоративной ответственности директора, предлагает предусмотреть в нормативном правовом поле положения, «которые бы урегулировали возможность заключения не только договоров страхования деликтной или договорной ответственности, но и ответственности членов органов управления юридическим лицом, которая носит *специальный характер*» (См. подр.: *Макеева А. А.* Рецепция отдельных положений зарубежного корпоративного права для обеспечения баланса в регулировании ответственности директоров // Предпринимательское право. 2019, приложение № 2. С. 30 - 38).

страхование предпринимательского риска третьего лица (и в пользу третьего лица)»[232]. Лишь тогда комплексный характер страхового правоотношения по страхованию ответственности D&O не будет препятствовать его догматической интерпретации.

Обратимся к вопросу о том, кого принято рассматривать в качестве застрахованного лица в данном виде страхования ответственности**.** Застрахованным лицом в страховом правоотношении из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц может быть целый ряд субъектов. Во многом определение конкретного застрахованного лица зависит от типа покрытия, избираемого при заключении договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц[233].

Главным образом к застрахованным лицам можно отнести: а) единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент в акционерном обществе (статья 69 Закона об АО); директор, генеральный директор в обществе с ограниченной ответственностью (статья 40 Закона об ООО); б) члены коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) (статья 41 Закона об ООО, статья 70 Закона об АО), члены коллегиального органа управления (наблюдательного совета) публичного акционерного общества (пункт 3 статьи 97 ГК РФ) и непубличного акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью в случае закрепления функций коллегиального исполнительного органа или отказа от создания коллегиального исполнительного органа (пункт 3 статьи 66.3 ГК РФ); в) хозяйственное общество (акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью)[234].

---

[232] *Архипова А. Г.* Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018, № 8. С. 65 — 87.

[233] См. §3 настоящей главы.

[234] В деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» по договору застрахованным лицом являлось «любое физическое лицо (включая нерезидентов Российской Федерации), которое в любой момент до начала, на момент начала или в любой момент в течение периода страхования являлось или стало, в частности, директором, независимым директором, должностным лицом компании». (См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357).

Отдельным и не столь очевидным вопросом является возможность управляющей организации, управляющего хозяйственного общества (статья 69 Закона об АО, статья 42 Закона об ООО) выступить в качестве застрахованного лица. С одной стороны, кажется, что вопрос участия в управлении хозяйственным обществом физического или юридического лица по договору возмездного оказания услуг, заключаемого между обществом и управляющим (управляющей организацией) должен быть абсолютно не важен с позиций страхового права[235]. Однако представляется, что страхование управляющей компании является нецелесообразным из-за ряда экономических причин, транзакционных издержек, возникающих при заключении такого договора[236]. Стоит отметить, что американская и английская правовые традиции в этом вопросе не могут предоставить сколь бы то ни было ценного материала для анализа, поскольку в США корпоративное право практически всех штатов устанавливает, что только физические лица могут быть директорами корпораций. В Англии хотя исторически и допускалось осуществление функций директора юридическим лицом, с принятием новых законодательных актов в 2015 году был введен запрет управления компанией так называемыми «корпоративными директорами», иначе говоря управляющими компаниями[237].

В. В. Алейникова рассматривает возможным в рамках договора страхования ответственности *D&O* страховать интересы лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (пункт 3 статьи 53.1 ГК

---

[235] Гражданско-правовая ответственность управляющей компании, по мнению Д. И. Степанова и Ю. С. Михальчук, сама по себе также не имеет каких-либо специфических особенностей, отличающих ее от ответственности директора-гражданина. (См.: *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Указ. соч. С. 11).

[236] Подробное объяснение процесса по заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц приведено в §3 настоящей работы.

[237] *Bainbridge S. M.* Corporate Directors in the United Kingdom // William and Mary Law Review Online. 2017, № 11. P. 65. Тем не менее, наличие запрета на осуществление юридическим лицом функций органа управления другого юридического лица в корпоративном праве Англии и США не препятствует отдельным российским исследователям свободно экстраполировать содержание duty of loyalty и duty of care директоров юридических лиц на обязанности управляющей организации акционерного общества (См.: *Шикин С. А.* Основания привлечения к ответственности управляющего (управляющей организации) акционерного общества // Юрист. 2016, № 15. С. 41 — 46).

РФ)[238]. С одной стороны, для данного страхования имеется определенная потребность, и отсутствуют законодательные запреты по страхованию ответственности таких лиц. Но, с другой стороны, страхование такой ответственности может быть достаточно дорогостоящим в силу неопределенности лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица. Зарубежный аналог такого лица — теневой директор. Теневым директором можно стать как случайно, так и специальным образом. Поскольку в такой ситуации страховщики не смогут даже примерно рассчитать возможные риски на преддоговорной стадии, скорее всего сумма страховой премии, на которой будут настаивать страховые компании будет чрезвычайно высокой.

Теперь стоит рассмотреть, кто является выгодоприобретателем в обязательстве по страхованию ответственности директоров юридического лица. Как писал В.И. Серебровский, выгодоприобретатель — это лицо, которому страховщик обязан выплатить страховое вознаграждение[239]. При этом определение конкретного выгодоприобретателя зависит от типа покрытия, избираемого при заключении договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. В целом, выгодоприобретателями выступают застрахованное хозяйственное общество либо третьи лица (без права прямого требования к страховщику)[240]. Их ротация связана со статусом потерпевшего: в зависимости от того, кто является потерпевшим в основном правоотношении, меняется фигура выгодоприобретателя. В первом случае, то есть, когда обществу причинен ущерб, на лицо совпадение застрахованного лица и выгодоприобретателя. В части страхования предпринимательского риска в форме риска претерпевания судебных и иных расходов в связи с предъявлением претензии к члену органа управления хозяйственного общества выгодоприобретателем является сам член органа управления юридического лица. Цель выделения фигуры выгодоприобретателя в

[238] *Алейникова В. В.* Указ. соч. С. 207.
[239] *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 491.
[240] *Mukwiri J.* Op. cit. P. 550.

страховом правоотношении — это наделение его обязанностями, исполнения которых может требовать должник, даже если те же обязанности имеются на страхователе, но не выполнены им (пункт 2 статьи 939 ГК РФ). Ю. Б. Фогельсон отмечает, что выгодоприобретатель выделяется в качестве субъекта страхового правоотношения в целях «обеспечения интереса страхователя»[241]. Круг этих обязанностей также включает: уплату в порядке и в сроки установленные договором (пункт 1 статьи 954 ГК РФ), незамедлительное сообщение страховщику о ставших ему известными изменениях вероятности наступления страхового риска в период действия договора страхования (пункт 1 статьи 959 ГК РФ), немедленное уведомление о наступлении страхового случая (статья 961 ГК РФ), передачу всех документов и сведений, необходимых для осуществления страховщиком перешедшего к нему в порядке суброгации права требования (пункт 3 статьи 965 ГК РФ).

Особого внимания заслуживает вопрос множественности лиц в обязательстве из договора страхования ответственности директоров юридических лиц. Множественность лиц в страховом правоотношении может быть как на стороне страховщика, так и на стороне на стороне застрахованного лица.

В мировой практике договор страхования ответственности членов органов управления юридических лиц заключается обычно не с одной, а с несколькими компаниями[242]. Ввиду существования значительных рисков при управлении компанией у застрахованного лица, страховщики не хотят покрывать весь объем рисков. Страховщики предпочитают диверсифицировать риски в рамках D&O, дабы понизить вероятность наступления выплаты чрезмерного страхового возмещения[243]. Кроме того, для страхователя-компании заключение единого договора, покрывающего весь объем рисков, возникающих у застрахованного лица, будет затратным, ведь у страховщика присутствует совершенно противоположный

[241] *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право. Теоретические основы и практика применения. М., 2012. С. 422.
[242] *Dobiac J.* Op. cit. P. 493.
[243] *Gaber M.* The effect of D&O insurance on managerial risk taking // URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/en/publications/the-effect-of-dampo-insurance-on-managerial-risk-taking. (Дата обращения: 03.05.2020).

стимул по диверсификации рисков в собственном пуле. Таким образом, мировая тенденция свидетельствует о практике заключения страхователем нескольких договоров страхования директоров с разными страховыми компаниями, то есть наблюдается существование множественности лиц на стороне страховщика. Такой «страховой щит» может перекрыть все возникшие убытки в результате несения судебных расходов и привлечение члена органа управления юридического лица к ответственности[244].

В литературе такую структуру страхового правоотношения, страховой пакет, включающий множество страховых компаний, иллюстрируют термином «башня страховщиков» (*"tower of insurers")*[245]. Немаловажным для описания структуры страхового правоотношения *D&O* представляется описать взаимоотношения между страховщиками, то есть описать отношения «внутри башни». Дело в том, что при множестве лиц на стороне страховщика возникают некоторые вопросы по поводу исполнения страхователем (выгодоприобретателем) своих обязанностей и осуществлением некоторых прав, признаваемых за страховщиком по договору страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Например, исполнение информационных обязанностей страхователя (выгодоприобретателя) таких, как незамедлительное сообщение страховщику о ставших ему известным изменениях вероятности наступления страхового риска в период действия договора страхования (пункт 1 статьи 959 ГК РФ), немедленное уведомление о наступлении страхового случая (статья 961 ГК РФ), передачу всех документов и сведений, необходимых для осуществления страховщиком перешедшего к нему в порядке суброгации права требования (пункт 3 статьи 965 ГК РФ). Кому должно быть адресовано исполнение всех указанных обязанностей? Действительно ли необходимо в каждом конкретном случае уведомлять всех страховщиков? Какой именно страховщик должен участвовать в переговорах или

[244] *Ghalleb N.* Managerial Opportunism and Directors' and Officers' Liability Insurance // URL: http://biblos.hec.ca/biblio/theses/002147.PDF (Дата обращения: 04.05.2020)
[245] *Baker T., Griffith S. J.* Predicting Corporate Governance Risk: Evidence from the Directors' and Officers' Liability Insurance Market // The University of Chicago Law Review, 2007, № 2. P. 489-495.

одобрять проект мирового соглашения между действующими в интересах юридического лица акционерами и директором? Какой страховщик должен одобрять кандидатуру представителя застрахованного лица в судебном процессе?

Ответы на данные вопросы зависят в том числе от моделей страхового возмещения при двойном страховании. Как правило выделяют две модели страхового возмещения: "*pro rata distribution*" (пропорциональную систему погашения требований) и "*first claim distribution*" (погашение по первому требованию)[246]. Их существование объясняется запретом неосновательного обогащения, которое может возникнуть, когда один страховщик предоставляет страховое возмещение в размере всей суммы убытков, не зная или игнорируя существование страхового полиса, заключенного с другой страховой организацией. Тем самым последняя страховая организация неосновательно обогащается за счет получения страховой премии и неуплатой или недостаточной уплатой страхового возмещения. Континентальному страховому праву, в том числе и российскому, присущ первый подход — *"pro rata distribution"*. Согласно пункту 4 статьи 951 ГК РФ в случае двойного страхования, то есть когда страховая сумма превысила страховую стоимость в результате страхования одного и того же объекта у двух или нескольких страховщиков, сумма страхового возмещения, подлежащая выплате каждым из страховщиков, сокращается пропорционально уменьшению первоначальной страховой суммы по соответствующему договору страхования. Согласно распространённой в английском и американском страховом праве модели "*first come first served*" первичный страховщик является первично ответственным за возмещение расходов в рамках полиса. Лишь после того, как он выплатит страховое возмещение, наступает очередь следующего страховщика по уплате своих обязательств. Когда порог первого по очередности страхового полиса достигнут, а убытки не покрываются полностью, следующий страховщик будет

[246] *Bishop J. W.* Op. cit. P. 103—114.

выплачивать страховое возмещения в сумме установленных убытков в пределах покрытия выданного им страхового полиса[247].

Первую в ряду страховщиков страховую компанию называют «лидирующим» страховщиком, она формирует основание башни страховщиков. Страховщики свободны в оформлении структуры отношений между собой. Однако на практике сложились два подхода к оформлению их отношений: а) модель аналогичная простому товариществу, б) оставление за первичным страховщиком его «лидирующей» позиции. Очевидно, что последняя модель может создать значительные затруднения на практике. Если выбор представителя и его одобрения с точки зрения платы по оказанию юридических услуг, согласие на утверждение мирового соглашения и суммы возмещения по нему будут зависеть от решения одного единственного страховщика — это будет как минимум несправедливо по отношению к другим страховым компаниям, которых возможно не устроит принятое страхователем и одобренное лидирующим страховщиком решение. Вторая модель позволяет устранить указанные недостатки. Если между страховыми компаниями будет осуществляться взаимодействие с заключением договора простого товарищества или без его заключения на основе имеющейся информации об иных договорах страхования ответственности[248], то страховщики могут решать вопросы, касающиеся одобрения действий страхователя (выгодоприобретателя) по назначению представителя, заключению мирового соглашения и т.п. совместно. При этом лидирующему страховщику может быть предоставлена специальная роль по осуществлению посредничества между страховщиками и страхователем (выгодоприобретателем). На практике данная модель активно используется. Именно поэтому лидирующий страховщик требует

---

[247] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. C., 2017 // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.05.2020)

[248] Страховщику как правило известен факт наличия иных договоров страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Страховые компании предусматривают вопрос о существовании у потенциального контрагента иных уже заключенных договоров страхования ответственности в опроснике предъявляемым к заполнению при заключении договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц.

большую страховую премию, поскольку берет на себя функции посредника между группой страховщиков и страхователем[249]. Такое посредничество выгодно и удобно самому страхователю: вместо того, чтобы осуществлять информационные обязанности по отношению ко всем страховым компаниям, страхователю достаточно уведомить одного лидирующего страховщика, который затем уведомит все остальные страховые организации. Роль посредника, отвечающего за взаимодействие между страхователем и страховщиками, часто отводится брокеру, либо страховщику, предоставившему наибольший объем страхового покрытия[250].

Структура отношений между страховщиками схожа со взаимоотношениями кредиторов, участников «синдиката», в договоре синдицированного кредита[251]. Главной целью принятия закона о синдицированном кредите является попытка обойти положение о солидарной ответственности товарищей в договоре простого товарищества[252].

В силу существующей системы *"pro rata distribution"* двойного страхования в российском страховом праве, введение ровно противоположной системы и закрепление всех следующих из нее возможностей структурирования отношений между страховыми компаниями не представляется возможным. Однако допускается возможность выделения посреднической роли первичного, лидирующего страховщика по аналогии с кредитным управляющим (агентом по финансированию) во взаимодействии между страхователем и страховщиками, т.е. в возложении на лидирующего страховщика посреднических обязанностей. Возложение обязанностей как представляется не должно быть императивным, скорее это могла бы быть дополнительная услуга, предоставляемая страховой компанией и оформляемая при заключении или изменении договора страхования

---

[249] *Paolini A.* Lending Sub-Prime and Advising on Financial Investments from a D&O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5. P. 8.

[250] *Baker T. Griffith S. J.* Ensuring Corporate Misconduct. Chicago, 2010. P. 53.

[251] Федеральный закон "О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31 декабря 2017 года № 486-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1. Ст. 70.

[252] Синдицированные кредиты — движение вперед // URL: https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2018/march/7/syndicated-loans-march-ahead. (Дата обращения: 07.04.2020)

ответственности членов органов управления юридических лиц. При этом необходимо учитывать, что возможность предоставления такой услуги оправдает себя только при развитом рынке страхования ответственности *D&O,* то есть при значительной диверсификации риска между страховыми компаниями, заключением нескольких договоров страхования с несколькими страховщиками. Лишь при превышении транзакционных издержек на заключение отдельных договоров с несколькими страховыми организациями будет оправданным возможность страхователя информировать все страховые организации. В отсутствие повышенных издержек, связанных с заключением отдельных договоров, не оправдано будет уплачивать повышенную страховую премию лидирующему страховщику с учетом включенной в нее стоимости оказываемой им услуги.

Множественность лиц может существовать и на стороне застрахованного. Она может возникать в следующий случаях: а) в случае «купольного» страхования членов коллективного органов управления юридического лица (*board cover*); б) при страховании членов органов управления группы юридических лиц (группы компаний, холдингов) (групповое страхование или страхование ответственности членов органов управления группы юридических лиц).

Групповое страхование или страхование ответственности членов органов управления группы юридических лиц обычно принимает следующую форму. Материнская компания заключает договор страхования ответственности членов своих органов управления и одновременно членов органов управления дочерних компаний. Обычно страховое покрытие дифференцируется. Например, в договоре страхования ответственности *D&O* предусматривается страховое возмещение в размере от 1 - 5 млн. фунтов на покрытие рисков привлечения к ответственности директоров основной компании, а на покрытие рисков привлечения к ответственности членов органов управления дочерних юридических лиц — от 250000 фунтов - 1 млн фунтов. Критически важными данными, которые страхователь должен сообщить страховой организации — это количество дочерних

компаний, степень участия материнской компании в капитале дочерних компаний, место инкорпорации дочерних компаний и место основного осуществления их деятельности (например, риск предъявления требований значительно возрастает, если дочерняя компания зарегистрирована в США), структура акционерного капитала (присутствие миноритариев или владение акциями в равном процентном соотношении создает больший риск предъявления требований)[253].

При этом ошибочно усматривать постоянно присущую договору страхования ответственности *D&O* множественность лиц на стороне застрахованного, основываясь исключительно на том, что договором страхования ответственности единоличного исполнительного органа управления юридического лица фактически страхуется не конкретное лицо, а *должность* члена органа управления юридического лица. Пока действует срок договора страхования ответственности единоличного исполнительного органа управления хозяйственного общества, любое лицо, занимающее должность единоличного исполнительного органа в этот период, потенциально может считаться *a priori* застрахованным. Например, если акционерным обществом был заключен договор страхования ответственности единоличного исполнительного органа с «покрытием *A*», и на момент заключения договора функцию единоличного исполнительного органа управления осуществлял директор *X*, то при прекращении осуществлении полномочий директором *X* пришедший ему на смену директор *Y* считается застрахованным. Однако необходимо напомнить, что на страхователе (выгодоприобретателе) лежит обязанность незамедлительного уведомления страховщика о ставших ему известными изменениях вероятности наступления страхового риска в период действия договора страхования (пункт 1 статьи 959 ГК РФ). Таким образом, новый выгодоприобретатель, действуя от имени не изменившегося страхователя (хозяйственного общества), должен сообщить страховщику об изменениях в составе органов управления юридического лица, чей риск ответственности застрахован, в связи с тем, что потенциально риск мог измениться — возрасти или

[253] Bishop J. W. Op. cit. P. 105-107.

уменьшиться, что может служить поводом для изменения или расторжения договора страхования ответственности *D&O*. Страховщик вправе, получив и проанализировав данные от выгодоприобретателя, либо предложить изменить договор страхования ответственности, либо оставить его в том же объеме страхового покрытия, либо настаивать на прекращении договора. Даже если условия страхования по итогу будут изменены, будут считаться застрахованными (возможно с различными условиями о страховом возмещении) как действующие, так и бывшие (но не выбывшие) члены органов управления юридических лиц.

Также, на наш взгляд, ошибочно считать договор страхования ответственности членов органов управления юридических лиц усложненным множественностью лиц на стороне страхователя (выгодоприобретателя) в ситуации, когда договор предусматривает несколько сторон покрытий, например, покрытие *A* и покрытие *B*[254].

Множественность лиц на стороне выгодоприобретателя создает проблему распределения суммы страхового возмещения. Эта ситуация становится особенно актуальной при недостатке суммы страхового возмещения. Представим гипотетический пример, что по договору страхования ответственности членов органов управления юридических лиц с «купольным» покрытием *A* (*board cover*) застрахован риск привлечения к ответственности членов коллективного органа управления акционерного общества и риск привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа. Всего в коллегиальном органе исполнения управления акционерного общества состоит 9 директоров. Страховой случай наступил, решением суда было установлено нарушение обязанности разумности поведения при ведении дел всеми девяти директорами. Весь состав коллективного органа управления акционерного общества был привлечен к гражданско-правовой ответственности. Однако для покрытия всей суммы убытков, к компенсации которых были присуждены директора, суммы страхового возмещения недостаточно. В литературе выделяются три возможных варианта распределения суммы страхового возмещения:

[254] Более подробно типы покрытий рассматриваются в следующем параграфе.

1) глобальный полис на всех членов органов управления юридических лиц, при котором сумма страхового возмещения распределяется как между коллективным органом управления хозяйственного общества и исполнительным органом управления юридического лица;

2) модель двух застрахованных башен (*two insured towers*) при которой сумма страхового возмещения поделена и лимитирована в том или ином процентном соотношении между коллективным органом управления юридического лица и исполнительным органом управления юридического лица;

3) модель двух застрахованных башен с лимитированной суммой страхования для отдельных членов органов юридического лица[255].

Безусловно, наиболее детализированной и надежной моделью страхования ответственности членов органов управления юридических лиц является последняя модель.

В зарубежном праве немаловажно применительно к каждой из указанных моделей разделять несколько ситуации: а) при привлечении одного члена коллегиального исполнительного органа к ответственности страховое возмещение выплачивается в пропорции к числу остальных членов коллективного органа юридического лица, т.е. оставляя в равной степени страховое возмещение для каждого директора; б) при привлечении одного члена коллегиального исполнительного органа страховое возмещение выплачивается полностью несмотря на заключение договора страхования ответственности в отношении всех членов коллегиального исполнительного органа, оставляя непричастных к нарушению директоров с оставшейся суммой возмещения; в) при привлечении одного члена коллегиального исполнительного органа к ответственности сумма страховой выплаты зависит от иных факторов и условий, например, от размера причиненных виновным директором убытков и т.д. Применительно к российскому праву подобная дифференциация не является столь острой необходимостью, так

[255] *Berliner B.* Large Risks and Limits of Insurability // The Geneva Papers on Risk and Insurance. 1985, №10. P. 317—320.

как пунктом 4 статьи 44 Закона об ООО и пунктом 4 статьи 71 Законом об АО установлено, что ответственность виновных в причинении убытков, является солидарной[256]. Директора нельзя привлечь к ответственности согласно пункту 2 статьи 44 ФЗ об ООО и абзацу 3 пункта 2 статьи 71 ФЗ об АО только в случае, если он голосовал против решения, которое повлекло причинение обществу убытков, либо если он не принимал участие в голосовании.

Необходимо учитывать проблему распределения суммы страхового возмещения и предусмотреть соответствующие условия в договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц при его заключении.

Отдельным вопросом, заслуживающим тщательного анализа, является определение страхового интереса в обязательстве из договора страхования ответственности директоров. Проблемы интереса в гражданском праве касались многие исследователи и ученые[257]. Категория интереса в целом имеет философское происхождение. Поэтому существует множество не исключающих друг друга теорий философского осмысления, конструирования категории интереса для достижения определенной истины и объяснения явлений социальной жизни[258].

Для страхового права *страховой* интерес имеет специальное, особое значение. Именно страховой интерес является объектом страхового правоотношения[259]. В. И. Серебровский обосновал свою позицию тем, что

---

[256] Тем не менее общая проблема теории солидаритета связанная с признанием одного из солидарных должников несостоятельным (банкротом) может быть крайне ярко проиллюстрирована примером из подобных ситуаций при исполнении обязательства из договора страхования ответственности директоров. (См. об этом подр.: *Тололаева Н. В*. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 90).

[257] Обзор основных позиций см.: *Михайлов С. В.* Категория интереса в Российском гражданском праве. М., 2002.

[258] Анализ ключевых философских позиции страхового интереса см.: *Абрамов В.Ю.* Страховой интерес как разновидность категории интереса в гражданском праве // Юридическая и правовая работа в страховании. 2006. №1. С. 79 — 82.

[259] *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 367. В этом смысле Арбитражный суд в деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» допустил теоретическую неточность, назвав объектом страхового обязательства страховой риск. Такое неверное отождествления страхового риска противоречит и норме права: ст. 4 Закона об организации страхового дела следует традиционной терминологии «интерес — объект». В то время как п. 1 ст. 9 Закона об организации страхового дела страховой устанавливает, что риск —

страховщик не принимает на себя обязанность восстановить вещь, пострадавшую от страхового случая, а возместить убытки, которые возникли у страхователя. Аналогичного мнения придерживаются В. Ю. Абрамов[260], В. С. Белых и И. В. Кривошеев[261], М. И. Брагинский[262], В. Р. Идельсон[263], В. А. Мусин[264], Д. А. Савкин[265], К. Е. Турбина[266], А. И. Худяков[267], М. Я. Шиминова[268], А. К. Шихов[269] и др. Существует и альтернативное понимание страхового интереса[270].

Ю. Б. Фогельсон характеризует страховой интерес как «оборотную сторону вреда до его причинения» и выделяет три свойства страхового интереса: его имущественный характер, принадлежность частному лицу, правомерность интереса. По сути «оборотная сторона вреда до его причинения» конституирует понятие страхового риска. Согласно пункту 1 статьи 9 Закона об организации страхового дела страховой риск — это предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. В страховом правоотношении из договора страхования ответственности членов органов управления юридических

это предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование (См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357).

[260] *Абрамов В. Ю.* Существенные признаки страхового интереса // Юридическая и правовая работа в страховании. 2006, № 2. С. 46 — 59.

[261] *Белых В. С., Кривошеев И. В.* Страховое право. М., 2001. С. 77.

[262] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2008. С. 552.

[263] *Идельсон В. Р.* Страховое право. М., 1992. С. 28.

[264] *Мусин В. А.* Сущность и предмет морского страхования по советскому и иностранному праву. Л., 1971. С. 32 — 33.

[265] *Савкин Д. В.* Страховое правоотношение по российскому гражданскому праву: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 64.

[266] *Турбина К. Е.* Теория и практика страхования. М., 2003. С. 50.

[267] *Худяков А. И.* Теория страхования. М., 2010. С. 185.

[268] *Шиминова М. Я.* Основы страхового права России. М., 1993. С. 29.

[269] *Шихов А. К.* Страховое право. М., 2003. С. 76.

[270] *Дедиков С.* Функциональная теория страхового интереса // ЭЖ-Юрист. 2010, № 10. С. 10 - 12. «В имущественном страховании страховой интерес определяется в своем наличии и размере *in concreto* и входит в самое содержание страхового обязательства как его непременная «каузальная" основа» (*Райхер В. К.* Общественно-исторические типы страхования. М., 1947. С. 217). К. А. Граве и Л. А. Лунц указывали: «Страховой интерес как предпосылка возникновения и существования страховового правоотношения» (*Граве К. А., Лунц Л. А.* Страхование. М., 1960. С. 38). «Страховой интерес как необходимое условие заключения действительного имущественного страхования» (*Белых В. С., Кривошеев И. В.* Страховое право. М., 2001. С. 79).

лиц страховой интерес присущ прежде всего сами членам органов управления юридических лиц при страховании *side-A coverage*.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос наличия страхового интереса у юридического лица. На первый взгляд, при страховании *side-B coverage* и *side-C coverage* хозяйственное общество действительно обладает страховым интерес. В первом случае юридическое лицо заключает договор страхования на случай возмещение потерь директору в случае подачи против него искового заявления и возможного привлечения к ответственности. В случае со страхованием *D&O* с покрытием *C* ответ на вопрос кажется куда более простым: при *entity cover* юридическое лицо страхует собственную юридическую ответственность[271].

Однако с точки зрения корпоративного права наличие у корпорации самостоятельного юридического интереса не является безусловно устоявшейся позицией. Так, по мнению Д. И. Степанова интересы юридического лица являются «не более чем риторической уловкой». По мнению исследователя, практическое значение интересов юридического лица заключается в ответе на единственный ключевой вопрос: «допустима ли в принципе защита того или иного интереса конкретного участника юридического лица»[272].

Тем не менее, по нашему мнению, изучение интересов участников юридического лица в более узком значении, чем интересы юридического лица в целом полезно с точки зрения корпоративного управления. Поскольку один из признаков страхового интереса является принадлежность частному лицу, а не принадлежность неопределенному, неустойчивому кругу лиц, для целей

---

[271] *Youngman I.* Directors' and Officers' Liability Insurance. New York, 1999. P. 20.

[272] *Степанов Д. И.* Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия. 2015, № 1. С. 30 — 31. В современной судебной практике встречаются попытки определить, что составляет интерес юридического лица. Так, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июня 2020 г. № А27-4513/2019 указывается, что «интерес юридического лица, который обеспечивается защитой субъективного права, в *данном случае производен* от интересов его участников (акционеров), так как интересы общества *не просто неразрывно* связаны с интересами участников (акционеров), они *предопределяются* ими, и, следовательно, удовлетворение интересов общества обеспечивает удовлетворение интереса его участников». Данным пассажем окружной суд обосновывал наличие у акционерного общества права на иск, который был заявлен его акционером от имени общества.

страхового права принадлежность интереса юридическому лицу в покрытии *B* и *C*, является достаточным.[273]

Страховой интерес может не присутствовать на момент заключения договора страхования ответственности[274]. Главное, чтобы страховой интерес присутствовал на момент возникновения ущерба[275].

Страховой интерес должен быть правомерным (статья 928 ГК РФ). предусматривает, что страхование противоправных интересов не допускается. Отсюда, при буквальном толковании можно прийти к выводу о том, что любая ответственность не может быть застрахована. Однако это не так. Не допускается страхование: 1) уголовной, административной, дисциплинарной ответственности[276]; 2) риск наступления ответственности за умышленно совершенное деяние не может составлять обратную сторону страхового интереса — интерес в данном случае неправомерен[277]. Таким образом, риск привлечения к ответственности директора на основании нарушения обязанности добросовестности не поддается страхованию. Безусловно, страховое возмещения в рамках договора страхования ответственности не может компенсировать, те меры уголовного и административного характера, которые применяются к правонарушителю. Однако действия, в связи с совершением которых лицо (выгодоприобретатель) было привлечено к административной или уголовной ответственности, могут привести также к нарушению обязательств по отношению к третьим лицам и, как следствие, к возникновению гражданско-правовой ответственности, которая в свою очередь наступает не перед государством, а перед третьими лицами, и может быть застрахована в их пользу. Аналогичное правило закреплено в праве Англии и США: не может быть застрахован риск, возникший в

[273] *Paolini A.* Corporate and Insurance Law // The Dieselgate / ed. by M. F. D. Rattalma. Heidelberg, 2017. P. 123.
[274] *Outreville F. J.* Theory and practice of insurance. New York, 1998. P. 138
[275] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York. 2017 // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/26!/4/2/4@0:0 (Дата обращения: 12.07.2020).
[276] *Brown Jenkinson & Co Ltd v Percy Dalton (London) Ltd* [1957] 2 QB 621, CA.
[277] *West Wake Price & Co v. Ching* [1957] 1 WLR 45; [1956] 3 All ER 821.

результате злонамеренного (*malicious*), мошеннического (*fraudulent)* или умышленного действия (*deliberate)*[278]. Объяснение такого запрета изначально основывалось на том, что английский суд не может позволить осуществить права страхователя по требованию страхового возмещения в случае совершения последним незаконного действия при таком характере незаконности, что «совесть суда была бы оскорблена, если бы было бы разрешено страхователю осуществить его право требования»[279]. Начиная с 1990-х, выплата страхового возмещение запрещена только если существует причинно-следственная связь между незаконностью и требованием, и незаконность морально предосудительна[280]. Таким образом, запрет исполнения страхования ответственности при осуществлении застрахованным незаконных действий связан с некоторым публичным элементом — «оскорблением совести суда».

Для более глубокого понимания установленного в английском праве запрета страхования ответственности на случай совершения неправомерного действия обратимся к делу, рассмотренному в 2009 году Палатой лордов *Stone & Rolls Ltd v Moore Stephens*[281]. В этом решении Палата лордов большинством придерживалась позиции, что аудиторы компании одного лица не нарушили свои обязанности проявлять осторожность, не обнаружив мошенничества, совершенного ее директором-участником. Главный вопрос касался эффективного использования возражения *ex turpi causa non oritur actio*[282] для отказа в удовлетворении иска, предъявленного ликвидатором от имени компании против ее аудиторов. Умысел, который следовал за нарушением обязанности добросовестности, единственного директора компании был присвоен компании, которая не могла предъявить иск

[278] *Paolini A.* Lending Sub-prime and Advising on Financial Instruments from a D & O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5. P. 6.
[279] *Merkin R.* Tort and Insurance: Some Insurance Law Perspectives // Professional Negligence. 2010, № 4. P.11
[280] *Tinsley v Milligan* [1993] 3 All ER 65.
[281] *Stone & Rolls Ltd (In Liquidation) v Moore Stephens* (A Firm) [2009] 2 B.C.L.C. 563 HL.
[282] Принцип, в соответствии с которым суд может отказать в удовлетворении требования, основанного на незаконном или аморальном поведении самого истца. (См.: *Law J., Martin E. A.* A Dictionary of Law. Oxford. 2014. // URL: https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199551248.001.0001/acref-9780199551248 (Дата обращения: 12.09.2020)).

своим аудиторам за то, что они не обнаружили мошенничества, которое сама компания совершила через свой контролирующий орган. От аудиторов нельзя требовать обнаружения мошенничества директора, если последний сам является не только нарушителем, но и единственным лицом, которое может предоставить аудиторам информацию о финансовой отчетности. Данное решение Палаты лордов оценивается английскими исследователями договора страхования ответственности директоров как еще одно основание, на которое можно ссылаться для отказа в выплате страхового возмещения, если действия или бездействия директора были признаны явно неправомерными[283].

Запрет возмещения страховой компанией штрафов в пользу государства и аналогичных санкций обусловлен иной функцией ответственности в уголовном и административном праве, отличающейся от компенсаторного характера гражданско-правовой ответственности[284]. В данном аспекте интересен факт, что страхование штрафных убытков (punitive damages) в США допускается[285], хотя их главная функция штрафная, а не компенсаторная[286]. Таким образом, существует вероятность, что требование о возмещении убытков, вызванное сговором, мошенничеством и любые другие формы умышленного деяния может быть удовлетворено судом, но, по сути, будет неисполняемым, если у ответчика нет личных ресурсов для выплаты компенсации. Стоит отметить, что освобождение от уплаты страхового возмещения при мошенничества подпадает под действие окончательной оговорки наступления страхового случая. Пока акт мошенничества не будет окончательно установлен в ходе судебного разбирательства, пока суд не вынесет окончательное судебное решение страховщик будет покрывать все судебные издержки.

---

[283] *Paolini A.* Op. cit. P. 438.

[284] О различных функциях деликтной ответственности см., в частности: *Малеин Н. С. Шиминова М. Я.* Эффективность предупреждения правонарушений, возникающих из причинения вреда // Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на научной конференции. М., 1971. С. 54 — 60.

[285] *Lorenzo L. D., Spibey P.* Take Cover! Insolvency Claims and D&O Cover // Corporate Rescue and Insolvency. London, 2016. P. 132.

[286] Равно как и в Англии разрешено страховать риск возмещения *exemplary damages*. (См., напр.: *Lancashire CC v Municipal Mutual Ins. Ltd* [1995] LRLR 293).

Именно на основании неправомерности совершенного директором действия суд в деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» пришел к выводу, что иск не подлежит удовлетворению[287]. Данное решение Арбитражного суда города Москвы является в определенном смысле знаменательным, поскольку выступает одним из немногих решений российских судов, связанных со спором о выплате страхового возмещения по договору страхования ответственности директоров[288].

Как следует из обстоятельств дела, в 2015 году акционерное общество «АльфаСтрахование» застраховало ответственность директоров и должностных лиц общество с ограниченной ответственностью «ВЛС ИНВЕСТ». Согласно условиям заключенного договора страхования «страхование не распространяется на незаконное получение директором выгоды и совершение мошеннического действия».

ООО «ВЛС ИНВЕСТ» в качестве заемщика заключало договоры займа с физическими лицами под значительные проценты (12-40% годовых), обнадеживая контрагентов тем, что у общества есть договор страхования ответственности *D&O*. После систематического проведения таких финансовых операций, все денежные средства были выведены, общество было признано несостоятельным (банкротом), началась конкурсная процедура. В отношении директора возбудили уголовное дело по п. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. С застрахованного директора взыскали убытки, но он их не погасил. Конкурсный управляющий решила погасить требования кредиторов за счет страхового возмещения и обратился с иском в суд.

Суд применил положения пунктов 1, 4 статьи 928 ГК РФ, а также сослался на условия договора об исключении страхования в случае получения застрахованным лицом любого дохода или финансовой выгоды, на которые такое

[287] Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357.

[288] В Англии и США условия договора страхования ответственности директоров исследуются *судом* также не часто, поскольку большинство разногласий по предъявленным к страховщику требованиям о выплате страхового возмещения заканчиваются выплатой страхового возмещения выгодоприобретателю, даже если страховые компании не обязаны были бы платить с формальной точки зрения.

застрахованное лицо не имело основанного на законе права, а также на специально указанную оговорку об исключении страхования на случай совершения застрахованным лицом любого умышленного преступления или умышленного мошеннического действия.

Стоит отметить, что освобождение от уплаты страхового возмещения при мошенничестве подпадает под действие оговорки об окончательном наступлении страхового случая[289]. Пока вина директора за совершение мошеннических действий не будет окончательно рассмотрена в ходе судебного разбирательства, пока суд не вынесет окончательное приговор по делу страховщик обязан покрывать судебные издержки.

В рассматриваемом деле нет указаний на то, что приговор в отношении директора ООО «ВЛС ИНВЕСТ» был вынесен, хотя приведен факт возбуждения в отношении него уголовного дела. Однако это обстоятельство для конкретно данного дела значения не имеет, поскольку: (а) договор предусматривает иные основания исключения страхования ответственности; (б) в данном деле не рассматривался вопрос выплаты страхового возмещения (а если быть точным авансированного или превентивного страхового возмещения) по страхованию финансовых рисков.

Таким образом, можно признать, что несмотря на наличие определенных недостатков данного судебного решения, в целом оно представляет собой позитивный опыт разрешения спора, связанного с договором страхования ответственности директоров, и, по существу, является верным, отражающим теоретическую модель данного вида страхования.

Рассмотрим категорию страхового риска в контексте обязательства по страхованию ответственности директоров юридических лиц. Согласно статье 9 Закона об организации страхового дела страховой риск — предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Страховой риск

[289] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York. 2017. // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.02.2020).

в страховании ответственности органов управления юридических лиц — это стоимость судебных разбирательств гражданско-правовой ответственности, точнее говоря, отсутствие финансовой поддержки для покрытия расходов членов органов управления как перед лицом самого общества (внутренняя ответственность), так и перед работниками и иными третьими лицами (внешняя ответственность).

Теперь рассмотрим срок действия договора по страхованию директоров юридических лиц или срок покрытия. Обычно срок действия договора страхования ответственности *D&O* составляет один год, но ничто, кроме размера страховой премии не помешает заключить данный договор на больший срок. Кроме основного срока покрытия договор может предусматривать дополнительный срок для уведомления. Срок дополнительного уведомления *discovery clause* или *optional extended reporting period*. Суть данного продления не в пролонгации основного срока на тех же условиях. Скорее страхователь пролонгирует лишь срок уведомления страховщика. Так, если спустя два года после истечение основного срока покрытия, к лицу риск привлечения к ответственности которого был застрахован два года назад по *Side-A* покрытию, застрахованное лицо при условии пролонгации *discovery clause,* может обратиться к страховщику и потребовать выплаты страховой суммы, необходимой для покрытия расходов на защиту.

В связи с этим может возникнуть вопрос: распространяется ли требование предельной добросовестности при пролонгации *discovery clause?* На этот вопрос стоит ответить положительно. Страхователь должен в том же порядке уведомлять страховщика о любом изменении вероятности наступления риска ответственности.

Ретроактивное действие договора страхования можно согласовать при его заключении, однако на практике заключение договоров страхования ответственности *D&O* на таких условиях происходит редко[290].

Рассмотрим, какие юридические факты являются страховым случаем в обязательстве и договора страхования ответственности директоров юридических

[290] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York. 2017 // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.05.2020).

лиц. Существует несколько подходов к определению страхового случая[291]. Присущая страховому случаю неопределенность и расплывчатость свойственна и договору страхования ответственности членов органов управления юридических лиц[292]. Возможны следующие варианты определения страхового случая по договору страхования директоров: а) в момент правонарушения, из которого проистекает ответственность; б) в момент предъявления претензии; в) в момент вынесения судебного решения (причем окончательного решения, с учетом истечения срока на обжалование в апелляцию[293]) либо предоставление согласия застрахованным компенсировать ущерб, но для того, чтобы в последующем претендовать на выплату страхового возмещения также требуется согласие страховщика[294].

Из-за обилия юридических фактов, которые потенциально можно рассматривать в качестве наступления страхового случая принято считать, что страховой случай наступает в результате сложного фактического состава. Сложный фактический состав включает в себя следующие юридические факты: момент предъявления претензии и вынесение судебного решения, заключение мирового соглашения[295].

В результате единогласия в установлении данного сложного фактического состава в качестве страхового случая возникает интересный парадокс. Страховщики обязаны оплатить превентивные судебные расходы до окончательного наступления страхового случая, авансировать директора для того, чтобы у того была возможность выступать в ходе судебного разбирательства.

В зарубежной практике страхования ответственности *D&O* страхователь (выгодоприобретатель) предоставляет страховщику уведомление об изменении

---

[291] *Merkin R.* Op. cit. P. 8.

[292] *Клоченко Л. Н.* Страховой случай // Юридическая и правовая работа в страховании. 2008, № 1. С. 32 — 40.

[293] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York. 2017 // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.05.2020)

[294] *Beazley Underwriting Ltd v Travelers Companies Inc.* [2011] EWHC 1520 (Comm); [2012] 1 All ER (Comm) 1241.

[295] *Williams v Natural Life Health Foods Ltd* [1998] 1 WLR.

(возрастании, уменьшении) вероятности возникновения риска. С одной стороны, предоставление уведомление об обстоятельствах — право, а не обязанность[296]. Для страхователя (выгодоприобретателя) это возможно будет актом самообвинения. С другой, необходимая часть исполнения договора страхования ответственности *D&O*, обусловленная наличием обязанности предельной добросовестности. Страхователь (выгодоприобретатель) заинтересован в раскрытии информации страховщику, поскольку тем самым предотвращает возможные возражения страховщика о недостаточности раскрытия информации и, следовательно, сокращает риск отказа в выплате суммы страхового возмещения.

Страховой случай по договору страхования ответственности директоров, заключенному между ООО «ВЛС ИНВЕСТ» и АО «АльфаСтрахование», признавался наступившим в момент предъявления к застрахованному лицу любого требования, которое с необходимостью ведет к убыткам застрахованного лица, даже если такие убытки фактически еще не были понесены[297].

Таким образом, понятие обязательства из договора страхования ответственности директоров юридических лиц было рассмотрено через основные, базовые категории страхового права — субъекты (страховщик, страхователь, застрахованное лицо, выгодоприобретатель), проблема множественности лиц, объект (страховой интерес), страховой случай. Теперь представляется необходимым проанализировать объем страхового покрытия и порядок заключения договора страхования ответственности директоров юридических лиц.

---

[296] *Lüneborg C., Resch A. P.* Ausgewählte Probleme des D&O-Versicherungsschutzes aus Aufsichtsratsperspektive: Versicherungsabschluss, Rückwärtsdeckung, Nachmeldefristen und Umstandsmeldung // De Gruyter.

[297] Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357.

§3. Объем страхового покрытия в обязательствах из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц и особенности его заключения

В США выделяют три типа страхового покрытия в обязательствах страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Первые тип покрытия, называемый *Side-A coverage,* который покрывает риск ответственности директора в случае предъявления акционерами косвенного иска. Более того, данный тип включает в себя требования, предъявляемые напрямую к директору при банкротстве. Типичным примером покрытия *Side-A coverage* является следующее условие: «Страховщик возместит ущерб каждого застрахованного лица, возникший в связи с предъявлением требования к застрахованному лицу, за исключением случаев, когда Компания обязуется возместить застрахованному лицу потери»[298].

Второй тип покрытия, называемый *Side-B coverage,* покрывает риск компании по возмещению потерь директору, в связи с предъявленным к последнему требования. Типичное условие, отраженное в правилах страхования следующее: «Страховщик возместит любые убытки компании, возникшие в связи с иском, предъявленным против застрахованного лица, которому компания возместила потери»[299].

Третий тип покрытия, именуемый Side-C, связан со страхованием самой корпорации на случай убытков, которые она может понести в связи с предъявлением требований акционерами[300].

---

[298] "The Insurer will: (i) pay the Loss of each Insured Person arising from a Claim against that Insured Person except to the extent that the Insured Person has been indemnified by the Company for the Loss» (См.: AIG Policy Wording 2013, clause 1.1(i) // URL: https://www.yumpu.com/en/document/read/38751405/corporateguard-2013-sec-directors-and-officers-aig-in-the-uk (Дата обращения: 20.05.2020)).

[299] "The Insurer will: (ii) reimburse the Company for any Loss arising from a Claim against an Insured Person for which it has indemnified an Insured Person." (См.: AIG Policy Wording 2013, clause 1.1(ii). // URL: https://www.yumpu.com/en/document/read/38751405/corporateguard-2013-sec-directors-and-officers-aig-in-the-uk. (Дата обращения: 13.05.2020))

[300] "The Insurer will pay the Loss of each Company arising from a Securities Claim brought against a Company». «См.: AIG Policy Wording 2013, clause 1.4. // URL:

Ввиду особенностей страхового покрытия *Side-B* необходимо провести соотношение возмещения потерь (*indemnity)* и страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Общий закон о корпорациях штата Делавэр (*Delaware General Corporation Act*) позволяет корпорациям включать в свой устав положение, ограничивающее или полностью исключающее личную ответственность директора за нарушение фидуциарной обязанности[301]. Закон также запрещает установление обязательства по возмещению потерь (*indemnification)*: 1) за нарушение обязанности лояльности, 2) когда решение не было принято добросовестно, 3) когда действие было связано с умышленным неправомерным поведением или 4) виновным нарушением закона. Компенсация также не должна ограничивать ответственность директора, вытекающую из нарушений федерального законодательства. Возмещение потерь может предусматриваться только в отношении директора, а не других сотрудников или должностных лиц. Кроме того, Общий закон о корпорация Делавэр разрешает возмещение потерь на основании договора, заключенного между корпорацией и директором, или на основе решения акционеров. На последний способ возмещения потерь распространяются те же ограничения, что и в отношении возмещения потерь, предусмотренного уставом. Компенсация может быть предоставлена *ex ante.* Закон разрешает компенсацию менеджера на основании возмещение потерь. Возмещение потерь предоставляется *ex post*. Выплата возмещения потерь должна быть одобрена акционерами в каждом конкретном случае[302].

В случае если корпорация считает, что директор, успешно защитившийся и выигравший судебный процесс о привлечении его и корпорацию к ответственности, не должен получать возмещения, директор может требовать

---

https://www.yumpu.com/en/document/read/38751405/corporateguard-2013-sec-directors-and-officers-aig-in-the-uk (Дата обращения: 13.05.2020)).

[301] Причиной появления возможности возмещения компанией потерь является кризис рынка страхования ответственности D&O, которое появилось значительно раньше. В силу кризиса необходимо было стимулировать директоров осуществлять деятельность по управлению корпорацией, предпринимать относительно рискованные решения. (Подробнее см.: *Rosh H. R.* Op. cit. P. 1306-1309).

[302] *Moskowitz T.D., Effross W.A.* Turning back the tide of director and officer liability // Seton Hall Law Review. 1992, № 23. P. 905—917.; title 8, §102(b)(7) Delaware Code.

выплаты возмещения. Однако в некоторых штатах существует практика по отказу в удовлетворении иска о выплате возмещения за судебные расходы, возникшие в связи со спором директора с корпорации о выплате ему *indemnification.* Эта позиция впервые была высказана в решении Апелляционного суда штата Нью-Йорк от 25 апреля 2002 г[303]. Как следует из обстоятельств дела, корпорация отказала директору в выплате возмещения (около семидесяти тысяч долларов — примерно такая сумму расходов претерпел директор, отстаивая свои права и права корпорации), предусмотренного внутренними актами корпорации в соответствии с возможностью, предусмотренной Законом о предпринимательских корпорациях штата Нью-Йорк[304]. Отказ был мотивирован тем, что расходы на защиту были не обоснованы и не разумны: корпорация указывала на отсутствие необходимости у директора нанимать отдельного юриста и уплачивать ему вознаграждение, поскольку юрист корпорации и так отстаивал права, подавал возражения на исковое заявление от имени всех ответчиков. Директор обратился в суд с требованием обязать корпорацию выплатить возмещение. Суд удовлетворил заявленные требования, однако отказался включить в сумму подлежащего выплате возмещения сумму судебных расходов, которую претерпел истец-директор. Суд обосновал данное решение тем, что такое широкое толкование положений Закона о предпринимательских корпорациях штата Нью-Йорк, на котором настаивает истец, означает возможность выплаты корпорацией возмещения за траты и расходы, имеющие достаточно «слабую связь с первоначальным судебным разбирательством»[305]. Таким образом, хотя директора и могут претендовать на возмещение по праву штата Нью-Йорк, если оно предусмотрено внутренними актами корпорации, это не означает, что директору не придется понести убытков вовсе: в случае отказа корпорации уплатить — пусть даже и не обоснованного и в последующем признанного неправомерным судом — директору придется

[303] *Baker v Health Management Sys., Inc.* N.Y. Apr. 25, 2002.
[304] § 722 (a), § 724 (a) New York Business Corporation Law.
[305] *Parker M. R., Saison-Dodd T. M.* New York Court Exposes Directors and Officers to Personal Liability // The Corporate Governance Advisor. 2002, № 4. P 30.

самостоятельно добиваться возмещать судебные расходы (безусловно, такая ситуация во многом возможна из-за известного и устоявшегося в США правила о том, что каждая сторона в рамках судебного разбирательства самостоятельно несет расходы с ним связанные). Директора, которые могут претендовать на корпоративное возмещение, тем самым, в ситуации непростого выбора, результат которого сложно предугадать: добиваться реализации имеющегося за ними права на возмещение или рисковать понести большие расходы в попытке осуществить право. Конечно, данное решение значительно укрепило положение корпораций, поскольку оно фактически дозволяет корпорациям «штрафовать» несговорчивых директоров в аналогичных ситуациях.

В Англии согласно статье 310 Акта о компаниях 1985 г., любое предварительное положение, изложенное в уставе или предусмотренное договором, которое освобождает от ответственности директора или теневого директора (*shadow director)* от любого нарушения обязанностей или требований, вытекающих из внутренних корпоративных отношений, является ничтожным[306]. Такая позиция явилась результатом рассмотрения дела Re City Equitable 1925 года, в котором суд признал директоров *prima facie* небрежным за их поведение и лишил должностное лицо права ограничить свою ответственности, сославшись на положение в уставе, которое освободило бы его от любой ответственности, кроме умышленного пренебрежения или халатности при исполнении обязанностей директора[307].

В редких случаях суд, основываясь на праве справедливости, может освободить директора от ответственности. В данном вопросе суд уполномочен проявить широкое усмотрение. Когда директор действует добросовестно и разумно, он должен быть освобожден от ответственности судом с учетом всех обстоятельств дела. Это исключение было введено, потому что в противном случае было бы сложно найти достаточно ответственное лицо, которое хотело бы занять

[306] Section 310 Companies Act 1985.
[307] *Re City Equitable Fire Insurance Co* [1925] Ch 407.

должность директора компании[308]. Редким примером освобождения от ответственности директора судом по такому основанию является дело *D'Jan*[309].

После принятия нового Акта о компаниях в 2006 г. регулирование в этой части изменилось. Согласно разделу 234 Акта директору вправе заключать соглашения о возмещении потерь (*indemnity)* с третьими лицами. Однако относительно включения условий о возмещении потерь в устав или заключения отдельного соглашения директора с компанией регулирование осталось прежним[310].

В соответствие с пунктом 5 статьи 53.1 ГК РФ любое соглашение или положение в уставе о возмещении обществом потерь директору, равно как и любое ограничение ответственности лиц за совершение недобросовестных действий, а в публичном обществе за совершение недобросовестных и неразумных действий ничтожно. Таким образом, соглашение об ограничении или устранении ответственности за убытки, причиненные *неразумными* действиями лиц, составляющих органы управления юридическим лицом, можно заключить только в непубличном обществе (пункт 5 статьи 53.1 ГК РФ)[311].

Исследователи замечают, что в связи с исчерпанием суммы страхового возмещения в рамках покрытия *Side-C*, означающим недостаточность согласованной суммы страхового возмещения для выплаты по покрытиям *Side-A* и *Side-B,* большинство компаний предпочитает страховать свою ответственность отдельно[312]. Кроме того, при страховании ответственности с включением покрытия *Side-C,* если в роли застрахованного лица выступает единоличный исполнительный орган компании одного лица и это лицо действует умышленно, то умышленный характер правонарушения вменяется всей компании. В результате, страховщик

---

[308] *Baxter C.* Demystifying D&O Insurance // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1995, № 4. P. 542-543. Section 727 Companies Act 1985.
[309] *Re D'Jan of London Limited* (1993).
[310] *Barton A.* D&O Liability Insurance // Company Secretary's Review. 2010. № 8. P. 63-64.
[311] *Гутников О. В.* Указ. соч. М., 2019. С. 176.
[312] *Ghalleb N.* Managerial Opportunism and Directors' and Officers' Liability Insurance // URL: http://biblos.hec.ca/biblio/theses/002147.PDF (Дата обращения: 04.05.2020).

вправе отказать в выплате не только по *Side-A,* но и по всем остальным типам покрытия.[313].

В Соединенном Королевстве выделяют следующие типы покрытия — *Corporate Re-imbursement Coverage* и *Personal Coverage*[314]. *Corporate Re-imbursement Coverage* фактически охватывает покрытие *Side-B* и компенсацию судебных расходов, которые возникли у компании. *Personal Coverage* аналогично покрытию Side-A и обычно охватывает риск возмещения убытков в связи с «предъявлением требования, основанного на любом действительном или предполагаемом нарушении обязанностей, злоупотреблении доверием (*breach of trust*) или пренебрежении, а также на ошибках, упущениях, искажениях и нарушениях гарантийных обязательств»[315]. Условия страхового полиса в значительной степени индивидуализированы под сферу деятельности компании.

В мировой практике страхования ответственности членов органов управления юридических лиц также сложилось нетипичное покрытие, которое используется для страхования ответственности независимых директоров, которые входят в коллегиальные органы управления нескольких юридических лиц. Такой договор страхования заключает сам директор, выступая в двойном качестве — как страхователь и выгодоприобретатель. Обычно юридические лица финансируют заключение данного договора, но директор может застраховать свою ответственность самостоятельно.

Особенностью договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц является комплексный характер страхового правоотношения. Комплексность страхового правоотношения заключается в страховании риска несения судебных расходов. В терминологии российской

---

[313] *Paolini A.* Op. cit. P. 437.
[314] *O'Sullivan N.* The Demand for Directors' and Officers' Insurance by Large UK Companies // European Management Journal. 2002, № 5. P. 575.
[315] *Finch V.* Personal Accountability and Corporate Control: The Role of Directors' and Officers' Liability Insurance // The Modern Law Review. 1994, № 6. P. 898.

системы страхового права страхование данного риска называют страхованием предпринимательского риска[316].

С одной стороны, в литературе господствует точка зрения, что страхование судебных и иных расходов, возникающих у застрахованного в силу предъявления ему претензии (например, проведение расследования для выявления нарушений внутри компании с помощью внутренней аудиторской службы или с привлечением внешних специалистов и т.п.) (предпринимательского риска) является вторичным, дополнительным в общей конструкции страхового покрытия *D&O*[317]. Парадокс заключается в том, что страхование главного риска — риска несения убытков в связи с решением суда или заключением мирового соглашения — хронологически вторично. В связи с этим в договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц обычно предусматривается лимит тех сумм страхового возмещения, которые страховщик может предоставить страхователю в целях возмещения его судебных расходов. В английском страховом праве в отсутствие соглашения о лимитах страхового покрытия судебных расходов считается, что сумма разумно понесенных расходов страхователя зависит от иных содержащихся в договоре страхования ответственности в отношении регулирования выплаты страхового возмещения[318]. В остальном поскольку страховое правоотношение предполагает длительность отношений сторон, иные вопросы, подлежащие разрешению, например, очередность удовлетворения судебных расходов при предъявлении нескольких требований подлежат разрешению в процессе переговоров со страховщиком при возникновении подобных ситуаций.

Договоры страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на практике довольно часто лимитируются франшизой. В США

---

[316] *Алейникова В.В.* Указ. соч. С. 66.

[317] *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York. 2017. // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0 (Дата обращения: 20.05.2020).

[318] *Clarke M. A.* Ibid. // URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/38!/4/2/4@0:0.

страховщики, как правило, не включают условие о франшизе (*deductibles*) в страховые полисы с покрытием типа *Side-A*. В тоже время довольно распространено установление франшизы в договорах страхования с покрытием типа *Side-B* и *Side-C.* При этом франшиза устанавливается одна на весь договор, то есть на все типы покрытия, указанные в страховом полисе. Таким образом, выплата суммы страхового возмещения при наступлении страхового случая по любому указанному покрытию потребляет общий лимит страхового возмещения[319].

Установление франшизы (*deductibles*) в договорах страхования ответственности членов органов управления юридических лиц также распространено среди английских страховщиков. Франшизы для публичных компаний и компаний, размещающих акции на биржах США, как правило, значительно выше[320].

Страховые полисы прямо или в силу закона подразумевают исключения из объема покрытия. В США обычно предусмотрено два основных исключения. Во-первых, они исключают мошенничество и личное обогащение на стороне застрахованного лица, то есть любое действие или упущение, которое является преднамеренным и умышленным нарушением обязанности или правила. Стоит отметить, что освобождение от уплаты страхового возмещения при мошенничестве подпадает под действие окончательной оговорки. Пока дело о мошенничестве, совершенное директором, не будет окончательно рассмотрено в ходе судебного разбирательства, страховщик будет покрывать все судебные издержки. Поскольку в США спор, вероятнее всего, закончится заключением мирового соглашения, а не вынесением окончательного судебного решения, исключение из покрытия умышленных, мошеннических действий не имеет значения. Как правило, мировое соглашение заключается без признания вины застрахованным лицом, что очевидно отвечает интересам акционеров, предъявляющих деривативный иск, а также интересам юридических фирм, которые обладают интересом в получении гонорара

[319] *Baker T. Griffith S.J.* Ensuring Corporate Misconduct. Chicago. 2010. P. 46.
[320] *O'Sullivan N.* The Impact of Directors' and Officers' insurance on audit pricing: Evidence from UK companies // Accounting Forum. 2009. № 2. P. 146—161.

успеха. Если лицо признает вину в мировом соглашении, то страховщик имеет право отказать лицу в выплате страхового возмещения.

Во-вторых, страховые полисы предусматривают исключение, связанное с сегментацией рынка. Всякий раз, когда другой страховой полис покрывает ущерб, страховщик *D&O* не возмещает ущерб. Примером таких претензий применительно к праву США могут послужить требования, относящиеся к нарушению законов об охране окружающей среды, претензии, основанные на ранее упомянутом Законе о пенсионном обеспечении работников (*Employee Retirement Income Security Act)* и т.п.[321]

Английские страховые компании склонны предусматривать два базовых исключения из объема покрытия. Во-первых, как было указано ранее, исключается страхование риска, возникшего в результате злонамеренного (*malicious*), мошеннического (*fraudulent)* или умышленного действия (*deliberate)*[322]. Во-вторых, так же, как и в США не допускается пересечение покрытий разных видов страхования. Указывается, что в рамках договора страхования ответственности *D&O* покрытие может включать риск предъявления претензий, основанных на решениях, принятых на заседании совета директоров[323].

Возможны и иные формы ограничения страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Так, покрытие страховых полисов обычно ограничивают территорией определенного государства или нескольких государств: например, может быть предусмотрено ограничение предъявлением требований, связанных с осуществлением деятельности в США или, наоборот, исключение страхового покрытия при предъявлении данных требований.

Исходя из проведенного анализа правоотношения по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц, можно следующим образом определить правовую природу договора страхования ответственности членов органов управления. Договор страхования членов органов управления

---

[321] *Baker T., Griffith S.J.* Op. cit. P. 46.
[322] *Paolini A.* Lending Sub-Prime and Advising on Financial Investments from a D&O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5. P.7.
[323] *Finch V.* Op. cit. P. 899.

юридических лиц — это двусторонний договор имущественного страхования деликтной ответственности, а также финансовых рисков единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа, члена коллегиального органа управления хозяйственного общества, управляющей организации, управляющего хозяйственного общества, между хозяйственное общество (страхователем) и страховщиком.

Заключение договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на практике происходит в несколько этапов.

Первым этапом является предварительное ознакомление с существующим рынком страховщиков. На практике у каждого страховщика есть разработанные им стандартные правила страхования по различным видам договора страхования, в том числе и по *D&O*. Однако это не значит, что впоследствии страхователь не сможет изменить предусмотренные в правилах страхования стандартные условия, напротив, договоры страхования ответственности членов органов управления юридических лиц часто подробно детализируются и индивидуализируются сторонами.

Второй этап заключается в определении страховщика, с которым компания планирует заключить договор. Первым шагом к заключению договора страхования ответственности *D&O* является заполнение специального опросника (*questionnaire)*[324]. Этот шаг сопровождается предоставлением страховщику отчетности за последние два-три года.

На третьем этапе страховщик, как правило, проводит интервьюирование потенциального страхователя, в ходе которого страховщиком выясняются обстоятельства, связанные с *«Character»* и «*Culture*». Первый блок вопросов касается личности застрахованного (выгодоприобретателя) при *Side-A* покрытии, а также субъектов, входящих в орган управления юридическим лицом или являющихся его единоличным исполнительным органом при страховании типа

[324] Образец опросника (*questionnaire)* английской страховой компании *AIG* доступен по адресу // URL: https://www.aig.co.uk/content/dam/aig/emea/united-kingdom/documents/Financial-lines/PrivateEdge/privateedge-privatecompanies-proposalform.pdf.

Side-C (а в мировой практике и *Side-B*). Уточнение вопросов блока *«Character»* при страховании с последними двумя покрытиями так или иначе необходимо, потому что именно лица управляющие юридическим лицом формируют ту палитру рисков, которую компания как страхователь хочет передать страховой компании. Несмотря на то, что фактически страхуется риск наступления ответственности не конкретного лица, а «должности», члена органа управления юридическим лицом на определенный период времени, и учесть персональные склонности при определении страховщиком размера страховой премии довольно сложно, тем не менее важно, чтобы анализ персоналий тех, кто управляет юридическим лицом был проведен для определения потенциальных рисков[325].

Вопросы блока «*Culture*» связаны с выстроенной системой корпоративного управления (структура акционерного капитала (инсайдерская/аутсайдерская), система вознаграждения (remuneration) и т.д.) и также корпоративной культурой компании (ценности, идеалы, значимые для компании проекты и т.п.). Страховщик стремится как можно лучше идентифицировать потенциальные риски, однако при заключении договора страхования ответственности директоров сделать это не так-то просто. Этим страхование ответственности директоров отличается от других видов страхования ответственности. Страховщик, заключающий договор ОСАГО, проводит актуарные расчеты по строго установленной схеме, используя более-менее понятные ориентиры (коэффициент бонус-малус, коэффициент возраста и стажа). Страховщик, заключая договор *D&O*, сталкивается с огромными объемами данных, которые необходимо проанализировать для подсчета риска, что в конце концов порой заканчивается довольно субъективным определением вероятности наступления страхуемого риска (бессилие в анализе огромных данных получило в экономике название «проклятие знаний» (*curse of knowledge*))[326].

При заключении любого договора страхования на страхователе существует обязанность правильного, наиболее полного и добросовестного раскрытия

[325] *Otto R. Weterings W.* D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance, 2019, № 24. P. 105 — 136.
[326] *Dobiac J.* Op. cit. P. 515.

информации[327]. Договор страхования ответственности директоров юридических лиц не является исключением. Страхователь должен раскрыть информацию перед страховщиком наиболее полным образом, следуя доктрине *ubberima fides*, чтобы в последующем у страховщика отсутствовали основания для заявления о том, что его ввели в заблуждение путем умолчания об определенных важных фактах и, следовательно, основания для отказа в страховых выплатах. На практике данная мера часто используется страховщиком для уменьшения суммы страховых выплат по договорам страхования ответственности директоров и должностных лиц в США.

Действие доктрины *ubberima fides* (*utmost good faith)* в отношении страхования ответственности директоров построено на общих началах данного принципа — обязанность страхователя по максимально полному раскрытию информации не прекращается на стадии заключении договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц[328]. Пожалуй, именно в данном виде страхования ответственности эта доктрина получает наиболее полное выражение. В процессе всего срока исполнения договора страхования членов органов управления юридических лиц, страхователь (выгодоприобретатель) обязан предоставлять в форме промежуточных отчетов любые сведения об изменении, прежде всего *возрастании*, вероятности наступления риска привлечения к ответственности или просто предъявления требования членов органов юридических лиц.

В тоже время стоит согласиться с мнением М. В. Кратенко, который указывает, что обязанность наивысшего доверия при заключении и исполнении договора страхования принадлежит не только страхователю. Иное понимание данной доктрины значительно преуменьшило бы ее значение, сделало бы данный принцип страхового права односторонним. Напротив, «страховщик должен играть

---

[327] *Кратенко М. В.* Преддоговорная обязанность страхователя по раскрытию обстоятельств риска ("*duty of disclosure*"): модели в европейском страховом праве и перспективы для России // Журнал Российского права, 2020, № 5. С. 94.

[328] *Архипова А. Г.* Доктрина uberrima fides в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права, № 4, 2015. С. 19.

активную роль в выяснении обстоятельств риска»[329]. Действительно, страховщик должен проявлять активное участие в опросе директоров, их интервьюировании, ознакомиться не только с той информацией, которая предоставлена юридическим лицом-страхователем, но и с той которая находится в открытом доступе.

Английским законом о страховании 2015 года также предусматриваются определенные уступки страхователю в части снижения стандарта раскрытия информации: «страхователь обязан предоставить информацию, которую он знает или должен знать»[330].

Ввиду того, что сделка страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ является сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность (пункт 1 статьи 81 Закона об АО; пункт 1 статьи 45 Закона об ООО), порядок ее заключения осложняется необходимостью соблюдения определенных корпоративных процедур, а именно — она подлежит одобрению общего собрания. В случае, когда размер страховой премии достигает значительных размеров, на нее распространяется регулирование о крупных сделках (пункт 1 статьи 78 Закона об АО; пункт 1, статьи 46 Закона об ООО). Безусловно, к отношениям сторон при заключении договора продолжают применяться общие положения о заключении договоров (глава 28 ГК РФ).

Таким образом, подводя итог настоящей главе, можно отметить, что нами было сформировано системное представление о структуре обязательства по страхованию ответственности директоров юридических лиц, которое имеет корни в странах системы общего права, сквозь призму институтов страхового права континентальной правовой традиции. Были проанализированы основные категории страхового правоотношения — субъекты, объект, страховой случай, объем страхового покрытия. Исследован порядок заключения договора страхования членов органов управления юридических лиц.

Теперь, когда известны основные принципы и правила заключения договора и исполнения обязательства по страхованию ответственности директоров

[329] *Кратенко М. В*. Указ. соч. С. 95.
[330] *Архипова А. Г.* Указ. соч. С. 18.

юридического лица, проанализированы все типы страхового покрытия в данном виде страхования представляется важным посмотреть на реализацию данного страхового правоотношения, его функциональный потенциал и взаимосвязь с корпоративным правом и корпоративным управлением.

Глава 3. Влияние института страхования ответственности органов управления юридических лиц на корпоративное управление

§1. Влияние заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на управление в корпорации

Зарубежными исследователями были замечены последствия заключения договора страхования на существующие правоотношения, его влияние на стимулы участвующих в правоотношении сторон или лиц, которые этим правоотношением так или иначе затронуты, например, лиц в пользу, которых исполняется обязательство[331]. Отечественные специалисты также не обошли эту проблему стороной и выражали определенную настороженность по поводу возможных эффектов заключения договора страхования ответственности на поведение лиц. Так, например, еще М. И. Кулагин писал, что «страхование приводит не к усилению защиты потерпевших, а, напротив, к ее ослаблению, ибо в расчете на страхование ответственности своей деятельности лицо ведет себя более беспечно, а следовательно, и более социально опасно»[332]. Современный исследователь корпоративного права и корпоративного управления Д. И. Текутьев обращает внимание, что при заключении договора страхования ответственности директоров «необходимо найти баланс, при котором, с одной стороны, удастся снизить риски привлечения к ответственности членов органов управления, а с другой - сохранить их ответственность за принятие управленческих решений»[333]. Определенную помощь в этом российским исследователям и правоприменителям могут оказать современные теории корпоративного управления, предметом которых является изучение существующего опыта и построения гипотез по внедрению страхования ответственности директоров в конкретных компаниях.

---

[331] Shavell S. The Judgment Proof Problem // International Review of Law and Economics. 1986, № 6. P. 54 — 55.

[332] Кулагин М. И. Предпринимательство и право: Опыт Запада. М., 1992. С. 96.

[333] Текутьев Д. И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017. С. 118-117.

Для начала определимся с основными понятиями, которые нам предлагает во многом междисциплинарная наука корпоративного управления. Корпоративное управление - система взаимоотношений между членами органов управления юридического лица, работниками, акционерами, иными инвесторами в связи с деятельностью корпорации. Корпоративное управление существовало ровно столько же, сколько существовала концепция юридического лица в форме корпорации. Можно утверждать, что корпоративное управление является неотъемлемым свойством любой корпорации. Тем не менее системное осмысление корпоративного управления как целенаправленного управленческого воздействия на юридическое лицо для нахождения баланса интересов между органами управления, инвесторами и работниками, путем определения принципов взаимодействия, структуры органов управления, уточнения прав и обязанностей, в Западной Европе произошло лишь в конце XX - начале XXI века. Проблемы, которые исследуются за рубежом корпоративным правом и корпоративным управлением совместно уже около двадцати лет, только лишь начинают заявлять о себе на страницах работ отечественных авторов[334]. Исследование, предпринятое в 2000 году профессором права Стенфордского университета Б. Блэком, о регулятивном и эвристическом потенциале корпоративного управления в российском правопорядке демонстрирует важность изучения многих актуальных проблем корпоративного права и влияние на него смежных к нему подотраслей гражданского права (в том числе договорного, в данном случае страхового права) с помощью того инструментария и выводов, которые предоставляет корпоративное управление[335].

Разразившиеся по всему миру корпоративные скандалы (дела Barings Bank (1995), Enron (2001), Parmalat (2003), Satyam (2008) и др.) продемонстрировали неэффективность и недостаточность действующего тогда корпоративного права как исключительного способа регулирования, не учитывающего специфику

[334] Там же. С. 6-7.

[335] *Black B.* Does Corporate Governance Matter? A Crude Test Using Russian Data // University of Pennsylvania Law Review. 2001, № 6. P. 231 — 233.

отдельных корпораций[336]. В надежде укрепить инвестиционную привлекательность компаний, повысить прозрачность, улучшить отчетность, сделать возможным учет индивидуальных особенностей компаний и предотвратить подобные упомянутым выше кризисы были выработаны правила корпоративного управления (впоследствии приведенные в форму кодексов корпоративного управления), которые стали более мягким (*soft*) и гибким механизмом регулирования корпорации, нежели система корпоративного права, и были призваны выполнять свои особые функции.

Родиной системы правил корпоративного управления можно считать Англию. Именно там в ходе кропотливой многолетней работы, начиная с 1992 года (*Cadbury Report 1992*), были выработаны основные подходы корпоративного управления и создан оригинальный механизм их соблюдения ("*comply or explain*"), которые будут унифицированы в форму *Combined Code 1998*, а затем закреплены в Кодексе корпоративного управления (*UK Corporate Governance Code 2010*).

Показавшие свою эффективность правила корпоративного управления были восприняты Европейским Союзом (*Directive 2006/46/EC of the EU Parliament and of the European Counsel (4 June 2006)*), аналог в форме принципов был разработан Организацией экономического сотрудничества и развития (*OECD Principles of Corporate Governance 1999*), в США были приняты *Sarbanes-Oxley Act (2002), NYSE Corporate Governance Rules (2003)*, переработано корпоративное право штата Делавэр.

Наличие кодексов корпоративного управления характерно не только для юрисдикций с распределенной системой акционерного капитала (Англия, США) и, следовательно, аутсайдерской модели корпоративного управления, но и для юрисдикций с системой концентрированного акционерного капитала и инсайдерской моделью корпоративного управления (Германия)[337]. Хозяйственным обществам в Российской Федерации, которым характерна концентрированная

[336] *Mallin C. A.* Op. cit. P. 1-12.
[337] *Kraakman R. H.* The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. Oxford, 2009. P. 49-72.

система акционерного капитала, инсайдерская система корпоративного управления и преобладание государственного участия в капитале корпораций, не стала исключением. Уже в 2002 году был разработан и принят Кодекс Корпоративного Поведения, а затем его сменил в 2014 году Кодекс Корпоративного Управления (далее — ККУ 2014 года).

Следуя западно-европейской модели корпоративного управления пункт 139 ККУ 2014 года содержит рекомендацию акционерным обществам страховать ответственность членов совета директоров на случай причинения вреда обществу или третьим лицам путем нарушения ими своих обязанностей.

Последовательные попытки урегулирования договора страхования ответственности членов органов управления хозяйственными обществами на федеральном уровне, закрепления рекомендации по его заключению в ККУ 2014 года и практика фактического заключения данного договора на рынке требуют глубокого изучения договора не только с точки зрения обязательственного права, но и с точки зрения влияния его заключения на управление в корпорации инсайдерской модели, свойственной для хозяйственных обществ по российскому праву.

Можно выделить прямую и косвенную формы влияния заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на корпоративное управление. Прямое влияние определяется как воздействие на стимулы поведения застрахованных членов органов управления юридических лиц. Косвенное влияние связано с воздействием на поведенческие стимулы акционеров в управлении корпорацией.

Прежде чем перейти к изложению основных теорий влияния заключения договора страхования ответственности *D&O* на корпоративное управление необходимо ввести термины и допустить некоторые оговорки, которые важны для понимания и усвоения основных моделей.

Корпоративное управление призвано решать так называемую агентскую проблему. Агентская проблема возникает в связи с появлением издержек во

взаимодействии между лицами, участвующими в деятельности корпорации[338]. Агентские транзакционные издержки возникают в связи с разделением владения и контроля (*ownership and control)* — владения капиталом и управления юридическим лицом[339]. Майкл С. Дженсен и У. Меклинг определяют агентские издержки, как сумму: 1) затрат на создание и структурирование отношений между акционером и управляющим корпорацией директором; 2) издержек в связи с мониторингом директора для предотвращения как халатности, так и нелояльности; 3) расходов менеджера, связанных с доказательством лояльности; а также 4) остаточной потери, понесенной, поскольку усердие и лояльность никогда не бывают полными.

Разделение владения и контроля корпорацией оправдано по следующим причинам: во-первых, высокая степень ликвидности (оборотоспособности) акций; во-вторых, в свою очередь, это позволяет привлекать инвестиции и производить компанией больше товаров за меньшую среднюю стоимость в долгосрочной перспективе; в-третьих, корпорацией управляют более квалифицированные и профессиональные директора и менеджеры[340].

Агентская проблема возникает, прежде всего, в компании с дисперсным (распределенным) акционерным капиталом. Когда акционеры не связаны с корпорацией из-за свободного оборота акций и диверсификации своего участия в капитале различных корпораций, они с меньшей вероятностью будут эффективно контролировать руководство[341]. Директор, стремясь максимизировать личную выгоду, может злоупотреблять отсутствием мониторинга в свою пользу. На основании оригинального учения М. Дженсена и У. Меклинга в 1976 году принято

[338] *Posner R. A.* Economic Analysis of Law. New York, 2007. P. 441.
[339] *Berle A. A., Means G. C.* The modern corporation and private property. London, 2017. P. 4-5. *Posner R. A.* Ibid. P. 424—425. *Kraakman R. H.* The anatomy of corporate law: A comparative and functional approach. Oxford, 2009. P. 49-72.
[340] *Posner R. A.* Ibid. P. 441.
[341] *Polinsky A. M. Shavell S.* Should Employees be subject to Fines and Imprisonment given the Existence of Corporate Liability // International Review of Law and Economics. 1993 № 13. P. 256.

считать, что директор может либо неосновательно обогатиться за счет управления корпорацией, либо уклониться от ответственности и работы[342].

Чтобы сократить издержки, возникающие в связи с разделением владения и контроля, было предложено шесть инструментов, которые и составляют основные проблемы корпоративного управления: (1) банкротство, (2) рынок корпоративного контроля, (3) прямые управленческие финансовые стимулы, (4) надзор за корпоративным управлением, (5) расширение прав и возможностей акционеров и (6) обязанности директоров.

В данном контексте ключевым аспектом является осмысление функции гражданско-правовой ответственности. Несмотря на превалирующее в отечественной цивилистической литературе мнение о компенсаторно-восстановительной задаче гражданско-правовой ответственности, с позиции исследователей корпоративного управления главной функцией в выстраивании внутренних отношений в корпорации является стимулирующая функция гражданско-правовой ответственности, которая имеет также и обратное (негативное) значение удерживающей функции. Считается, что ответственность директоров и иных органов управления юридического лица побудит их к более аккуратному принятию рисков, поспособствует добросовестному осуществлению обязанностей. В то же время, если риск ответственности будет чрезмерно велик, это может ослабить стремление проявлять инициативу в принятии рисков и осуществлении полезной для компании деятельности, поскольку имущества директоров как правило недостаточно для покрытия убытков, причиненных компании. Объясняет ответственность членов органов управления юридических лиц теория «стратегии привратника» (*gatekeeper strategy).* Суть данной стратегии заключается в расширении группы ответственных субъектов для размытия требуемой от компании суммы. Таким образом ответственность членов органов

[342] *Jensen M. C., Meckling W. H.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure', Journal of Financial Economics. 1976, № 3. P. 305—311.

управления позволяет частично разрешить проблему выплаты чрезмерного возмещения в рамках ответственности за других лиц[343].

В случае чрезмерно высоких стандартов поведения и чрезмерного строгих обязанностей членов органов управления юридических лиц, возникает высокий риск привлечения к ответственности. Причем в случае неопределенности правового регулирования ответственности членов органов управления юридических лиц, новизны такого регулирования, возрастает вероятность привлечения директора к ответственности либо, по крайней мере, количество попыток предъявления требований и претензий[344].

При отсутствии хорошего механизма мониторинга существует риск, что имущества виновных в правонарушении лиц может не хватить для компенсации заявленной суммы убытков.

Процесс изменения стимулов лиц, входящих в органы управления юридических лиц, наиболее известен как проблема морального риска (*moral hazard problem)*. Моральный риск (*moral hazard*) — это изменение условий деятельности субъекта, которое вынуждает его сознательно или бессознательно быть менее осторожным из-за устранения неопределенности в вопросе имущественных последствий существования риска[345]. Заключение договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц создает проблему морального риска. В результате изменения стимулов поведения застрахованного лица, страховщик не способен адаптировать условия страхового полиса в соответствии с поведением и особенностями застрахованного лица, изменившимися после заключения договора.

Принято выделять два способа нивелирования данной проблемы. Во-первых, изменение страховой премии при заключении договора, т.е. увеличение страховой премии до заключения договора страхования, и страхование только части риска (частичное покрытие). Во-вторых, установление франшиз, пределов возмещения,

[343] *Kraakman R. H.* Ibid. Oxford, 2009. P. 144.
[344] *Shavell S.* On Moral Hazard and Insurance // The Quarterly Journal of Economics. 1979, № 4. P. 541.
[345] *Outreville F. J.* Theory and practice of insurance. New York, 1998. P. 134.

исключений из страхового полиса. Изменение договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц возможно как при заключении договора D&O, так и после заключения[346].

Значение проблемы морального риска для страхования ответственности членов органов управления юридических лиц трудно переоценить. Страховая отрасль *D & O* подвержена страховым циклам. Эти циклы включают в себя регулярное и постепенное чередование от мягкого рынка до жесткого рынка. Совершенно мягкие рынки приводят к заключению договора страхования, в котором установлена низкий размер страховой премии и предусмотрено полное покрытие. Жесткие рынки характеризуются высокими страховыми премиями и частичным покрытием[347]. Некоторые исследователи полагают, что циклы страхования зависят от проблемы морального риска. Во время фазы мягкого рынка — проблема морального риска игнорируется. Затем после периода активного заключения договоров, наступает период отчета страхователей о предъявленных к ним требованиях. Проблема морального риска начинает проявляться. В итоге, рынок входит в жесткую фазу, и страховщики увеличивают стоимость страхования и лимитируют страховой полис, устанавливая различные ограничения и исключения[348].

Теперь стоит рассмотреть различные теории о прямом влиянии заключения договора страхования членов органов управления юридических лиц на корпоративное управление. В частности, на принятие директорами решений.

Всего можно выделить пять групп теорий:

---

[346] *Gaber M.* The effect of D&O insurance on managerial risk taking. // URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/en/publications/the-effect-of-dampo-insurance-on-managerial-risk-taking. (Дата обращения: 03.05.2020).

[347] *Regan L., Tennyson S.* Insurance Distribution Systems. Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000. P. 709—712.

[348] *Cooter R., Ulen T.* Law & Economics. Boston, 2012. P. 37-42.

1) Некоторые исследователи не наблюдают какой-либо ясной взаимосвязи страхования ответственности членов органов управления с эффективностью принятия рисков директорами[349];

2) Другие исследователи ассоциируют заключение договора страхования ответственности D & O с а) лучшими инвестиционными решениями, только если компания действует в условиях высокой конкуренции[350] и б) отсутствием изменений во взаимоотношениях с кредиторами, если компания приобретает обычной объем страхового покрытия;

3) Третья группа исследователей полагает, что заключение договора страхования ответственности членов органов управления воздействует негативно на поведенческие стимулы самих застрахованных лиц[351].

4) Страхование D & O уменьшает опасения директоров, что возможное заявление требования против них и его дальнейшее удовлетворение истощит их частные активы. Это облегчает компаниям набор профессиональных и опытных директоров[352].

5) Страховая премия служит индикатором наличия, либо отсутствия системы корпоративного управления в компании. При высоком размере страховой премии — отсутствует система корпоративного управления либо находится в упадке; при низкой сумме страховой премии существует развитая система корпоративного

---

[349] *Chen T., Li S.* Directors' and Officers' Insurance and Corporate Governance. 2008. P. 1—5. // URL: http://portal.business.colostate.edu/projects/ARIA/Shared%20Documents/1a_Chen_DO%20Insurance%20%20Corporate %20Governance.pdf. (Дата обращения: 04.05.2020).

[350] *Lin C., Officer S. M., Wang R., Zou H.* Directors and Officers Liability Insurance and Loan Spreads // Journal of Financial Economics. 2013, № 110. P. 55.

[351] *Baker T., Griffith J. T.* Predicting Corporate Governance Risk: Evidence from the Directors' and Officers' Liability Insurance Market // Chicago University Law Review. 2007, № 74. P. 487-490. Не согласны с данной позицией И. С. Шиткина и О. В. Буткова (См.: *Шиткина И. С. Буткова* О. В. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1. С. 43 - 49).

[352] *O'Sullivan N.* Op. cit. P. 574—583. В отечественной правовой науке на такой эффект заключения договора ответственности директоров обращали внимание А. В. Габов и А. Е. Молотников (См.: *Габов А. В., Молотников А. Е.* Указ. соч. С. 168).

управления[353]. Это обусловлено тем, что при повышенном риске наступления страхового случая, страховщики стараются максимально приблизить размер страховой премии к сумме страхового возмещения[354]. Поскольку страхователь стремится приблизить размер страховой премии, которую он должен уплатить страховщику, к наиболее меньшему показателю, насколько позволяет рынок, ему выгодно внедрять и осуществлять элементы эффективного корпоративного управления.

Страховщики в действительности могли бы до определенной степени воздействовать на корпоративное управление в организации. Они обладают эффективным механизмом для того, чтобы политика эффективного корпоративного управления проводилась директорами на потенциальной основе — обязанность раскрытия информации, подкрепляемая действием принципа *uberrima fides.* Можно даже предположить, что проводимая страховщиками корпоративная политика будет воздействовать на иных субъектов корпоративных правоотношений — акционеров, участников. Насколько это предположение оправдано, будет рассмотрено в следующем параграфе.

[353] *Otto R. Weterings W.* D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance. 2019, № 24. P. 105 — 136.
[354] *Outreville F. J.* Op. cit. P. 133.

§2. Влияние раскрытия информации о договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц на порядок привлечения инвестиций

В данном параграфе мы рассмотрим косвенное влияние заключение договора страхования ответственности членов органов корпоративного управления. Косвенное влияние связано с воздействием на поведенческие стимулы акционеров в управлении корпорацией.

Обратимся к первой теории, которая именуется теорией «альтернативного мониторинга». В корпорации с дисперсной системой акционерного капитала акционеры предпочитают не принимать активное участие в управлении компании. В свою очередь это создает проблемы мониторинга деятельность членов органов управления юридических лиц. Для решения данной агентской проблемы целой группой ученых была сформулирована теория, согласно которой заключение договора страхования ответственности способно удовлетворить потребности акционеров в лучшем мониторинге за деятельностью директоров. Такие исследователи как *Oesterle, Mayers and Smith, Holderness, Skogh* сформулировали гипотезу о том, что страховщик может заменить акционера на его посту «контроллера» деятельности директора[355]. Иными словами, страховщик может осуществлять мониторинг на том же уровне, что и акционеры, или значительно лучше и при этом с куда меньшими издержками.

В отношении страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, *G.Skogh* сформулировал три возможности страховой компании осуществлять мониторинг за страхователем. Во-первых, во время заключения договора страхования страховщик может оценить общую корпоративную культуру, классифицировать возможные риски, рекомендовать ограничить или исключить

[355] *Oesterle D. H.* Limits on a Corporation's Protection of its Directors and Officers from Personal Liability // Wisconsin Law Review. 1983, № 513. P. 572.; *Mayers D., Smith C. W.* On the Corporate Demand for Insurance // Journal of Business. 1982, № 2. P. 285.; *Holderness C. G.* Liability Insurers as Corporate Monitors // International Review of Law and Economics.1990, № 10. P. 115—116.; *Skogh G.* Mandatory Insurance: Transaction Costs Analysis of Insurance // Encyclopedia of Law and Economics. Volume II / ed. by B. Bouckaert and G. De Geest. New York, 2000. P. 526, 527—529.

проведение некоторых мероприятий[356]. На второй стадии, страховщик формулирует условия, исключающие выплату страхового возмещения. Например, действия, которые могут привести к оппортунистическому управленческому поведению: например, установление запрета совершения действия по сопротивлению поглощениям[357]. В-третьих, страховщик может взять на себя существенную роль во время судебного разбирательства. *C. G. Holderness* различает два аспекта деятельности страховщика на этой стадии — выяснение истины и коммуникация с потерпевшим. В рамках первого аспекта, страховщик имеет преимущество перед судебными, корпоративными или внешними расследованиями, поскольку они могут дополнять своевременный, эффективный, независимый и жесткий подход в установлении обстоятельств. При осуществлении взаимодействия с потерпевшим, страховщик может предоставить информационное преимущество представителю компании по сравнению с акционерами, что позволяет наилучшим образом защитить корпорацию[358].

Таким образом, теория альтернативного мониторинга признает неспособность акционеров и отсутствие у них желания контролировать поведение членов органов управления, поскольку использование финансового рынка (продажа акций компании и диверсификация собственных активов являются более эффективными механизмами. Намного проще диверсифицировать собственные риски и использовать усилия других заинтересованных лиц для разрешения спора с компанией (например, других более активных, обладающих большим количеством акций акционеров, незаинтересованных независимых директоров и др.). Сторонники данного подхода предлагают продолжить ряд более заинтересованных лиц в участии в управлении и осуществлении контроля за компанией, добавив в него страховщика по договору страхования ответственности *D&O*.

В ответ на данную теорию исследователи *T. Baker* и *S. Griffith* высказали следующие критические замечания. Теория альтернативного мониторинга (1)

---

[356] *Holderness C. G.* Op. cit. P. 118—119.
[357] Ibid. P. 119-120.
[358] Ibid. P. 120-123.

неоправданно искажает ценообразование при заключении договора страхование *D&O*, (2) страховщик не может осуществлять мониторинг в течение периода действия полиса и (3) страхователь не принимает активного участия в разрешении спора. Первое возражение ученых основано на том, что страховщики действительно справляются с категоризацией рисков. Страховые компании действительно могут отличить плохие риски от хороших, что возможно устраняет проблему неблагоприятного отбора (*adverse selection*)[359]. Однако ученые опасаются, что разница в размере страховых премий за страхование хороших и плохих рисков слишком мала. Кроме того, они выражают сомнения в том, что изменение размера страховой премии может повлиять на поведение застрахованного, делая при этом уточнение, что публикация данных о страховании *D & O* дала бы сигнал участникам рынка капитала. И в свою очередь реакция последних рынка на сигнал могла бы должным образом повлиять на корпорацию, в том числе корпоративное управление[360].

Предложение *T. Baker* и *S. Griffith* о необходимости публиковать данные о страховании ответственности членов органов управления юридических лиц было поддержано академическим сообществом. Некоторые исследователи сравнивают сигнальный эффект заключения договора страхования директоров для рынка с внешним аудитом, находя между ними много общего[361]. Существуют предложения, что страховщика по страхованию ответственности членов органов управления юридических лиц нужно рассматривать в роли «привратника» (*gatekeeper),* то есть лица, ответственного за ненадлежащее управление в

[359] Концепция неблагоприятного отбора основана на двух условиях. Во-первых, в существовании различий между застрахованными. Во-вторых, страховщик не может различить типы различных рисков. В результате страхователь вынужден платить страховую премию в одинаковом размере вне зависимости от наличия как плохих, так и хороших рисков в пуле. (См. подр.: *Abraham K. S., Chiappori P.* Classification Risk and Its Regulation // Research Handbook on The Economics of Insurance Law / ed. by D. Schwarcz, P. Siegelman. Cheltenham, 2015. P. 294 — 295.)

[360] *Baker T. Griffith S.J.* Predicting Corporate Governance Risk: Evidence from the Directors' and Officers' Liability Insurance Market // The University of Chicago Law Review. 2007, № 2. P. 533—537.

[361] *Paetzmann K.* "Insuring the Agents" — Managerdisziplinierung und Rolle der D&O — Versicherung als Instrument der Corporate Governance // Zeitschrift für die gesamte Versicherungswissenschaft. 2008, № 97.P. 192—194.

компании[362]. Это стимулирует страховщика лучше осуществлять мониторинг страхователей.

Рассмотрение страховщиков *D&O* как «привратников» усиливает аргумент о необходимости публикации данных страхования ответственности *D&O*[363]. Такие данные могут эффективно сигнализировать об осуществлении директором своих обязанностей, сформируют более детальное представление о стандартах поведения, рисках корпорации и улучшат качество корпоративного управления. Это предоставит участникам рынка капитала и другим лицам более подробный обзор корпорации.

Наиболее мягкое требование публикации информации о страховании ответственности членов органов управления юридических лиц, может заключаться в установлении рекомендации в Кодексе корпоративного управления публиковать данную информацию в отчетах о корпоративном управлении корпорации, либо предусмотреть обязанность публиковать сведения о страховых полисах *D&O* в годовом отчёте[364].

С другой стороны, существуют аргументы против излишне детального раскрытия информации о полисах страхования ответственности *D&O*. Оценка страхователя и классификация рисков страховой компанией возможны только тогда, когда раскрытая информация признается конфиденциальной, то есть страховщик не может раскрывать данную информацию (статья 946 ГК РФ). Если бы страхователь узнал информацию, защищаемую тайной страхования, и страховой рынок был бы конкурентоспособным, он просто переключился бы на страховщика, который еще не накопил соответствующую информацию. Таким

---

[362] *Ben-Shahar O., Logue K. D.* Outsourcing Regulation: How Insurance Reduces Moral Hazard // Michigan Law Review. 2012, № 2. P. 245.

[363] *Griffith A. J.* Uncovering a Gatekeeper: Why the SEC Should Mandate Disclosure of Details Concerning Directors' and Officers' Liability Insurance Policies // University of Pennsilvania Law Revew. 2006, № 154. P. 1147, 1162.

[364] Осуществляется по правилам, которые содержатся в Положении Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (См.: 8. Положение Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (Зарегистрировано в Министерстве Юстиции РФ 12.02.2015 N 35989) от 30.12.2014 № 454-П (ред. от 25.05.2018) // Вестник Банка России. 2015. № 18-19).

образом, страхователь добивался бы заключения договора страхования при оплате меньшей страховой премии. Другими словами, в условиях конкурентной среды, определенная частная информация страховщиков должна быть защищена и признаваться конфиденциальной[365]. Если бы требовалась публикация излишних деталей страхования ответственности *D&O*, страховые компании не смогли осуществлять свои функции надлежащим образом, что в долгосрочной перспективе могло бы повлечь переход в жесткую стадию рынка страхования (повышение страховых премий, сокращение видов предоставляемых страховых продуктов и т.п.). Таким образом, необходимо найти баланс в раскрытии информации о заключении договора страхования ответственности членов органов управления юридического лица.

В настоящее время требование о наиболее детальном раскрытии информации о полисах страхования ответственности *D&O* установлено в Канаде. В США отдельные упоминания о заключенном договоре страхования ответственности членов органов управления юридических лиц можно найти в публично размещаемых годовых отчетах компании, в оценках кредитных рейтинговых агентств и годовых отчетов в соответствие с требованиями *Sarbanes-Oxley Act* и *Dodd-Frank Act.* Упоминание об страховании ответственности директоров можно найти и в английских годовых отчетах[366].

В Российской Федерации в виду того, что заключение договора страхования ответственности подпадает под действие правил о сделках, в которых имеется заинтересованность (пункт 1 статьи 81 Закона об АО; пункт 1 статьи 45 Закона об ООО), поскольку страхование ответственности членов советов директоров (наблюдательных советов) отличает признакам сделки, в совершении которой имеется заинтересованность и потенциально под регулирование крупных сделках в случае, если размер страховой премии достигает значительных размеров (пункт 1 статьи 78 Закона об АО; пункт 1 статьи 46 Закона об ООО), решение о заключении

[365] Ср. со статьей 946 ГК РФ.

[366] *Otto R., Weterings W.* D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance. 2019, № 24. P. 105 - 136.

договора страхования ответственности членов органа управления юридических лиц может подлежать одобрению в установленном законом порядке. На практике в Российской Федерации хозяйственные общества также публикуют информацию о договорах страхования ответственности членов органов управления в рамках отчета о ежегодном общем собрании, где и принимается решение об одобрении данной сделки[367]. Так, в одобрении заключения договора страхования ответственности членов совета директоров (наблюдательного совета) Московской биржи содержится довольно подробное описание данной сделки, включая указание на стороны, предмет договора, объем покрытия, размер страховой премии и страхового возмещения[368].

Второй контраргумент *T. Baker'a* и *S. Griffith'a* связан с тем, что фактически после заключения договора страхования реальное взаимодействие между страхователем и страховщиком прекращается до момента предъявления требования, момента прекращения договора страхового полиса либо его дальнейшего пролонгирования. В качестве иллюстрации они приводят пример, как в 1990-х годах страховщик опубликовал руководство по предотвращению убытков в целях распространения своих наблюдений за риском застрахованной корпорации определенной отрасли и предложения лучших практик. Однако публикация такого руководства привела к негативным последствиям. В последствии страховщик, выпустивший руководство, отказался понизить размер страховой премии по договорам с корпорациями, предъявившими претензии к страховщику после

[367] Отчет об итогах голосования на годовом Общем собрании акционеров Публичного акционерного общества «Московская Биржа ММВБ РТС» // URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwizh4ydsf_pAhVykIsKHbXLBUEQFjADegQIBhAB&url=http%3A%2F%2Ffs.moex.com%2Ffiles%2F15015&usg=AOvVaw1FDUhDgndCOPgFIhCI9L_b. Дата обращения: 25.05.2020)

[368] Согласие на совершение договора страхования ответственности членов советов директоров (наблюдательных советов) и должностных лиц ПАО Московская Биржа и дочерних компаний ПАО Московская Биржа в качестве сделки, в совершении которой имеется заинтересованность // URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwizh4ydsf_pAhVykIsKHbXLBUEQFjAAegQIARAB&url=http%3A%2F%2Ffs.moex.com%2Ffiles%2F14692&usg=AOvVaw2ccxg9tNFd-c-u0mLZj3ww (Дата обращения: 25.05.2020).

выполнения некоторых его рекомендаций. Иными словами, руководство не достигло поставленных перед ним задач[369].

Третий контраргумент касается участия страховщика в урегулировании спора. Когда претензия подана, страховщик принимает участие в урегулировании. Несмотря на то, что страховщики ведут переговоры о сумме урегулирования, они редко настаивают на определенном выборе адвокатов застрахованным ответчиком и редко участвуют в предварительном расчете соответствующих расходов. Страховщики просто возмещают ответчику-корпорации все расходы *ex post.*[370]

Теория «медиации», объясняющая положительные стороны покрытия *B-side* страхования ответственности членов органов управления юридических лиц с позиции корпоративного управления, была разработана *J. Bishop, A. Oesterle, R. Kraakman.*[371]

Ранее страхование ответственности членов органа управления юридического лица путем страхования риска возмещения потерь была подвержена жесточайшей критике. Утверждалось, что страхование ответственности с данным типом покрытия представляет собой «скрытый … абсурдный треугольник» (“*hidden ... farcical triangle”*)[372]. Акционеры не получают никакого преимущества от возмещения при *Side-B* страховании, поскольку, во-первых, «в той степени, в которой страховщики не могут предвидеть риски привлечения к ответственности

---

[369] *Baker T., Griffith S.J.* The Missing Monitor in Corporate Governance: The Directors' and Officers' Liability Insurance // The Georgetown Law Journal. 2007, № 95. P. 1808—1813. Согласно пункту 3 статьи 2 Проекта Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)», подготовленного Министерством экономического развития Российской Федерации все данные условия подлежат обязательному включению в решение об одобрение сделки. (См.: Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=89526 (дата обращения: 07.04.2020))

[370] *Baker T. Griffith S.J.* Ibid., p. 1813—1817.

[371] *Bishop J.* Op. cit. P. 103, 107, 110; Oesterle A. Limits on a Corporation's Protection of its Directors and Officers from Personal Liability // Wisconsin Law Review. 1983, № 513. P. 571—573.; *Kraakman R. et al.* When are Shareholder Suits in Shareholder Interests? // The Georgetown Law Journal.1993, № 82. P. 1746, footnotes 35 and 95.

[372] *Oesterle A.* Ibid., p. 571.

конкретной фирмы, некоторые фирмы получают прибыль, а другие терпят убытки от страхового возмещения»[373]. Во-вторых, «*when shareholders weigh insurance costs against expected recoveries ex ante, they will prefer to bar suits that cost the insurance pool more than they recover on behalf of individual corporations*» [акционеры, предварительно сравнив расходы по страхованию с ожидаемым возмещением, предпочтут не заявлять деривативный иск, который обойдется страховому пулу дороже, чем они возмещают от отдельных директоров]. По сути, сумма страховой премия просто росла с увеличением суммы возмещения потерь[374].

Тем не менее *J. Bishop, A. Oesterle* и *R. Kraakman* попытались обосновать положительные стороны данного страхового покрытия следующим образом. Во-первых, страховщик может иметь больше возможностей для посредничества между истцом (акционером или потерпевшим) и застрахованной компании. В обычных обстоятельствах компания контролируется коллективным/единоличным исполнительным органом. Неразумно позволять тому же лицу выступать посредником в конфликте, за который оно (частично) несет ответственность. Даже если это лицо получит компенсацию, оно, вероятно, будет защищаться при рассмотрении такого иска. В связи с этим страховщик может заменить директора в роли временного управляющего для беспристрастного представления компании, когда существует конфликт интересов. Страховщик может действовать в роли медиатора и быстро разрешить конфликт.

Во-вторых, поскольку практическая проблема данного покрытия заключалась в обычном несоответствии суммы возмещения тем судебным расходам, которые должна понести компания, акционеры, фигура медиатора в лице страховщика позволила бы снять излишние финансовые тяготы и разрешить конфликт значительно дешевле[375].

В-третьих, страховая премия при данном типе покрытия страхования ответственности *D&O* может в достаточной степени сигнализировать о

[373] *Kraakman R. et al.* Op. cit. P. 1746.
[374] Ibid., p. 1746.
[375] Ibid., p. 1741; Bishop J. Op. cit. P. 94.

недостатках в корпоративном управлении. Однако страховая премия может лишь тогда служить сигналом качества корпоративного управления в застрахованной компании, если страховой полис общедоступен, и с ним можно ознакомиться, и акционеры используют данный сигнал при вложении своих инвестиций. Кроме того, страхование ответственности *D&O может служить* сигналом кредиторам по договорным обязательствам и демонстрировать им достаточность активов фирмы и / или способность фирмы осуществлять мониторинг[376]. Страховой полис мог указать кредиторам, насколько корпорация принимает чрезмерно рискованные проект. Такая информация может быть полезна кредитору для правильной оценки долга[377].

Однако *J. Bishop, A. Oesterle* и *R. Kraakman* допускают ошибку в своей модели, наделяя страховщика свойством беспристрастности, не имеющим своего собственного интереса в том или ином разрешении дела или заключении мирового соглашения. Существующий мировой опыт регулирования договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц свидетельствует об обратном. Поскольку интерес страховщика выражается в уменьшении страхового возмещения, страховщик по договору страхования ответственности D&O имеет право одобрять действия, предпринимаемые застрахованным лицом в процессе судебного либо внесудебного порядка разрешения спора вплоть до утверждения представителя либо предоставления представителя застрахованному.

Более того, *R. Squire* полагает, что страхование ответственности усложняет попытки урегулировать конфликт и прийти к мировому соглашению. Исследователь утверждает, что обычно страховщик уплачивает большую сумму страхового возмещения при разрешении коллективного деривативного иска в США мировым соглашением. Поэтому страховщик зачастую не предоставляет согласие на заключении мирового соглашения, а предпочитает дожидаться

[376] *Otto R., Weterings W.* D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance, 2019. № 24. P. 105 — 136.
[377] *MacMinn R., Garven J. R.* On Corporate Insurance // Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000. P. 543.

решения суда[378]. Такое решение страховщика обусловлено его информированностью о состоянии рисков, которые были на стороне застрахованного. Зная, что застрахованное лицо совершило умышленное или противозаконное деяние, страховщику действительно выгоднее дождаться судебного приговора, а не платить возмещение по мировому соглашению, в котором не фиксируется характер совершенного нарушения, не отражается форма вины застрахованного лица.

Чтобы смягчить так называемую проблему «коллективных исков» в страховании ответственности, суды иногда истолковывают положения договора, усматривая в них подразумеваемое условие о том, что страховщик обязан принимать «разумные» предложения о заключении мирового соглашения, в покрываемых судебных процессах. Нарушение этой обязанности (по сути, злоупотребление своим правом давать согласие на заключение мирового соглашения) делает страховщика ответственным за полную сумму любых убытков, присужденных по иску, включая любую сумму, превышающую предел установленного страхового покрытия. Но правило порождает свои издержки. Выполнение этого требует дополнительного судебного разбирательства, и страховщики, которые ожидают судебного преследования со стороны своих страхователей, обычно документируют «разумность» их решений по заключению мирового соглашения. Кроме того, суды могут допускать ошибки, которые приводят либо к сохранению страхового возмещения или риска фактического неосновательного обогащения на стороне выгодоприобретателя[379].

Подводя итог рассмотрению основных теорий влияния заключения договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц, необходимо отметить следующее. Во-первых, исследования не основаны на эмпирических данных ответственности членов органов управления private corporations (аналогичных известной российскому корпоративному праву

[378] *Squire R.* The Artificial Collective-action Problem in Lawsuits Against Insured Defendants. Research Handbook on the Economics of Insurance Law / ed. by D. Schwarcz, P. Siegelman. Cheltenham, 2015. P. 461
[379] Ibid. P. 462

непубличные корпорации. Во-вторых, в них практически не затрагивается обсуждение деликтной ответственности и ответственность при банкротстве.

Авторы ограничивают свое обсуждение деривативными классовыми исками акционеров против публичных корпораций в США. Причина этого ясна: подавляющее большинство заявленных требований имеет под собой именно это основание. Тем не менее для Великобритании, Российской Федерации данные основания ответственности имеют значение только в случае размещения акций на одной из бирж США, то есть при регламентации законодательством о рынке ценных бумаг США.

Подводя итог настоящей главе, хочется отметить, что безусловно многие проблемы корпоративного управления заслуживают отдельного самостоятельного и предельно обстоятельного исследования. Ведь, как было продемонстрировано, главные субъекты корпоративного управления — участники корпоративных отношений - находятся в постоянном взаимодействии. Путем оказания воздействия на одного субъектов - например, страхования ответственности члена органа управления юридических лиц - так или иначе будут затронуты остальные — участники, акционеры юридического лица, организация в целом. Реализация каждой из теории корпоративного управления, как например, теория альтернативного мониторинга или теория медиации может иметь свои последствия. Каждая из них исходит из наличия определенных предпосылок для ее реализации. Уяснение возможных последствий и условий для реализации конкретной теории позволяет понять направление для дальнейшего развития корпоративного права и рынка страхования.

Заключение

В работе мы исследовали обязательство из договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Историческое первенство в разработке модели данного договора принадлежит правопорядкам Англии и США. В дальнейшем модель страхования ответственности *D&O* распространилась и в других юрисдикциях, однако сохранила свою стандартизированную структуру и основные обозначения договорных условий. Этим обусловлена необходимость изучения зарубежного опыта и особенно английского и американского правопорядков.

Несмотря на имеющуюся унификацию структуры данного договора, его имплементация в национальные правопорядки неизменно обусловлена контекстом национального права, что вызывает необходимость фокусированного исследования российского гражданского права и его готовности включить данный договор в свою сложившуюся систему договорных обязательств. Кроме того, нельзя ограничиваться изучением только обязательственного права для выявления качественных свойств, функций и особенностей страхования ответственности *D&O*. Необходимо последовательно изучить вопросы ответственности за нарушение обязанностей действовать добросовестно или разумно, поскольку само ее существование и обусловило потребность возникновения данного института.

Особо стоит отметить потребность изучения в контексте страхования ответственность членов органов управления корпоративного права и корпоративного управления. Необходимость этого обусловлена фигурами страхователя и выгодоприобретателя в страховании ответственности членов органов управления юридических лиц, тесной связью корпоративных правоотношений с договорными правоотношениями в процессе исполнения обязательства из договора страхования ответственности *D&O*. С одной стороны, это позволяет лучше понять структуру страхового правового отношения более пристально сосредоточиться на изучении его субъектного состава. С другой, изучение страхования ответственности *D&O* с точки зрения корпоративного права

позволяет рассмотреть результат, возникающий благодаря заключению и исполнению данного договора, по-другому взглянуть на существующую модель корпорации.

Мы постарались отразить указанные соображения в рамках настоящего исследования. Так были рассмотрены структура органов управления по праву Российской Федерации, Англии и США. Выявлены основные типы обязанностей, которые несут лица, управляющие юридическими лицами. Установлена структура норм, предусматривающих эти обязанности — нормы правила и нормы-стандарты. Выявлены особенности данного правового регулирования. Правила представляют собой четко сформулированную норму права, где точно специализированы обязанности субъекта. Стандарты являются более абстрактными и подлежат толкованию.

С этих позиций проанализированы фидуциарные обязанности директора в праве Англии и США. Проанализирована природа обязанностей добросовестности и разумности по российскому праву (статья 53 ГК РФ). Несмотря на имеющиеся исторически различия представляется разумным рассматривать данные правила как правила-стандарты, равно как и обязанности-стандарты, что позволит в лучшей степени понять правовую природу данных обязанностей, а также ответственности за их нарушение.

Отдельной проблемой является определение правовой природы ответственности лиц, осуществляющих функции единоличных исполнительных органов управления, членов коллегиальных исполнительных органов управления, членов коллегиальных органов управления хозяйственных обществ. Ввиду того, что директора согласно господствующей в российском и зарубежном корпоративном (прежде всего в английском) праве отвечают перед юридическим лицом за нарушение закрепленных в законе правил-стандартов действовать добросовестно и разумно, ответственность за их нарушение является деликтной по своей природе.

Обязательство из договора страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ по российскому праву является добровольным

имущественным страхованием: во-первых, деликтной ответственности, а во-вторых, расходов, понесенных в связи с предъявлением требований к члену органов управления юридических лиц и судебных расходов. Таким образом, обязательство из договора страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ по российскому праву обладает комплексным предметом.

Субъектами данного вида страхового правоотношения являются *страховщик* — страховая организация, *страхователь* — прежде всего хозяйственное общество в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью; *застрахованное лицо* — единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент в акционерном обществе (статья 69 Закона об акционерных обществах); директор, генеральный директор в обществе с ограниченной ответственностью (статья 40 Закона об ООО); члены коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции (статья 41 Закона об ООО, статья 70 Закона об АО), члены коллегиального органа управления (наблюдательного совета публичного акционерного общества (пункт 3 статьи 97 ГК РФ) и непубличного акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью в случае закрепления функций коллегиального исполнительного органа или отказа от создания коллегиального исполнительного органа (пункт 3 статьи 66.3 ГК РФ); хозяйственное общество (акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью). Также не видится препятствий для рассмотрения застрахованной по данному виду страхования управляющую организацию, управляющего хозяйственного общества (статья 69 Закона об АО, статья 42 Закона об ООО); *выгодоприобретатель* — хозяйственное общество или третьи лица.

На стороне застрахованных лиц и страховщиков обычно наблюдается множественность лиц, которая значительно усложняет структуру обязательства. Множественность на стороне застрахованного лица может иметь форму «купольного» страхования членов коллективного органов управления юридического лица (*board cover*) и страхования ответственности членов органов

управления группы юридических лиц. На основе рассмотрения различных моделей распределения суммы страхового возмещения при наличии множественности на стороне застрахованного лица оптимальной была признана «модель двух застрахованных башен» с лимитированной суммой страхования для отдельных членов органов юридического лица.

Проанализированы модели распределения суммы страхового возмещения при множественности на стороне страховщиков — «*pro rata distribution»* и «*first claim — first served».* Несмотря на существование и закрепление в российском страховом праве первой модели решения проблемы множественности страховщиков, целесообразно при дальнейшем развитии ранка страхования ответственности *D&O* также закрепить некоторые элементы второй модели, в частности, роль «лидирующего страховщика», что позволит оптимизировать внутренние отношения между страховщиками, возникающие при их множественности.

Выделены и иные сущностные элементы данного страхового правоотношения. Объектом страхового правоотношения является страховой интерес, которым обладают члены органов управления юридических лиц (при страховании *side-A coverage),* хозяйственное общество (при страховании *side-B coverage* и *side-C coverage*). Как и в других видах страхования страховой интерес должен быть определенным и правомерным. Страховой риском в страховании ответственности членов органов управления юридических лиц является стоимость судебных разбирательств гражданско-правовой ответственности, точнее говоря отсутствие финансовой поддержки для покрытия расходов членов органов управления как перед лицом самого общества (внутренняя ответственность), так и перед работниками и иными третьими лицами (внешняя ответственность).

Срок страхования определяется сторонами состоит из обычного срока действия договора, а также из *optional extended reporting period*, суть которого заключается в возможности сообщения страховщику о наступлении страхового

случая (предъявления требования) в связи с предполагаемым правонарушением, возникшим в течение действия основного срока договора страхования.

Страховым случаем в страховании ответственности *D&O* является сложный фактический состав, который включает момент предъявления претензии и вынесение судебного решения или заключение мирового соглашения.

Договор страхования ответственности *D&O* может предусматривать объемы покрытия *Side-A, Side-B, Side-C.* Наиболее актуально для Российской Федерации является страхование по *Side-A* покрытию.

Порядок заключения договора страхования членов органов управления юридических лиц состоит из нескольких этапов. Важно отметить наличие безусловной заинтересованности у лиц, осуществляющих функции единоличных, членов коллегиальных исполнительных органов, членов коллегиальных хозяйственных обществ по *Side-A* покрытию. Поэтому договор страхования их ответственности является сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность (пункт 1 статьи 81 Закона об АО; пункт 1 статьи 45 Закона об ООО).

Влияние договора страхования на корпоративное управление связано, прежде всего, с проблемой *moral hazard,* то есть изменение стимулов лиц осуществляющих функции органов управления юридических лиц после заключения договора страхования их ответственности. Отмечается негативный эффект возможного заключения договора страхования ответственности *D&O*. С другой стороны, системно установленная модель корпоративного управления может повлиять на заключение договора страхования ответственности членов органов управления юридических лиц в части изменения размера страховой премии, объема страхового возмещения.

Установленная взаимосвязь показывает важность доступности ознакомления с данными о заключенных хозяйственных обществом договор страхования ответственности его органов. В работе были детально проанализированы доводы как в пользу, так и против установления четкой обязанности юридических лиц включать данные о заключении договоров страхования ответственности членов

органов управления юридических лиц в свои годовые отчеты, либо размещать их в едином реестре. Представляется важным закрепить в Кодексе корпоративного управления рекомендацию о публикации этих данных, распространить такую рекомендацию и в отношении непубличных хозяйственных обществ.

Изучение соотношения договора страхования в контексте корпоративного управления позволило определить и сформировать представление о некоторых интересах страховщиков, которые могут значительно влиять на исполнение данного договора, на возможность его изменения или расторжения.

Исходя из этого, полагаем, что цель и задачи, поставленные во Введении, были достигнуты в полном объеме.

Библиография

Правовые акты и судебная практика

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч). Ст. 5496.
5. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
6. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
7. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 // Российская газета. 1993. № 6.
8. Положение Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (Зарегистрировано в Министерстве Юстиции РФ 12.02.2015 N 35989) от 30.12.2014 № 454-П (ред. от 25.05.2018) // Вестник Банка России. 2015. № 18 — 19.
9. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящих в состав органов управления юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 3.

10. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 января 2014 г. по делу № 9324/13.
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.04.2010 г. по делу № А43-27008/200839-731.
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. по делу № А71-25219/2018.
14. Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. по делу № А45-23073/2016.
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2020 г. по делу № А40-165388/2017.
16. Определение Верховного суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. по делу № А73-14645/2018.
17. Определение Верховного суда Российской Федерации от 10 января 2019 г. по делу № А21-5157/2016.
18. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 марта 2020 г. по делу № А41-1255/2018.
19. Определение Верховного суда Российской Федерации от 2 марта 2020 г. по делу № А56-88134/2018.
20. Определение Верховного суда Российской Федерации от 23 января 2017 № 307-ЭС15-19016 по делу № А56-12248/2013.
21. Определение Верховного суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. по делу № А73-14645/2018.
22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2017 г. по делу № А56-12248/2013.
23. Определение Верховного суда Российской Федерации от 4 сентября 2020 г. по делу № А56-58918/2019.

24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2019 по делу № А41-31781/2018.
25. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июня 2020 г. № А27-4513/2019
26. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 марта 2020 г. по делу № А33-453/2015.
27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2020 г. по делу № А41-21254/2016.
28. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2015 г. по делу № А60-37165/2014.
29. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31 августа 2015 г. по делу № А08-4257/2014.
30. Постановление Федерального Арбитражного суда Поволжского округа от 17 июля 2013 г. по делу № А65-27541/2012.
31. Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 21 января 2020 г. по делу № А19-28455/2018.
32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2016 г. по делу № А41-80103/2014.
33. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2019 г. по делу № А40-222643/2018.
34. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 февраля 2016 г. по делу № А43-6382/2015.
35. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 августа 2015 г. по делу № А70 -13409/2014.
36. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 августа 2017 г. по делу № А43-13487/2016.
37. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 июня 2020 г. по делу № А60-74283/2018.
38. Постановление Арбитражного суда Приволжского округа от 26 мая 2016 по делу № А55-14726/2015.

39. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 февраля 2016 г. по делу № А74-5237/2012.
40. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2018 г. по делу № А40-171516/14.
41. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2019 г. по делу № А40-78661/14.
42. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2016 г. по делу № А40-143242/2010.
43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 июля 2017 г. по делу № А40-23006/12.
44. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2019 г. по делу № А71-5029/2016.
45. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 мая 2019 г. по делу № А11-14949/2017.
46. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2017 г. по делу № А40-7547/11.
47. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 мая 2019 г. по делу № А40-111181/2017.
48. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 сентября 2016 г. по делу № А56-35890/2015.
49. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 сентября 2018 г. по делу № А42-5390/2017.
50. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 декабря 2018 г. по делу № А60-70464/2017.
51. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 1 июня 2020 г. по делу № А76-694/2019.
52. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 мая 2020 г. по делу № А83-7963/2019.
53. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 июня 2020 г. по делу № А03-18142/2017.

54. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 июня 2017 г. по делу № А57-18411/2016.
55. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 апреля 2016 г. по делу № А40-16650/2015.
56. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2018 г. по делу № А40-117973/2014.
57. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 августа 2015 г. по делу №А27-12161/2014.
58. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 апреля 2017 г. по делу № А32-11075/2016.
59. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19 сентября 2016 г. по делу № Ф10-3490/2016.
60. Постановление Арбитражного суд Западно-Сибирского округа от 4 сентября 2017 г. по делу № А27-1804/2015.
61. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2017 г. по делу № А56-77590/2014.
62. Постановление Арбитражного суд Центрального округа от 29 мая 2017 г. по делу № А09-410/2016.
63. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 июня 2020 г. по делу № Ф03-2194/2020.
64. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 октября 2018 г. по делу № А10-3242/2015.
65. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2016 г. по делу № А40-97929/2015.
66. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 августа 2015 г. по делу № А46-8247/2014.
67. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 января 2017 г. по делу № А29-4190/2015.
68. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 4 декабря 2014 г. по делу № А32-30653/2013.

69. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2019 г. по делу № А40-277491/2018.
70. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 4 марта 2019 г. по делу № А73-5371/2018.
71. Постановление Семнадцатого Апелляционного Арбитражного суда от 20 сентября 2016 г. по делу № А60-2722/2016.
72. Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного суда от 2 июля 2020 г. по делу № А51-12904/2019.
73. Постановление Семнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 16 сентября 2020 г. по делу № А60-73495/2018.
74. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 30 июня 2020 г. по делу № А40-154351/19.
75. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2019 г. по делу № А27-1804/2015.
76. Постановление Третьего Арбитражного Апелляционного суда от 1 сентября 2020 г. по делу № А33-8034/2019.
77. Постановление Первого Арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2015 г. по делу № А43-4795/2013.
78. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357.
79. Companies Act 2006 // LexisNexis.
80. Delaware General Corporation Law // LexisNexis.
81. New York Business Corporation Law // LexisNexis.
82. Insurance Act 2015 // LexisNexis.
83. Sarbanes-Oxley Act // LexisNexis.
84. The Companies (Model Articles) Regulations 2008 // Lexis Nexis.
85. Companies Act 1985 // LexisNexis.
86. *Baker v Health Management Sys., Inc.* N.Y. Apr. 25, 2002 // Lexis Nexis.
87. Carlen v Drury (1812) 1 Versey & Beames 35 ER 61 // LexisNexis.
88. *Coleman v Myers* [1977] 2 NZLR 225 // LexisNexis.

89. *Education Affiliates Inc. v Federal Insurance Co.* № 15-CV-1624, 2016 WL 4059159 (D. Md. July 28, 2016) // LexisNexis.
90. *Fox v Chase Manhattan Corp., № 8192-85* (Del. Ch. 1985) // LexisNexis.
91. *Howard Smith Ltd v Ampol Petroleum Ltd* [1974] AC 821; [1974] 2 WLR 689; [1974] 1 ALL ER // LexisNexis.
92. *In re Warner Communications Sec. Litig.*, 618 F. Supp. 735 (S.D.N.Y. 1985) // LexisNexis.
93. *In re Cenco Inc. Sec. Litig.*, 519 F. Supp. 322 (N.D. III. 1981) // LexisNexis.
94. *Lancashire CC v Municipal Mutual Inc. Ltd* [1995] LRLR 293 // LexisNexis.
95. *Percival v Wright* [1902] 2 Ch 401 // LexisNexis.
96. *Re City Equitable Fire Insurance Co* [1925] Ch 407 // LexisNexis.
97. *Re Hydrodam (Corby) Ltd* [1994] 2 BCLC 180 // LexisNexis.
98. *Re Lands Allotment Co* [1894] 1 Ch 616 // LexisNexis.
99. *Salomon v A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22 // Lexis Nexis.
100. *Sharp v Blank* [2015] EWHC 3220 (Ch) // LexisNexis.
101. *Smithton Ltd v Naggar* [2014] BCC 482 // LexisNexis.
102. *Stone & Rolls Ltd (In Liquidation) v Moore Stephens (A Firm)* [2009] 2 B.C.L.C. 563 HL // LexisNexis.

Литература

103. *Абрамов В. Ю.* Существенные признаки страхового интереса // Юридическая и правовая работа в страховании. 2006, № 2.
104. *Абова Т. Е.* Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М., 2007
105. *Алейникова В. В.* Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018. С. 206.
106. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т.1. М., 1981.
107. *Андреев Ю. Н.* Имущественное страхование: теория и судебная практика. М., 2011.

108. *Архипова А. Г.* Доктрина uberrima fides в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015, № 4.
109. *Архипова А. Г.* Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть // Арбитражная практика. 2016, № 12.
110. *Архипова А. Г.* Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018, № 8.
111. *Белых В. С., Кривошеев И. В.* Страховое право. М., 2001.
112. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2008.
113. *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
114. *Габов А. В., Молотников А. Е.* Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012, № 9.
115. *Голева Е. В.* Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России: сравнительный анализ. СПб., 2015.
116. *Граве К. А., Лунц Л. А.* Страхование. М., 1960.
117. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2019.
118. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
119. *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М., 2019.
120. *Гутников О. В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014, № 6.
121. *Дедиков С.* Функциональная теория страхового интереса // ЭЖ-Юрист. 2010, № 10.
122. *Идельсон В. Р.* Страховое право. М., 1992.
123. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975.

124. *Клоченко Л. Н.* Страховой случай // Юридическая и правовая работа в страховании. 2008, № 1.
125. *Ключарева Е. М.* Доктринальные и исторические особенности определения обязанностей и ответственности членов органов управления юридического лица в разных юрисдикциях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017, № 10.
126. *Когденко Н. Ю.* Страховой интерес и смежные категории имущественного страхования в гражданском праве России: дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
127. *Копылов Д. Г.* Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019, № 4.
128. Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 2020.
129. *Кратенко М. В.* Преддоговорная обязанность страхователя по раскрытию обстоятельств риска ("duty of disclosure"): модели в европейском страховом праве и перспективы для России // Журнал Российского права. 2020, № 5.
130. *Кузнецов А. А.* Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Закон. № 10, 2013.
131. *Кузнецов А. А.* Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014, № 10.
132. *Кузнецова О. А.* Нормы принципы российского гражданского права. М., 2006.
133. *Кулагин М. И.* Предпринимательство и право: Опыт Запада. М., 1992.
134. *Лебединов А. П.* Вопросы страхования риска ответственности за нарушение договора // Юридическая и правовая работа в страховании. 2005, № 4.
135. *Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных

стран // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40.

136. *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010.
137. Учебник по публичному и частному праву. В 2 т. Т. 2.: Частное право / под общ. ред. проф. А.А. Костина. М., 2008.
138. *Ломакин Д. В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4.
139. *Макеева А. А.* Рецепция отдельных положений зарубежного корпоративного права для обеспечения баланса в регулировании ответственности директоров // Предпринимательское право. 2019, приложение № 2.
140. *Малеин Н. С. Шиминова М. Я.* Эффективность предупреждения правонарушений, возникающих из причинения вреда // Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на научной конференции. М., 1971.
141. *Махалин И. Н.* Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия по маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020, № 1.
142. *Митричев И. А.* Понятие имущественного страхования // Бизнес, Менеджмент и Право. 2007, № 2.
143. *Михайлов С. В.* Категория интереса в Российском гражданском праве. М.: Статут, 2002.
144. *Молотников А. Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006.
145. *Молотников А. Е.* Ответственность лиц, осуществляющих управление в акционерных обществах // Корпоративный юрист. 2006. №5.
146. *Мусин В. А.* Сущность и предмет морского страхования по советскому и иностранному праву. Л., 1971.
147. *Назарова Е. В.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург., 2015.

148. *Ножкина А. А.* Страхование ответственности по договору: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.
149. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960.
150. *Ойгензихт В. А.* Имущественная ответственность в хозяйственных договорах. Душанбе, 1980.
151. Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т.: Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998.
152. Правовое регулирование ответственности членов органов управления / Б. Чеффинс, М. Гелтер М. Симс и др.; под общ. ред. Б. Блэка. М., 2010.
153. *Райхер В. К.* Общественно-исторические типы страхования. М., 1947.
154. *Савкин Д. В.* Страховое правоотношение по российскому гражданскому праву: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2003.
155. *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003.
156. *Сотников С. Л.* Страхование профессиональной ответственности: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2010.
157. *Степанов Д. И.* Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник ВАС РФ. 2006, №8.
158. *Степанов Д. И.* Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия. 2015. № 1.
159. *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки. 2018.
160. *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014.
161. *Текутьев Д. И.* Страхование ответственности членов органов управления корпорации: непозволительная роскошь или острая необходимость? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1.
162. *Толмачева О.* Договор страхования: спорные вопросы // Приложение к газете «Финансовая Россия». 1997.
163. *Тололаева Н. В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2017.

164. *Турбина К. Е.* Теория и практика страхования. М., 2003.
165. *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право: теоретические основы и практика применения: монография. М., 2012.
166. *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах. М., 2015.
167. *Худяков А. И.* Теория страхования. М., 2010.
168. *Шикин С. А.* Основания привлечения к ответственности управляющего (управляющей организации) акционерного общества // Юрист. 2016, № 15.
169. *Шиминова М. Я.* Основы страхового права России. М., 1993.
170. *Шиткина И. С., Буткова О. В.* Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019, № 1.
171. *Шихов А. К.* Страховое право. М., 2003.
172. Якимов Н. В. Оценка объема российского рынка страхования ответственности руководителей // Вопросы студенческой науки. 2019, № 6.
173. *Bainbridge S. M.* Corporate Directors in the United Kingdom // William and Mary Law Review Online. 2017, № 11.
174. *Baker T., Griffith S. J.* Predicting Corporate Governance Risk: Evidence from the Directors' and Officers' Liability Insurance Market // The University of Chicago Law Review. 2007, № 2.
175. *Baker T., Griffith S. J.* Ensuring Corporate Misconduct. Chicago, 2010.
176. *Baker T., Griffith S. J.* The Missing Monitor in Corporate Governance: The Directors' and Officers' Liability Insurance // The Georgetown Law Journal. 2007, № 95.
177. *Baker T., Griffith S. J.* How the Merits matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. 2009, № 3.
178. *Baxter C.* Demystifying D&O Insurance // Oxford Journal of Legal Studies. 1995, № 4.
179. *Ben-Shahar O., Logue K. D.* Outsourcing Regulation: How Insurance Reduces Moral Hazard // Michigan Law Review. 2012, № 2.

180. *Berle A. A., Means G. C.* The modern corporation and private property. London, 2017.
181. *Berliner B.* Large Risks and Limits of Insurability // The Geneva Papers on Risk and Insurance. 1985, №10.
182. *Bishop J. W.* New Cure to an old Ailment: Insurance against Directors' and Officers' Liability // Business Lawyer, 1966, № 22.
183. *Cahn A. Donald D. C.* Comparative Company Law. Cambridge, 2010.
184. *Campbell N., Armour J.* Demystifying the Civil Liability of Corporate Agents // Cambridge Law Journal. 2003. № 2.
185. *Chen T., Li S.* Directors' and Officers' Insurance and Corporate Governance. 2008. //URL:http://portal.business.colostate.edu/projects/ARIA/Shared%20Documents/1a_Chen_DO%20Insurance%20%20Corporate %20Governance.pdf.
186. *Clarke M. A.* The Law of Liability Insurance. New York, 2017. URL: https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0.
187. *Cooter R., Ulen T.* Law & Economics. Boston, 2012.
188. *Dallas G. S.* Governance and Risk: An Analytical Handbook for Investors, Managers, Directors, and Stakeholders. New York, 2004.
189. *Dahlan A. K.* The Environment for Directors' and Officers' Liability: From 2009 to Present. 2019. Bachelor Thesis. Appalachian State University.
190. Directors' and Officers' (D & O) Liability / ed. by S. Deakin, H. Koziol, O. Riss. Berlin, 2018.
191. *Dobiac J.* I Came, I Saw, I Underwrote: D&O Liability Insurance's Past Underwriting Practices and Potential Future Directions // Connecticut Insurance Law Journal. 2008, № 2.
192. *Fairfax L.* Spare the Rod, Spoil the Director? Revitalizing Directors' Fiduciary Duty Through Legal Liability // Houston Law Review. 2005, № 42.

193. *Fier S., McCullough K., Gabel J., Mansfield N.* Probability Updating and the Market for Directors' and Officers' Insurance. 2012. // URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1524063.
194. *Finch V.* Personal Accountability and Corporate Control: The Role of Directors and Officers' Liability Insurance // The Modern Law Review. 1994, № 6.
195. *Gaber M.* The effect of D&O insurance on managerial risk taking // URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/en/publications/the-effect-of-dampo-insurance-on-managerial-risk-taking.
196. *Geller S.* M. ERISA Imposes Fiduciary Liability Upon Directors and Officers // The CPA Journal. 2015, November.
197. *Ghalleb N.* Managerial Opportunism and Directors' and Officers' Liability Insurance // URL: http://biblos.hec.ca/biblio/theses/002147.PDF
198. *Graz W. D.* Organhaftung und D&O — Versicherung.
199. *Griffith A. J.* Uncovering a Gatekeeper: Why the SEC Should Mandate Disclosure of Details Concerning Directors' and Officers' Liability Insurance Policies // University of Pennsilvania Law Revew. 2006, № 154.
200. *Hannigan B.* Company Law. Oxford, 2015.
201. *Harrington S. E., Danzon P. M.* The Economics of Liability Insurance // Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000.
202. *Hinsey J.* The New Lloyd's Policy Form for Directors and Officers Liability Insurance // The Business Lawyer. 1978, № 33.
203. *Holderness C. G.* Liability Insurers as Corporate Monitors // International Review of Law and Economics.1990, № 10.
204. *Jensen M. C., Meckling W. H.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure', Journal of Financial Economics. 1976, № 3.
205. *Kraakman R. et al.* When are Shareholder Suits in Shareholder Interests? // The Georgetown Law Journal. 1993, № 82.
206. *Kraakman R. H.* The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. Oxford, 2009.

207. *Lin C., Officer S. M., Wang R., Zou H.* Directors and Officers Liability Insurance and Loan Spreads // Journal of Financial Economics. 2013, № 110.
208. *Lorenzo L. D., Spibey P.* Take Cover! Insolvency Claims and D&O Cover / Corporate Rescue and Insolvency. London, 2016.
209. *Lüneborg C., Resch A. P.* Ausgewählte Probleme des D&O-Versicherungsschutzes aus Aufsichtsratsperspektive: Versicherungsabschluss, Rückwärtsdeckung, Nachmeldefristen und Umstandsmeldung // De Gruyter
210. *MacMinn R., Garven J. R.* On Corporate Insurance // Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000.
211. *Mallin C.A.* Corporate Governance. Oxford, 2019.
212. *Mayers D., Smith C. W.* On the Corporate Demand for Insurance // Journal of Business. 1982, № 2.
213. *Merkin R.* Tort and Insurance: Some Insurance Law Perspectives // Professional Negligence. 2010, № 4.
214. *Mitchell D. T.* Status Bound: The Twentieth Century Evolution of Directors' Liability // New York University Journal of Law and Business. 2009, № 5.
215. *Mitchell L. E.* The Death of Fiduciary Duty in Close Corporations // University of Pennsylvania Law Review. 1990, № 6.
216. *Moskowitz T. D., Effross W. A.* Turning back the tide of director and officer liability // Seton Hall Law Review. 1992, № 23.
217. *Mukwiri J.* Directors' and Officers' Insurance in the UK // European Business Law Review. 2017, № 28.
218. *O'Sullivan N.* The Demand for Directors' and Officers' Insurance by Large UK Companies // European Management Journal. 2002, № 5.
219. *O'Sullivan N.* The Impact of Directors' and Officers' insurance on audit pricing: Evidence from UK companies // Accounting Forum. 2009, № 2.
220. *Oesterle A.* Limits on a Corporation's Protection of its Directors and Officers from Personal Liability // Wisconsin Law Review. 1983, № 71.

221. *Otto R., Weterings W.* D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance. 2019, № 24.
222. *Outreville F. J.* Theory and practice of insurance. New York, 1998.
223. *Paetzmann K.* "Insuring the Agents" — Managerdisziplinierung und Rolle der D&O- Versicherung als Instrument der Corporate Governance // Zeitschrift für die gesamte Versicherungswissenschaft. 2008, № 97.
224. *Paolini A.* Corporate and Insurance Law // The Dieselgate / ed. by M. F. D. Rattalma. Heidelberg, 2017.
225. *Paolini A.* Lending Sub-Prime and Advising on Financial Investments from a D&O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012, № 5.
226. *Parker M. R., Saison-Dodd T. M.* New York Court Exposes Directors and Officers to Personal Liability // The Corporate Governance Advisor. 2002, № 4.
227. *Polinsky A. M., Shavell S.* Should Employees be subject to Fines and Imprisonment given the Existence of Corporate Liability // International Review of Law and Economics. 1993, № 13.
228. *Posner R. A.* Economic Analysis of Law. New York, 2007.
229. *Rauterberg G., Talley E.* Contracting out of the Fiduciary Duty of Loyalty: An Empirical Analysis of Corporate Opportunity Waivers // Columbia Law Review. 2017, № 117.
230. Recent Developments Affecting Professionals', Officers', and Directors' Liability Insurance / D. S. Strick, W. Billa, E. Blanchard, N. Hamblen, J. Kerman, K. Mikulaninec // Tort Trial and Insurance Practice Law Journal. 2017, № 2.
231. *Regan L., Tennyson S.* Insurance Distribution Systems // Handbook of Insurance / ed. by G. Dionne. Dordrecht, 2000.
232. *Romano R.* What Went Wrong with Directors' and Officers' Liability Insurance? // Delaware Journal of Corporate Law. 1989, № 14.
233. *Rosh H. R.* New York's Response to The Director and Officer Liability Crisis: A Need to Reexamine the Importance of D & O Insurance // Brooklyn Law Review. 1989, № 54.

234. *Seligman J. A.* Brief History of Delaware's General Corporation Law of 1899 // Delaware Journal of Corporate Law. 1976, № 1.
235. *Shavell S.* On Moral Hazard and Insurance // The Quarterly Journal of Economics. 1979, № 4.
236. *Shavell S.* The Judgment Proof Problem // International Review of Law and Economics. 1986, № 6.
237. *Sieg O.* D&O-Versicherung des Managers // De Gruyert.
238. *Skogh G.* Mandatory Insurance: Transaction Costs Analysis of Insurance // Encyclopedia of Law and Economics. Volume II / ed. by B. Bouckaert and G. De Geest. New-York, 2000.
239. *Spamann H.* Monetary Liability for Breach of the Duty of Care? // Journal of Legal Analysis. 2016, № 2.
240. Research Handbook on the Economics of Insurance Law / ed. by D. Schwarcz, P. Siegelman. Cheltenham, 2015.
241. *Talbot L. E.* Critical Company Law. New York, 2016.
242. *Talbot L. E.* Progressive Corporate Governance for the 21st Century. New York, 2013.
243. *Taylor J.* Joint-Stock Enterprises in British Politics and Culture 1800-1870. London, 2006. URL: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-institute/Zivilrecht/Dokumente/Doralt/ZGR_Aufsatz_IVZ.pdf (Дата обращения: 15.05.2020).
244. The Shocking Impact of Corporate Scandal on Directors' and Officers' Liability / N. R. Mansfield, J. T. A. Gabel, K. A. McCullough, S. G. Fier // University of Miami Business Law Review. 2012, № 20.
245. *Youngman I.* Directors' and Officers' Liability Insurance. New York, 1999.

Электронные ресурсы

246. Аналитический обзор «Страховой рынок России в 2018 году», подготовленный Национальным рейтинговым агентством // URL:

http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/Аналитический%20обзор-%20страховой%20рынок%20-2018.pdf.

247. Концепция реформирования главы 48 ГК РФ // URL: http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/.
248. Образец опросника (proposal) английской страховой компании AIG // URL: https://www.aig.co.uk/content/dam/aig/emea/united-kingdom/documents/Financial-lines/PrivateEdge/privateedge-privatecompanies-proposalform.pdf
249. Отчет об итогах голосования на годовом Общем собрании акционеров Публичного акционерного общества «Московская Биржа ММВБ РТС» // URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwizh4ydsf_pAhVykIsKHbXLBUEQFjADegQIBhAB&url=http%3A%2F%2Ffs.moex.com%2Ffiles%2F15015&usg=AOvVaw1FDUhDgndCOPgFIhCI9L_b.
250. *Панов А.* Какие уроки можно извлечь из истории эволюции страхования ответственности директоров // URL: www.vedomosti.ru/finance/analytics/2012/03/25/24946.
251. Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части создания правового механизма страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ)» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=89526.
252. Синдицированные кредиты — движение вперед // URL: https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2018/march/7/syndicated-loans-march-ahead.
253. Согласие на совершение договора страхования ответственности членов советов директоров (наблюдательных советов) и должностных лиц ПАО

Московская Биржа и дочерних компаний ПАО Московская Биржа в качестве сделки, в совершении которой имеется заинтересованность // URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwizh4ydsf_pAhVykIsKHbXLBUEQFjAAegQIARAB&url=http%3A%2F%2Ffs.moex.com%2Ffiles%2F14692&usg=AOvVaw2ccxg9tNFd-c-u0mLZj3ww.

254. AIG Policy Wording 2013 // URL: https://www.yumpu.com/en/document/read/38751405/corporateguard-2013-sec-directors-and-officers-aig-in-the-uk.

255. *Felsted A.* The Danger of Being an Executive in the UK // Financial Times. 2006. URL: https://www.ft.com/content/2fc9618a-5d13-11db-9d15-0000779e2340.

256. *Law J., Martin E. A.* A Dictionary of Law. Oxford. 2014. // URL: https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199551248.001.0001/acref-9780199551248.

257. UK Directors and Officers Insurance Market Update // URL: https://www.marsh.com/ie/insights/research/uk-directors-officers-insurance-market-update.html.

258. 2021 Market Conditions Report: Public Company D&O // URL: https://www.ajg.com/us/news-and-insights/2021/feb/2021-market-conditions-report-public-company-d-o/.